

ВИКТОР СКОРНЯКОВ

Остров
безмятежных

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ГРОТЕСК – ФАНТАЗИЯ

АМ-ИЗДАТ
Нью Йорк 1972

AMERICAN "SAM-IZDAT" PUBLISHER • NEW YORK

ВИКТОР СКОРНЯКОВ

Остров
безмятежных

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ГРОТЕСК – ФАНТАЗИЯ

АМ-ИЗДАТ
Нью Йорк 1972

AMERICAN "SAM-IZDAT" PUBLISHER • NEW YORK

THE ISLAND OF DISPASSIONATES

Satirical novel

Copyright © 1972 by Victor Skorniakoff

ALL RIGHTS RESERVED

PRINTED IN THE UNITED STATES OF AMERICA

COMPOSED FOR OFFSET PRINTING BY AUTHOR
FOR INFORMATION AND ORDERS ADDRESS:
V. SKORNIKOFF, 3839 CANNON PL., N.Y., N.Y. 10463
PRICE: \$4.70

Посвящаю светлой памяти моей матери

ОСТРОВ БЕЗМЯТЕЖНЫХ

В. Скорняков

ПРОЛОГ

Горилла-“guerilla” им. Карлы Марлы.

Как только солнце, похожее на раскаленную докрасна сковороду, погрузилось в синие волны Караибского моря, парковые сторожа, приплясывая и напевая вполголоса буэна noche танго-чачанго, стали выпроваживать гуляющую публику вон. Они быстро обежали аллеи, распугали парочки, целовавшиеся в укромных уголках, затем, выгнав всех из парка, закрыли ворота и ушли домой. И не видели, что на одной из скамеек в зарослях остался сидеть случайно забредший сюда турист с аккуратно подстриженной бородкой и густой шевелюрой, одетый в дорогой шелковый костюм.

Иностранец курил сигарету за сигаретой и был так погружен в свои думы, что не заметил, как небо потемнело, стало черно-бархатным и покрылось мириадами мерцающих звезд. Среди них в южной стороне выделялось созвездие Южного Креста. Вскоре взошла луна, и окружающие деревья, кусты, аллеи предстали перед ним в новом виде, освещенные призрачным серебристым светом, точно на телевизионном экране.

С наступлением ночи и исчезновением публики, в парке стало как-то неуютно и даже страшновато. В чаще раздавался треск сухих сучьев и слышались подозрительные шорохи. Откуда-то доносились звуки, похожие на отдаленный барабанный бой.

Поздний посетитель очнулся от задумчивости и стал прислушиваться к странным звукам. Ему стало казаться, что от окружающих его папоротников, пальм и газонов с цветами понсианы, таких приятных на вид и заманчивых при дневном свете, теперь исходят какие-то враждебные токи. Чудилось, что стволы деревьев в аллеях сплошь увиты змеями, а заросли кишат дикими зверями. Будто недалекие джунгли прорвали ограду парка, подошли вплотную к его скамейке и угрожающе сомкнулись вокруг.

Молодой джентльмен не был робкого десятка, но тут понял, что, хотя он и не в парке над Гудзоном, но все таки оно небезопасно засиживаться допоздна в незнакомом месте, тем более в тропиках, на каком-то дрянном островке, в джунглях которого, как ему рассказывали, орудуют гориллообразные партизаны. И он решил уйти от греха подальше.

Посидев еще немного, он встал, отряхнул прилипшие к пиджаку травинки и уже хотел было двинуться к выходу, как из зарослей вылезла огромная рыжая горилла в партизанской фуражке с малиновым околышем. В одной лапе она держала маузер, а другой неистово колотила себя в грудь как в барабан. У нее была противная дикая морда, и в ее раскрытой пасти свирепо сверкали белые клыки.

Неподготовленный к такого рода туристическому аттракциону, иностранец оторопел от неожиданности и застыл на месте, как бы загипнотизированный взглядом маленьких злющих глазок обезьяны. А та, ничтоже сумняшеся, подошла к нему вплотную и, дохнув ему в лицо смрадным духом, хрипло затянула гимн местных партизан имени Карлы Марлы:

“Мы на горе всем буржуям

Размозжить должны башку им...”

— Вот тебе, проклятый буржуй! — добавила она и с этими словами изо всей силы трахнула неосторожного интуриста рукояткой пистолета по голове. Как и следовало ожидать, тот свалился замертво.

А политически сознательная обезьяна обнюхала лежавшего, сорвала с него шелковый пиджак и, с ловкостью профессионального чекиста обыскав его карманы, изъяла бумажник с деньгами и документами. Затем, победоносно размахивая маузером, исчезла в зарослях, оставив свою жертву лежать неподвижно на скамейке.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1. Бим и Бом

В порту Сьюдад Буэна Суэртэ, столице и единственном городе острова Таракании, было шумно илюдно. В толпе, заполнявшей тротуары и мостовые, громко переключались, гоготали, жестикулировали. Публика здесь ходила не просто, а с приплясом, разговаривала не просто, а с припевом, да еще обязательно прищелкивая пальцами и притопывая ногами в такт разлитых в воздухе мелодий танго-меринго-кукарачанго-калипсо... И, за исключением пьяненьких — как ни странно, серьезных и надутых — все счастливо и бессмысленно улыбалось.

Со стоявшего у пристани туристического парохода и пловучего игорного дома "Эврика", совершающего увеселительные рейсы по Караибскому морю, сошли на берег два гладко выбритых джентльмена в легких дакроновых костюмах, светлых панамах и темных квадратных очках. В руках у них были элегантные чемоданчики с наклейками самых фешенебельных гостиниц Нью Йорка и южно-американских столиц.

Один из джентльменов — постарше, по-видимому бывал здесь раньше, так как сразу уверенным шагом направился к выходу, ловко лавируя среди галдевших и приплясывавших туземцев. Его спутник, молодой увалень с лисьей мордочкой, следовал за ним по пятам, с деланным испугом озираясь по сторонам. В левом ухе у него виднелась розовая кнопка слухового аппарата.

— Ну и дыра же ваш хваленый остров счастливых людей, Сэм, — бормотал он, еле поспевая за старшим джентльменом. — Пыль да мухи и одни голодранцы на улицах. И почему это все они танцуют и хохочут без причины? У них пляска святого Витта, что ли? Оорр... Ах! пардон!

Он то и дело спотыкался, наступал на чьи-то мозоли, стучался о прохожих, извинялся, налезал на встречные столбы, опять извинялся, отряхивался как собаченка и вприпрыжку догонял своего спутника.

— Ну что? Хорошо я играю роль рассеяного профессора, Сэм?

Тот укоризненно покачал головой.

— Во-первых, Джемс, я для вас здесь не "Сэм", а "мистер Бим" или даже "Экс Семь с половиной", ваш непосредственный начальник. Пора бы вам бросить свое доллариканское амикошонство, — сказал он наставительно. — Во-вторых, не забывайте, что вы теперь состоите на службе у Ее Величества Королевы Великогренландии и, значитесь у нас как тайный агент АйАйАй, — Джемс Бом, с опознавательным номером 0-5-25. О-Пять-Двадцать пять. Запомнили, 0-5-25?

— Конечно, запомнил. Нечего долбить мне в голову. Не маленький. Знаю тоже, что играю здесь роль политически свихнувшегося налево профессора

фешенебельного доллариканского колледжа. Так пойте, ведь я сейчас нарочно дурака валяю, Сэм, простите, мистер Бим, то есть Экс с четвертушкой, или как вас там?... Надо же мне вжиться в роль профессора-недотепы, черт возьми!

— По-моему, О-Пять-Двадцать пять, вам и вживаться не надо... Только имейте в виду, что тараканцы, хоть и голодранцы, но не такие недоумки, как вам кажется, и вашего брата насквозь видят. Мигом вас раскусят. А теперь зайдем в бар, а то у меня в горле пересохло.

Они вышли на главную улицу столицы с покрашенными в ярко-зеленый цвет деревянными домами и рядом каменных двух- и даже трехэтажных зданий с магазинами и барами. Ловко избегая ловивших их за ноги чистильщиков обуви, мистер Бим направился в один из баров, продающих фруктовые соки и пищу. Молодой увалень последовал за ним и, прикидываясь близоруким, полез прямо на стеклянные двери. Лишь в последний момент старшему агенту удалось предотвратить катастрофу.

В темноватом помещении бара, смуглолицый бармен в грязноватой белой шапочке, приплясывая и подпеывая за стойкой, выжимал сок из апельсинов, папайи и ананасов. Посетителей было мало.

— Разве ничего покрепче здесь не имеют? — неприятно удивился Бом, выпятив глаза на фатарей бутылку "кока-колы" и лимонада на полках.

— А вам чего захотелось? Шотландского виски в этой дыре? — сказал его начальник, усаживаясь на высоком стульчике в отдаленном конце стойки, где никто не мог их подслушать. — Ведь в Таракании запрещены крепкие напитки. Хотите сок из папайи? А может быть коктейль из семи разных лимонадов?

— Да мне уж все равно. Заказывайте, что хотите.

Мистер Бим заказал два коктейля из папайи или чего-нибудь другого по усмотрению бармена, предварительно подмигнув и сунув ему в руку долларовую бумажку.

Смугляк мигом пододвинул им два высоких бокала с заказанным напитком. Джемс потянул из соломинки и поперхнулся: коктейль был приготовлен из сока папайи и крепчайшего рома с кусочками льда.

— Вот это здорово! — сказал он, с наслаждением посасывая божественный напиток. — Очень хороший коктейль. Значит, и здесь можно жить.

— Особенно если у вас имеются зеленые бумажки дяди Сэма, — наставительно сказал его начальник и опять показал бармену два пальца.

С нескрываемым удовольствием он опорожнил второй бокал и заказал пирог-пищцу на двоих.

— Я с вами знаком всего лишь несколько дней, Джемс, — сказал он доверительным тоном, смакуя

пищу, — но уже вас раскусил, совсем как этот пирог. Мне кажется, что роль растяпистого профессора идеально подходит вам по характеру.

Он откусил своими сверкающими белизной искусственными зубами еще кусок пирога и заказал опять по коктейлю.

— Да неужели? — Младший агент скорчил умильную рожицу и вдруг действительно стал похож на старого профессора: на лбу у него появились глубокие морщины, взгляд потускнел и стал рассеянным. Его лицо имело редкое свойство постоянно менять выражение, как это бывает у опытных актеров. Так, минутой спустя, слушая с притворным благоговением своего шефа, он принялся подражать его жестам и гримасам и стал так похож на него, что можно было подумать, будто это сидят два брата: Бим и Бом.

— Я не имею ничего против вас лично, Джемс, — говорил Бим, не обращая внимания на клоунаду младшего брата. — Однако я никогда не одобрял назначения новичков на посты, требующие большого опыта и смекалки. Вас прислало сюда Центральное Управление АйАйАй и вся ответственность за последствия лежит на нем. Конечно, известную роль в вашем назначении сыграли деньги вашего папаши. Тем не менее, я со своей стороны сделаю все возможное, чтобы вам облегчить задачу. Однако у меня здесь нет ни людей, ни оружия; к тому же средства мои ограничены. Так что главным образом полагайтесь на себя самого, на свое счастье и смекалку. Со мной, конечно, поддерживайте связь по радио, как условлено. Предупреждаю однако, что вам здесь не будет сладко. По-моему, на этом чудном острове все счастливы, кроме иностранцев. Удобств никаких. Спиртные напитки запрещены, но это для нас с вами, конечно, не проблема. Воды горячей нет ни в гостинице, ни в лечебнице, где вам придется проживать. Должны будете потерпеть малость, О-Пять-Двадцать пять. Что ж? Поступили в разведчики, пеняйте на самого себя. Взятся за гуж, полезай в кузов, или как это говорится?... Где-то ведь начинать карьеру надо. Не надеялись же вы, что сразу после окончания школы разведчиков вас пошлют с тайной миссией, скажем, в Париж или Рио де Жанейро?

Джемс вздохнул и комически заморгал глазами. Лицо его приняло страдальческое выражение.

— В Рио или нет, но все же могли бы меня послать в какую-нибудь страну попроще, пусть в ту же Южную Америку, но не в такую дыру, как эта, где жители одержимы пляской святого Витта и все поголовно воняют чесноком. Вот вы, мистер Бим, считаетесь экспертом по Таракании, скажите, что за чертовщина здесь происходит? Почему жители его ведут себя так странно, и какое отношение к этому имеет лечебница какого-то чудака профессора, куда меня хотите упечь?

— Вот это как раз вы и должны будете выяснить, — ответил начальник, безмятежно раскуривая трубку. — А что касается здешних порядков, то я действительно немного с ними знаком. Сам президент считается с моим мнением. — Бим скромно

потупил глаза. — Ведь никто иной как я выхлопотал для этих тунеядцев регулярную доставку даровых доллариканских бобов и маиса, будто бы для детей и их матерей. На самом же деле все население жрет тут дары капиталистических акул и, вместо того, чтобы работать, пляшет и развратничает. Тем не менее президент и его опереточное правительство довольны таким положением дел, так как населению наплевать на то, кто им правит и какие берет взятки. Ни тебе здесь оппозиции, ни антиправительственных беспорядков. Тшь да гладь да безмятежная благодать. У туземцев на уме лишь танцы, пение и любовные похождения. Править ими легко. Как ни странно, одни лишь пьяницы трезво смотрят на вещи и протестуют. Потому здесь и запрещены крепкие напитки.

— А почему все тут точно на взводе, раз не пьют?

— Тут кроется какая-то загадка, — задумчиво сказал мистер Бим, попыхая трубкой. — Я не могу себе объяснить, откуда у них берется это неестественно приподнятое настроение? Еще несколько лет назад тараканцы были такими же веселыми лентяями, как обитатели других островов, но такого поголовного сумасшествия, как теперь, здесь раньше не наблюдалось.

— Может быть наркотики? Чем-нибудь одурманиваются?

— Не думаю. Местных наркотиков здесь нет, а на привозные у них нет денег. Я уверен, что беспричинное веселье, распушенность, чрезмерное увлечение пляской и пением вызваны у населения острова искусственным путем, и причину надо искать в лечебнице профессора Диогена.

— Говорят, это лечебница не для обыкновенных сумасшедших, а для неудачников и политиканов, помешанных на сумасбродных идеях.

— Черт их разберет, на чем они помешаны? Известно лишь, что пациенты там взбунтовались, взяли в свои руки управление лечебницей и образовали нечто вроде социалистической колонии — тоталитарное государство в демократическом государстве. Создали "безмятежное" хозяйство, называемое "без-хозяйством", и конечно, получила жуткая безалаберщина. Лечебница давно бы вылетела в трубу, если бы не доходы от заграничных пациентов. У них имеется хорошо оборудованная лаборатория, и один из этих полусумасшедших ученых будто бы изобрел аппарат для передачи внушений на расстояние. Вам поручается проверить, насколько это верно, и попутно выяснить, что вообще происходит в лечебнице. Может быть все слухи высосаны из пальца, но АйАйАй хочет знать действительное положение вещей. Если там в самом деле имеется такой чудо-аппарат, вы должны будете его раздобыть, во что бы то ни стало. С вашим знанием испанского языка...

— Ну и аховое же задание на меня навалили. Ведь они меня там укокать могут, — пролепетал Бом и сделал испуганное лицо.

— На то у вас и голова на плечах, чтобы избежать подобной неприятности, — сказал Бим не без злорадства.

— Веселиться, то мы веселимся, но забот у нас от этого меньше не становится, — неожиданно воскликнула одна из женщин. — И кто это сочиняет эти глупые стишки? Профессора из лечебницы. Нарочно развращают народ.

Шуршание ног на песку сразу утихло.

— Шшш, Долорес. Ты опять выпила лишнее, — сказал недовольно баритон, бросив брэнчать на гитаре.

— А мне наплевать, — крикнула та. — Да, выпила рому и, вообразите себе, сразу протрезвела. Теперь ясно вижу, что вы все, хотя и не выпивши, а точно пьяные ходите. Только и знаете, что целоваться, плясать и дурака валать, а у самих дети оборванные бегают, стоят в очередях за доллариканскими бобами. Вам же лишь бы веселиться.

Настало неловкое молчание. Где-то на дереве пронзительно кричал попугай-какаду.

— Хи, хи, — засмеялась одна из женщин. — Не слушайте ее. Ей завидно, что с ней никто не гуляет. — *Amigos!* Нас кто-то подслушивает, — взвизгнула другая. — Вон там на скамейке в кустах лежит человек. Чужой...

— Правда. Лежит и не шелохнется. Наверно шпик.

— Скорее всего турист, да еще пьяный как стелька, — предположил баритон-вожак. — Оставьте его в покое, девушки. Пусть себе лежит.

— Гляньте-ка, как он шикарно одет, — воскликнула та, что первая заметила лежащего. — Белая батистовая сорочка... золотые запонки с резными камешками... на бродягу никак не похож.

— Да это же "гринго", не видите? — сказала первая. — Доллариканец. Брюки шелковые, вытужены, ботинки как зеркало. Верно миллионер!

Человек на скамейке поднял веки и тотчас же зажмурился от яркого блеска солнечных лучей.

Через секунду он опять раскрыл глаза и, хотя их закололо от тропического солнца, зарябило от полыхания оранжевых, красных и желтых цветов понсианы и гибискуса на клумбах, он с любопытством осмотрелся вокруг. Перед ним стояли какие-то люди и пялили на него глаза. Мужчины были все небольшого роста, смуглые и курчавые, некоторые с красноватым оттенком кожи. Одеты они были в пестрые рубахи на выпуск. Женщины в большинстве были жгучие брюнетки в грязноватых платьях, украшенных цветочками и заплатками. Лица у них не выражали ничего, кроме тупого самодовольства, беззаботности и детского любопытства.

...Наконец с невероятным усилием ему удалось оторвать свою наполненную камнями голову от теплой плиты скамейки. Помогая себе локтями он с трудом приподнялся и принял сидячее положение.

— Смотрите, янки проснулся, — воскликнула одна из женщин протягивая ему руки. — Идем, за-танцуем, *гуаро*, красавец!

Тот замотал головой в ответ.

— *No quiero!* Не надо!

Курчавый парень с гитарой подошел к нему вплотную и, озорно подмигнув, запел:

"Когда танцую я, поев бобов досбыта,
Плевать мне на нужду, невзгоды и ненастья.
Меня, я знаю, любит синьорита,
И больше ничего не надо мне для счастья.
Танго — манго — поплясанго...
Ча ча ча..."

— Вам нужна девочка, синьор. Вам нужна синьорита, — сказал он елейным голосом. — Выберите себе любую из наших красавиц, и она будет ваша... всего навсего за один доллар...

И он протянул шляпу с выразительным жестом попрошайки.

— *No quiero!* Но кiero! Не надо, — опять замотал головой странный иностранец.

Однако парень не отступил. Взяв в руки гитару он опять запел:

"Ты лови момент, синьор, ешь, пей, весело живи!
Что день завтрашний готовит, ты об этом не тужи.
К черту брось заботы, все на свете ерунда.
Поцелуй девченку крепко. Остальное трын-трава!"

— *Yo te digo, no quiero.* Сказал вам — не надо, — повторил чужак раздраженным тоном. Затем, чтобы отвязаться от назойливых туземцев, он выскреб из кармана несколько мелких монет и бросил в шляпу.

— *Gracias, Noquiero!* Спасибо, "Нокиеро", — запрыгали на радостях тараканцы. — Нокиеро! Нокиеро.

— А теперь пожалуйста вызовите карету скорой помощи, — пролепетал тот. — Или отведите меня в ближайший полицейский участок. У меня разбита голова.

Улыбки застыли на тупых самодовольных лицах. Смуглый паренек с гитарой тихо свистнул, и вся орава, виляя бедрами и приплясывая, устремилась в соседнюю аллею.

— *Adios, Noquiero!* Прощай, Нокиеро! — крикнули синьориты, исчезая среди деревьев.

Вокруг стало тихо, и чесночный дух после тараканцев отнесло ветром. Впрочем, тишина была неполная. В чаще деревьев казуарин пронзительно кричали попугаи, в траве и цветах трещали цикады, в воздухе назойливо жужжали мухи и пчелы. Рядом журчала вода в фонтане. В небе рокотал вертолет. Снизу, со стороны города, долетали автомобильные гудки, крики торговцев. В изнеможении человек на скамейке закрыл глаза.

В темени у него ныло от тупой боли, в висках словно стучали молоточки, и в голове было странное ощущение пустоты. Точно вымело все мысли. Не было желания что-либо предпринимать и даже не хотелось открывать глаз.

Он сам не знал, как долго так сидел, обхватив голову руками. На душе ледяным комом лежала необъяснимая тяжесть, словно его постигло какое-то горе. А какое, он не знал, да и вообще не помнил, каким образом он здесь очутился, и что с ним произошло. Даже того не мог вспомнить, кто он сам такой и как называется.

— Спокойствие! Главное, это сохранить спокойствие, — сказал он сам себе. — Все выяснится,

Вот, пусть только открою глаза, осмотрюсь, и тотчас же все станет на свое место. Вспомню, все вспомню... Впрочем, может и не вспомню.

И он оставался сидеть с закрытыми глазами.

Захотелось курить. Он пошарил в левом кармане брюк, где должна была быть пачка кемелей — этого-то он не забыл, — нащупал пакетик, провел пальцем по гладкой целлофановой обложке и, найдя место, где обложка была надорвана, ловко вытянул сигарету. Размял ее в пальцах — в нос пахнуло медово-пряным запахом табака — затем поднес сигарету ко рту и жадно схватил губами. Из другого кармана вытянул зажигалку. Шелкнула пружинка, и в ноздрях закурило от запаха перегоревшего бензина. Почувствовав на лице теплое дыхание огонька, он чуть приоткрыл глаза и обалдело уставился на колебавшийся на ветру желтый язычок пламени. Рука машинально приблизила огонек к концу сигареты, и незадачливый турист с наслаждением затаился. В голове сразу как будто просветлело. Тогда он открыл глаза и осмотрелся.

Все здесь было ново, ярко, красочно. Вокруг простирался чудесный парк обсаженный пальмами и буйно разросшимися тропическими растениями. Жадно затягиваясь дымом сигареты, он напряженно пялил глаза на открывшийся ему новый мир, ничего не понимая, ничего не припоминая...

От усилия в голове опять болезненно заныло. Провел рукой по голове и охнул. Под шапкой густых слипшихся волос он нащупал шишку величиной в куриное яйцо.

— Вот так история, — стал он с трудом размышлять, точно ворочая камни. — Прямо какая-то чертовщина ничего не пойму даже если вспоминать с самого начала а ведь я даже начала не помню вероятно кто-то стукнул меня по голове но кто вот вопрос и теперь нахожусь где-то в Южной Америке где никогда раньше не бывал однако понял все что говорили и пели туземцы по-испански а сам вот думаю на английском языке значит я сам или долариканец или великогренландец но тоже может быть все это мне снится хотя слишком уж ноет шишка и слишком отчетливо все видно кругом а птицы кричат как ошалелые нет видно я сошел с ума ведь даже не помню как меня зовут черт возьми хоть убей не помню ничего вроде как бы темная пелена в голове и теперь не знаю что мне делать куда идти кого спросить кто я

3. Министерские шуты гороховые

Когда мистер Бим узнал, что его помощник убежал обратно на пароход, он выпучил глаза и долго не мог выдать из себя ни слова.

— Значит так и велел передать? Едет домой?... — пробормотал он, не веря своим ушам. — Ладно. Gracias!

Он сунул в руку согнутого в три погибели официанта мелкую монету и заметался по комнате как курица без головы, сразу потеряв свою хваленую великогренландскую флегму. Бросив на стойку несколько монет и бумажек за еду и напитки, он кинулся к двери, забыв на вешалке свою панаму. Затем, вспомнив о ней, воротился и чуть не сбил с ног лысого официанта, стоявшего спокойно посередине комнаты и протягивавшего ему с лукавой улыбкой забытую шляпу. Выхватив у него из рук свою панаму, мистер Бим опять кинулся к выходу, чтобы догнать недисциплинированного подчиненного. Тут изменившийся вдруг в лице официант, расхохотавшись, схватил его сзади за полу пиджака.

— Не надо за мной гнаться, мистер Экс, — сказал он весело, срывая с себя передник и фальшивую лысину с головы. — Это я, Джемс Бом, ваш покорный агент О-Пять-Двадцать-пять. Я всего-навсего пошутил. Это, знаете, чтобы вы не думали, что я на самом деле такой недоумок. Признайтесь, однако, босс, не узнали меня таки, а?

Фальшивый официант напялил на нос темные квадратные очки и стал прежним неуклюжим профессором.

— Уфф... Как же... конечно сразу узнал, — неуверенно пробормотал старший агент, отдуваясь. — Только нарочно не подавал виду, чтобы посмотреть, как вы выйдете из положения. Ха... ха... Однако, должен признать, что вы изменили свою внешность и походку с большим умением, 0-5-25! Неплохо, неплохо, уфф... Видно чему-то научились в своей школе разведчиков. У вас есть большие способности, молодой человек.

— Спасибо, босс! — ответил тот учтиво.

Отдышавшись и заказав еще рюмочку для бодрости, мистер Бим взглянул на часы.

— Ну, нам пора. Скоро за вами приедут представители здешнего Министерства дел. Условился я с ними ровно в три часа возле этого бара. Сейчас половина четвертого, значит их можно уже ожидать. Обычно опаздывают не более, чем на полчаса. Очень пунктуальны эти тараканские бюрократы.

Оба разведчика вышли на улицу и сразу, точно попали в парильню, так сильно жарило тропическое солнце и так тяжел и влажен был горячий воздух. Невзирая на жару, праздная публика заполняла тротуары и мостовые, нехотя сходя с дороги перед немногочисленными повозками и старыми фордами. В толпе сновали продавцы газет, лотерейных билетов, папирос. Чистильщики обуви хватали прохожих за ноги. Лавочники зазывали к себе покупателей. А все вместе галдели, пели, брэнчали на гитарах и плясали до обалдения.

— Что-то опаздывают начальники, — сказал Бим, оглядываясь по сторонам. — Пока их нет, расскажу, что еще знаю об острове. В общем он довольно живописен, хотя и не ахти какой большой. На карте полушария его почти не видно. Хороши тут фрукты и девочки. Можно тоже охотиться на алигаторов. Большую часть острова занимают горы и джунгли, в которых водятся ядовитые змеи и такие же гадкие рыжие гориллы-партизаны. Индустрии на острове нет никакой, а также торговли, если не считать уже упомянутых фруктов и девочек. Чиновники берут строго по чинам. В домах у тараканцев кишмя кишат тараканы. Вот вам и вся картина.

— А эти тараканцы всегда так пляшут на улицах?

— Сейчас еще ничего, нормально. А то иногда ни с того ни с сего начинается на улицах настоящая вакханалия. Вроде карнавала в Рио де Жанейро, лишь похлеще... Одни только пьяницы остаются трезвыми и не проявляют возбуждения. Как ни странно, алкоголь действует здесь отрезвляюще. В этом тоже кроется какая-то тайна, которую необходимо разгадать.

— Антидолариканские беспорядки бывают?

— Представьте себе — нет. Несмотря на то, что получают помощь от Доларики, антидолариканских настроений не наблюдается. Вообще странный народ.

— Может быть им мало дают?

В этот момент к тротуару подъехал большой старомодный линкольн с шофером в засаленной ливрее. Из машины вышли два смуглых синьора в пёстрых костюмах, похожие на гороховые чучела.

— Вот и приехали из Министерства дел нас встречать.

— Министерства дел? — спросил озадаченный Бом. — Каких дел?

— Черт их разберет. Прямо "дел" и точка. Все дела у них по-видимому решаются в одном ведомстве. Сейчас поедем в лечебницу. Еще раз напоминаю вам, 0-5-25, не забудьте передавать мне ежедневно рапорт на коротких волнах, как условлено.

— Как же. Обязательно. Передатчик при мне.

Завидя бранных джентльменов с чемоданчиками, представители туземного министерства закивали им приветливо головами. В ответ Бом захохотал идиотским смехом и захлопал в ладоши.

— Джемс, — толкнул его в бок старший агент. — Ведите себя прилично. Как-никак, вы чиновник Великобритании. А для туземцев вы профессор доллариканского университета, человек, пусть даже свихнувшийся, но с ученой степенью.

— Не забывайте, мистер Экс, что для местных жителей я всего-навсего чудаковатый доллариканец, психически неуравновешенный кандидат в пациенты лечебницы, психodelик. Вот я и веду себя соответствующим образом. Мне все позволено.

— Ладно. Делайте что хотите...

— *Saludos my estimados amigos!* — сказал один из синьоров с аффектацией, пожимая руки прибывшим.

— *Welcome to our happy island!* — добавил другой и спросил, переходя на испанский: — Чем можем быть вам полезны, синьор Бим?

— Привез вам пациента, доллариканского профессора. Пожалуйста, поместите его в больницу.

Лица у чиновников вытянулись.

— *Carramba!* — Доллариканца? Таких у нас еще не было.

— Значит он будет первым доллариканцем в лечебнице, — ответил Бим и представил своего слутника: — Профессор Бом из университета Кикиммор, штат Марихуана. Помешан на ненасильственном насилии и насильственном ненасилии... Одним словом, того... сами понимаете, нуждается в лечении. По испански не говорит.

— А он... не кусается? — спросили представители тараканского министерства, с опаской поглядывая на неуклюжего детину, корчившего им рожи, отнюдь не приличествующие его званию профессора. — А что это такое, — ненасильственное насилие?

— А я почему знаю? — развел руками Бим. — Я ведь тоже не понимаю языка этих новых помешанных. Короче говоря, на своих лекциях в кикимморском университете, мой профессор стал открыто призывать студентов к практическому применению своих прогрессивных идей. В результате, чтобы избавиться от такого "воспитателя", местные реакционные власти решили поместить его в вашу лечебницу.

Джемс Бом слушал их, придурковато улыбаясь и делая вид, что не понимает, о чем говорят. Вдруг ни с того, ни с сего он похлопал пёстро одетых синьоров так сильно по спине, что те чуть не попадали на землю.

— Ох, профессор, перестаньте, — взмолились они, растирая себе спины. — Мы уже понимаем, что такое ненасильственное насилие... Ну и тяжеленькая же у вас ручка!

— *All right now?* — пробормотал Бом, добродушно улыбаясь, и потрепал каждого из них по щеке так, что те отпрянули как ошпаренные.

— Теперь мы понимаем, почему вашего друга выслали, — сказал один из них, стараясь держаться на приличном расстоянии от боевого профессора. — Только нам непонятно, почему доллариканцы не обратились непосредственно в дирекцию лечебницы, а прибегли к вашему посредничеству, синьор Бим?

— Им неудобно было высылать его из Доларики официально, — ответил старший агент. — Сами понимаете, синьоры: общественное мнение, демократические свободы, неприкосновенность личности, судебная волокита... Поднялась бы шумиха... Поэтому полицейские власти города Кикиммор устроили профессору Бому бесплатную поездку на острова Карибского моря, будто бы для поправления здоровья, а частным путем обратились в наше агентство с просьбой законопатить смугляна в вашу лечебницу на длительный срок, и чтобы все было шито крыто. Мы не могли отказать им в этой маленькой услуге. Сами понимаете... рука руку моет...

Мистер Бом так убедительно рассказывал министерским шутам гороховым о мнимых кознях полиции в штате Марихуана, что те в конце концов поверили, но решили набить цену.

– В лечебницу профессора Диогена присылают политически тронутых изо всех стран мира, – сказал один шут.

– Так что вряд ли найдется там свободная койка для вашего протеза, – добавил другой шут. – Лечебница переполнена до отказа.

– Come on, синьоры! Не заливайте! – возмутился представитель АйАйАй. – Нам хорошо известно, что свободные места там есть. Ведь профессор Диоген каждый день рыщет по парку с зажженным фонарем в поисках недоумков, которым не повезло в жизни, и приводит их в лечебницу на даровое лечение. Чем наш пациент хуже?

– Amigos! У профессора свои причуды, и он имеет право приводить в лечебницу, кого ему вздумается. Бесплатные пациенты ему нужны для экспериментов. Зато платные койки для зарубежных гостей там в обрез. Приходится записывать в очередь...

– Довольно дурака валять, синьоры! – рассердился мистер Бим. – У нас же с вами уговор: принимаете наших пациентов в первую голову и никаких испанцев. Как никак, санаторий и вы все находитесь на выхлопотанном мною иждивении. Получаете даровое молоко в порошок, бобы...

– Это правда, перебил его один из чиновников. – Сидим на бобах. Буквально... Однако заграничные пациенты не хотят их есть. Им подавай ветчину, бифштексы, котлеты де-воляй... А за все это нужно платить долларами.

– Ах, вы об этом, – догадался Бим. – Не беспокойтесь. За профессора Бома будет заплачена двойная цена. Долларами. Но содержание должно быть по первому разряду и отдельная комната с ванной. Затем очень важно, чтобы у него там была полная свобода передвижения. И скажите директору лечебницы, чтобы его не таскали ни по каким обязательным лекциям или экспериментальным сеансам. Полная свобода, понимаете?

Представители Таракании моментально размякли, заулыбались и пригласили прибывших сесть в автомобиль.

– Скажем, все, что хотите скажем, – закланялись они. – Однако мы, как знаете, не имеем там большого влияния. Садитесь, синьоры, поговорим в машине. Сразу в лечебницу и покатым.

Шофер министерского лимузина был в форменной мешковатой куртке, обшитой золотыми позументами, но засаленной и с протертыми локтями. Все время он глуповато ухмылялся.

Машина рванула и помчалась по узкой и только местами мощеной улице.

Город был шумен и грязен. На улицах торговцы громко расхваливали свои товары. В канавах, по обочинам мостовой, играли полуголые ребятишки. Из ресторанчиков и биллиардных доносились хриплые звуки грамофонных пластинок и радиол, брэнчание гитар и веселье возгласы. В центре города деревянные покосившиеся домишки перемежались с покрашенными в розовый и зеленый цвет каменными невысокими зданиями, подпертыми деревянными красными столбами. Дальше, у окраин пошли кое-как

сколоченные из бамбука, картона и кровельного толя одноэтажные "ранчос", неуклюжие постройки, крытые листами гофрированной жести и окруженные узкими верандами.

Под стенами домов, прямо на тротуаре, спали бродяги. На верандах сидели старухи с седыми растрепанными волосами и сосредоточенно сосали сигары. Между постройками мелькали чахлые садики и огороды. Рядом простирались пустыри, загроможденные всевозможными отбросами – пустыми коробками из-под консервов, селедочными головками, обглоданными костями и бумажками.

Пока старший агент АйАйАй и министерские чиновники договаривались о цене и комиссионных, лимузин въехал в более зажиточную часть города. По сторонам улицы поплыли утопающие в цветах виллы со сверкающими белизной стенами и просторными верандами. В садиках там росли апельсиновые деревца с зелеными, точно лакированными листьями.

В небе над ними зарокотал мотор. Шофер в раззолоченной дырявой ливрее обернулся к ним, ухмыляясь от уха до уха.

– Вертолет над нами, синьоры. Ха, ха, ха, тра ля, тра ля, траля ли... – запел он козлетоном и чуть не въехал на столб. Из-под колес взлетела, кудахтая, перепуганная курица. Машина стала плясать на мостовой, распугивая собак и детишек.

– Вертолет! Вертолет! Он к любви нас всех зовет, – захолопали в ладоши представители Министерства, впав вдруг в детство. – Этим вертолетом управляет красавица, какой свет не видал. Тра ля бом, тра ля бом, для любви мы все живем...

Чиновники забыли о какой-либо официальности. На их тупых лицах появилось выражение счастья, и они стали притопывать, напевать, подпрыгивать на сиденьях.

Бим и Бом глядели на них с разинутыми ртами.

– Почему они так обрадовались вертолету? – удивился Бом. – Неужели одно его появление так их взбудоражило?

– Возможно, – сказал Бим. – Но тогда почему мы не чувствуем прилива радости по этому поводу? Все, что я чувствую, это отрывка от ром-папаи. А вы как, Джемс?

– Отрывки у меня нет, но особенной радости тоже не ощущаю, – ответил тот. – Что это с ними?...

– Если допустить, что какие-то возбуждающие токи исходят от вертолета или от той красавицы, которая будто бы им управляет, то почему они не действуют на нас? Не понимаю. Здесь опять какая-то местная тайна. Эй, водитель, в забор въедете! – крикнул он.

Форменный дурак в ливрее за рулем в последний миг свернул в сторону, весело хихикая прокатился по цветочным грядкам и на полной скорости въехал в парковую аллею.

Понемногу рокот вертолета над головой стал затихать, шофер сбавил скорость и перестал хихикать. Министерские шуты бросили хлопать в ладоши и петь легкомысленные песенки. Виновато улыбаясь, они присосанились и замолкли.

— Чего вы так радовались, синьоры? — спросил Бим. — Разве вертолет какой-нибудь особенный?

— Да! Это вертолет лечебный, из санатория, — сказал один из шутов, поворачивая к ним расплывшееся в улыбку лицо. — Имеет специальное приспособление для развеселения пациентов. Поднимает дух.

— Как только появляется над нами этот вертоплас, нам становится почему-то весело, ужас как хочется петь и танцевать, — радостно пояснил другой шут.

— Все жители острова обожают вертолет, — добавил первый. — Без него была бы адская скучища... Ну, господа, сейчас приедем. Пересечем только этот парк, а там уже Атараксия. Так называется лечебница, куда вас возем. Надеюсь, вашему пациенту там понравится.

— Потребуйте, чтобы его поместили в самой лучшей комнате, — угрюмо напомнил Бим.

— Синьор, вы не представляете себе, в каком щекотливом положении мы находимся, — вздохнул один из чиновников. — Несмотря на то, что мы представляем правительство, директор Атараксии мало с нами считается. У них там полная автономия.

Его товарищ жалобно добавил:

— Мы — лишь посредники между ними и внешним миром. Доставляем им продукты, привозим пациентов, взимаем налоги и комиссионные... На этом наша роль кончается. Они даже не пускают нас на территорию лечебницы.

— А кто же там хозяин?

— Формально Атараксия принадлежит профессору Диогену, поборнику философии безмятежности. Однако всеми делами там ворочает директор Панчали, беглый каторжник, фанатик левого толка...

— Лево-правого толка, — уточнил другой чинуша.

— Да, правда. Членов своей боевой организации он назвал рыжегвардейцами, так как все они должны быть рыжими, а их начальников — Узколобыми. Для пушей важности партийцы ходят на котурнах и приветствуют друг друга, потрясая в воздухе кулаками, — сначала левым, затем правым.

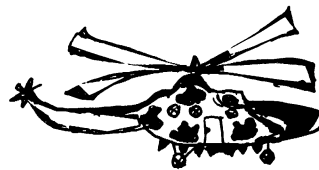
— Есть у них тоже другая сильная партия, — добавил другой. — Левшей. Эти работают в тайной полиции Внутренней безопасности, называемой Внубезом, и трясут в воздухе только одним кулаком — левым. Начальником у них Великий Левша Мастер Дезинфектор Клин — в прошлом проворовавшийся повар "кок" пароходного ресторана. Между ним и директором вражда не на жизнь, а на смерть. Полиция Внубеза ненавидят рыжегвардейцев, и между ними часто происходят стычки. Левши заведуют прачечными, кухнями, топками, дезинфекционными камерами — целым подземным царством. В ведении же Узколобых находятся госпитальные палаты, спальни, столовые, лаборатории, медицинский персонал и вообще вся администрация лечебницы. Одни и другие мнят себя "безмятежными", то-есть верными последователями философии профессора Диогена.

— Какой идиотизм! — воскликнул мистер Бим.

— Что ж? Все они заядлые политики, — развели руками синьоры. — Ну вот, мы и приехали.

Министерский лимузин плавно подкатил к главному подъезду импозантного кирпичного здания лечебницы.

Чиновники беспокойно заерзали на сидениях.

4. Пьянчужка Педро

В парке стало появляться все больше и больше посетителей. Все они весело галдели, не замечая одиноко сидящего позади фонтана иностранца в разодранной рубашке. Изредка в аллеях появлялись пьянчужки с плоскими фляжками в руках. В отличие от остальных гуляющих, у них были серьезные, озабоченные лица.

Над парком вдруг залопотал мотор. Шибко вертя широкими лопастями, точно обмахиваясь веером, на фоне голубого неба появился зеленоватый, весь в ржавых пятнах, вертолет.

Гуляющие стали издавать крики радости, размахивать руками и плясать.

Патлатые юноши запрыгали по-детски на дорожках, распевая во всю глотку:

"Тра ля, тра ля, тра ля бом,
Мы в солдаты не пойдем!
Не хотим мы воевать,
А хотим протестовать...
Мы хотим любить — не драться
И мирно со всеми жить.
Безмятежности ради, братцы,
Стоит даже трусам прослыть.
Забудем о том, что мы люди.
Давайте — как обезьяны будем!
Щетиной пусть обрастут наши лица —
Обет даем: никогда не мыться.
Тра ля, тра ля, тра ля бом.
Безмятежно заживем!..."

Напевшись и наплясавшись всласть, мужчины и женщины, точно ошалев, принимались целоваться в засос в боковых аллеях...

— Тра ля, тра ля, тра ля ли, будем жить лишь для любви!... — неожиданно для себя самого запел человек в разодранной рубашке и сам удивился, откуда это у него взялось? Он никогда раньше не слышал этой песенки. При этом появилось даже ощущение, что не он сам произнес эти строфы, а будто кто-то чужой пропел у него внутри, помимо его воли. Мысль об этом его взбесила. И, тем не менее, как скверно он себя не чувствовал, ему вдруг захотелось хотеть, шалить, петь и танцевать... Точно подтолкнутый кем-то, он, шатаясь, поднялся со скамейки и принялся выделывать ногами какие-то кренделя на площадке. В голове у него шумело, точно хлебнул вина, он улыбался против своей воли и одновременно злился.

— "Когда танцую я, поев бобов досыта"... — опять запело у него внутри. — Что за ерунда? — подумал он, с усилием преодолевая странное чувство возбуждения, и тотчас же явственно услышал, как, заглушая его собственные мысли, чей-то посторонний голос бубнит внутри него:

"К черту все заботы, все на свете ерунда!

Поцелуй девченку крепко, остальное трын-трава!"

А зеленый вертолет все кружился над головой, отбрасывая пляшущую тень пропеллера на песчаные дорожки и зеленые лужайки парка.

— Что за дурацкие песенки лезут в голову? — подумал он, и его еще больше разобрала злость. В этот миг он решил сопротивляться, во что бы то ни стало, назойливому внутреннему голосу.

— Тра ля, тра ля... — опять вкрадчиво запел чужой голос, но на этот раз иностранец не поддался внушению, напряг волю и мысленно крепко выругался: — Пшел ты к черту, тра ля ли! Не желаю я больше слушать, что я создан для любви... Дудки!

Почувствовав неожиданно прилив сил, он встал во весь рост и, выждав, когда вертолет пролетал над его головой, погрозил ему кулаком, чувствуя, что там источник его наваждения.

Вертолет улетел, но тотчас же возвратился и стал над ним кружиться, словно пилот заметил смельчака, который грозил вертолету кулаками; и захотел к нему хорошенько присмотреться. А тот опять погрозил, причем ему почудилось, будто кто-то там наверху рассмеялся, хотя было ясно, что голос с вертолета никак не мог до него долететь.

Покружив немного над парком, вертолет окончательно исчез из вида. И тотчас же умолк внутренний назойливый голос, пытавшийся завладеть мыслями человека, названного туземцами — "Нокиеро". Нахлынувшее было на него возбуждение сразу улеглось и он опять впал в прежнюю прострацию. Голода он не чувствовал, но пить хотелось невмоготу. А рядом журчал фонтан. Незадачливый турист сполз со скамейки и поплелся к воде.

Поверхность бассейна была застлана изжелта зелеными полотнищами листьев Виктории Регии. В просветах между ними отражалось темно-голубое небо и быстро плывущие по нем облака, похожие на куски грязной ваты.

Нокиеро раздвинул листья, сложил ладони ковшиком и, зачерпнув воды, стал жадно пить. Утолив жажду он поплескал себе на лицо и, намочив платок, приложил его к шишке на голове. Сразу стало легче.

Побаловавшись еще немного прохладной прозрачной водичей, он уже хотел было возвратиться на свою скамейку, как почувствовал на себе чей-то пристальный взгляд. Пошарив вокруг глазами, он обнаружил в нескольких шагах от себя, за кустом рододендрона, какого-то красавца с черными усиками и шальными глазами. В руках незнакомец держал длинный блестящий нож.

— Синьор... Синьор, — пробормотал туземец, выйдя из-за куста и глядя исподлобья на чужестранца. — Не вы ли будете тот подлец из санатория, который сманил туда мою красавицу-жену? Китти ее имя. Говорите правду, а то я вас зарежу...

Он слегка покачнулся. Из кармана его кожаной куртки выглянула головка фляжки.

— Вы обалдели? — ответил Нокиеро хладнокровно. — Оставьте меня в покое. Я здесь впервые и полагаю, что вашей жены в глаза не видал.

— Por Dios! Неужели? — сказал незнакомец более мягким голосом, пряча нож за пазуху. — Так вы не знаете Китти? Много потеряли, синьор. Она одна из красивейших женщин в мире. У нее черные как ночь волосы и сочные вишневые губки. Она единственная здесь женщина с дипломом летчика. Какой-то негодяй... прохвост переманил ее на работу в лечебнице; и она меня бросила... покинула... ушла без зазрения совести.

Тут красавчик всхлипнул. В своей потертой шоферской курточке он выглядел довольно жалко.

— Вообще у нас на острове завелся ужасный кавардак, — забормотал он плаксивым голосом. — Народ распустился, не хочет работать, все лишь поют, веселятся, жены изменяют мужьям, а те тоже не дураки... Покупатели норовят взять в долг и не отдают. По ночам грабят партизаны-гориллы из джунглей. Солдаты не желают с ними воевать, бегут, грабят своих же. Одни только окрестные крестьяне вилами да мачетами защищаются от нашествия обезьян. А наше правительство и в ус не дует. Одни мы — пьяницы видим, что страна катится кошке под хвост. Только нас никто слушать не хочет.

Он хлопнул себя ладонью по лбу.

— Заткнись же, ты, несчастный болтун! Молчи, Педро дурак, а то накличешь на себя беду. Синьор, вы кажется долариканец. Держу пари, что у вас найдется для меня хорошая сигарета.

Придерживая правой рукой мокрый платок на темени, Нокиеро достал из левого кармана брюк початый уже пакетик кэмелей, закурил сам и дал закурить незнакомцу.

— Gracias! — сказал тот, с наслаждением затягиваясь заграничным дымком и присаживаясь на краю бассейна. — Вижу, вы левша?!

— Да, как будто, — долариканец пошевелил пальцами левой руки. — А впрочем, не совсем, — он пошевелил для сравнения пальцами правой. — Гм, кажется, владею одинаково исправно обеими руками. С таким же успехом мог бы писать, чертить и рисовать правой и левой. А почему это вас интересует?

— Да так... Видите ли, у нас есть места, где левши имеют большую силу, но у них есть враги... Вообще на нашем острове творятся чудеса, — тут он опять хлопнул себя по лбу. — Ах, Педро, заткнись же ты, наконец! Балда!

Нокиеро растерянно пожал плечами.

— Ничего не понимаю. Скажите, куда я попал?

— Неужели не знаете? — удивился Педро. — Это остров Таракания, а парк принадлежит лечебнице Диогена. С луны свалились, что ли?

— Вроде, — ответил доллариканец. — Никогда не поверите, но я сам не знаю, откуда я свалился. Все забыл. Даже то, кто я сам такой.

От неожиданности Педро икнул и качнулся так стремительно, что чуть было не бултыхнулся в воду.

— Вот тебе на! Забыли? Сбросили вас с самолета, и вы упали на голову, что ли? Ха, ха... А может быть, вы того... пациент? Сбежали из санатория? — красавец покосился подозрительно.

— Ни из какого санатория я не бежал, — рассердился Нокиеро. — У меня лишь временно вылетело из головы, где я жил до сих пор и каким чудом очутился здесь. Может быть, я потерпевший крушение путешественник... Или потерявший память миллионер, случайно попавший на этот негостеприимный берег, где меня трахнули по башке и ограбили местные жулики... Как бы то ни было, синьор Педро, пожалуйста, проведите меня в ближайший участок полиции. Надеюсь, там разберут, помогут...

Человек с усиками опять качнулся от ужаса.

— Вы? Вы сами, по своей воле хотите лезть в лапы нашей полиции? Раз у вас ни документов ни денег, они посадят вас, как пить дать...

Вытянув из кармана фляжку, он дружеским жестом протянул ее иностранцу.

— Кстати, насчет пить дать, давайте выпьем... Потяните рому из бутылочки и забудьте о полиции.

— No quieto! Не надо! — сказал тот. — Почему-то мне отшибло аппетит на спиртное. А зачем вы пьете? Другие здесь, как вижу, не пьют а веселятся. Вы же пьете и всем огорчаетесь. У нас в Долларике люди пьют для того, чтобы поднять настроение. А вы? Чтобы его потерять?

— Не хотите, не надо, мистер. — Педро сам приложился к бутылочке. — А вы, значит, все таки доллариканец! — рассмеялся он, пряча фляжку в карман. — Оно сразу видно. По-испански говорите с

акцентом, и повадки у вас настоящего янки. Попытайтесь теперь вспомнить откуда вы приехали? Из какого города?

Нокиеро схватился за голову.

— Не знаю... не помню.

Педро встал и покачиваясь на нетвердых ногах, торжественно поднял указательный палец.

— Вы, может быть, забыли, но зато я знаю. Вы, мистер, из самого Нью Йорка. Я там бывал и узнаю издали их жителей. Например, брюки у вас из шикарного магазина на Пятом Авеню. Правда, вы могли их купить подержанными или получить в подарок от кого-нибудь. Однако золотых запонок и батистовой сорочки вы в Армии спасения наверняка не приобрели. Значит, вы состоятельный человек. Может быть, действительно сын какого-нибудь миллионера. Кстати, сегодня утром передавали по радио, что бесследно пропал сын короля туалетной бумаги, Корнелиуса Бомфеллера. Папаша назначил будто бы изрядное вознаграждение тому, кто найдет непутевого юношу. А вдруг это вы?

Педро с надеждой взглянул на доллариканца.

— Вспомните хорошенько, где вы жили до сих пор? — спросил он. — Не на Пятой ли авеню?...

Нокиеро наморщил лоб, сился вспомнить.

— Ей Богу, забыл... Помню лишь какие-то небо-скребы вдали, точно в тумане, а еще каменную арку, вроде больших ворот... картины на заборах, публику.

Педро разочарованно посмотрел на буйноволосого туриста и махнул рукой, сразу потеряв к нему весь интерес.

— Это Вашингтон сквер в Нью Йорке, — сказал он бесцветным голосом. — Так называемые вольные художники выставляют там свои "шедевры! Гринич Вилледж... Да вы сами случайно не будете художник? Вашего брата теперь всюду полно. Эх, Нокиеро, Нокиеро, кажется мне нечего рассчитывать на вознаграждение... Ваше здоровье!

Он приложился к бутылочке и глотнул всласть. Отняв её от губ, он осоловело взглянул на чудаковатого иностранца и с достоинством скрылся в кустах.

ГЛАВА ВТОРАЯ

1. Узколобые товарищи

"Атараксия, Школа безмятежности и Санаторий для неудачников" профессора Диогена, состояла из нескольких десятков каменных зданий, деревянных домиков и построек барачного типа, разбросанных среди деревьев и лужаек. Если бы не окружающая ее изгородь из колючей проволоки, лечебницу можно было бы принять за обыкновенный университетский городок с колледжем и студенческими домами — кампусом.

Позади главного здания, на утрамбованной площади был сооружен театр под открытым небом, предназначенный для разного рода публичных выступлений и митингов. Деревянная, грубо сколоченная эстрада одним боком примыкала к кирпичной стене Большой аудитории. С другой стороны перед ней были поставлены полукругом лавки и стулья для публики.

Дальше тянулись здания лаборатории, библиотеки, больничных палат и научных институтов. Затем шли

жилые помещения. Совсем на задворках был сооружен для развлечения пациентов небольшой луна-парк с каруселями, тирами, лабиринтами и другими увеселительными заведениями. Рядом с луна-парком на обширной поляне блестел в солнечных лучах ангар из алюминиевой жести. На площадке перед ним сидел, поджав колеса, зеленый вертолет с облупленным кузовом.

Позади построек и газонов, вплоть к синевшим вдали холмам, простирались кофейные плантации, принадлежащие "без-хозяйству" Атараксии. Издали были видны на полях согнутые в три погибели рабочие и сторожившие их надзиратели с винтовками.

Лимузин Министерства дел Таракании остановился у главного подъезда и загудел. Из караульной будки вышел здоровенный рыжий санитар в белом засаленном халате и с маузером у пояса.

— Чаво надобно? — спросил он гнусаво.

— Мы по делу из Министерства дел, — важно ответил один из чиновников. — Привезли вам пациента по первому разряду. Доллариканца. Позвоните директору, чтобы принял.

— Чичас, — буркнул караульный и вошел в будку.

— Черт знает, что такое! — возмутился другой чиновник. — У них тут порядки как в казарме или тюрьме. А что это с вашим пациентом творится, мистер Бим? Когда вы нам его представили, он вовсе не был рыжим.

— Действительно, чего это вы вдруг порыжели? — удивился старший агент, увидя, что на голове у его помощника пылает огненная шевелюра, а лицо его приняло такое же тупое выражение, как у караульного.

— Чаво? — буркнул Бом гнусавым голосом. — Может быть я желаю записаться в рыжую гвардию? Проба пера... — рассмеялся он, подмигивая.

Караульный вышел из будки.

— Ланно, — прогнусавил он, сплевывая. — Трижды товарищ Панча-Ли велели обождать. Чичас за пациентом придут из главной конторы.

Вскоре, смешно ступая на высоких котурнах, появился важный тип в рыжем парике и повел всю компанию в контору. Там он внес в толстую книгу личные данные нового пациента — у того были уже заранее подготовлены ответы — и велел Биму заплатить за несколько месяцев вперед. Министерским же шутам он всунул в руку несколько зеленых бумажек.

Оставляя своего младшего агента на съеденье волкам, начальник АйАйАй вложил ему в карман пиджака плоскую фляжку с брэнди.

— Это для того, чтобы вам мозгов не затуманили.

Довольные сделкой шуты-чиновники уехали во свояси вместе с мистером Бимом. Регистратор вручил новому пациенту ключ от его комнаты, пачку зеленых, белых и розовых талонов, да еще книжечку в рыжей обложке.

— Носите ее всегда с собой, мистер, — сказал он торжественно. — Это изречения директора Панча-Ли. Трижды да здравствует! — и он стал трясти по очереди то левым то правым кулаком.

Лоб у регистратора был узок и низок, как у доисторического человека.

— Трижды да здравствует, трижды товарищ! — не желая отставать, новичек потряс в воздухе сначала правым, потом левым кулаком.

— Неправильно, — чиновник нахмурил брови так, что шапка волос налезла ему почти на лоб. — Сначала левым, затем правым. Вот так.

И он помахал перед носом гостя сначала левым кулаком, а затем — правым.

— Вот это наше приветствие, лево-правых безмятежных, — сказал Узколобый. — Если желаете стать одним из нас, вы должны придерживаться наших обычаев. И лично убедить директора в своей лево-правоте.

Бом послушно потряс кулаками, как было сказано.

— Вот это лучше. Вы, видно, довольно понятливый малый, хотя и доллариканский профессор.

Агент 0-5-25 учтиво склонил голову в рыжем парике и спросил какое назначение полученных разноцветных талончиков.

— Это ваши карточки на стол в ресторане первого разряда, продукты из закрытого распределителя, ванны, курс лечения и всякое такое. Благодаря трижды товарищу Панча-Ли, у нас всего много. Вам полагаются тоже развлечения. Можете бесплатно посещать местный луна-парк, Веселый домик, карусели...

— Вот как? — глаза у Бомы закруглились от удивления. — Так значит, луна-парк... веселый...гм... домик?... Спасибо трижды товарищу Панча-Ли за заботу о живом человеке! Если не ошибаюсь, эти розовые билетки дают право входа в веселый домик...

— Вы угадали. Розовые с зелеными прожилками дают право на Туннель любви и Галерею ужасов.

— Туннель!... Галерея ужасов! Вот спасибо трижды товарищу Панча-Ли! Будь он трижды... пусть он трижды да здравствует за то, что обеспечил жителей Атараксии ужасами.

— ...А на розовые талоны без прожилков можете посещать раз в неделю Веселый домик и там выбирать себе красавицу по вкусу, — безмятежно продолжал Узколобый. — Помните, Директор обо всем позаботился.

Вновь испеченный пациент в ответ стал восторженно трясти в воздухе кулаками — так как его учили — сначала левым, затем правым.

— Еще раз спасибо трижды директору за веселую жизнь! А теперь, начальник, покажите мне мою комнату.

— Погодите, я вас туда отведу, как только с вами побеседует сам Директор, трижды да здра...

На столе зазвонил телефон. Узколобый поднял трубку и расплылся в подобострастной улыбке.

— Да, конечно, трижды товарищ Директор!... сейчас он у меня. Есть! Обыскать! — сказал он кланяясь телефону.

— Я так и знал, — обратился он к новому пациенту, вешая трубку. — Сейчас за вами придет секретарь Директора, полторажды товарищ Пе-Син-Сын.

— Я трижды польщен, что за мной придет полторажды песин сын и поведет к трижды директору, — закивал головой Бом. — Спасибо вам, товарищ...

— Мой титул: дважды товарищ товарищ Клопп, — важно сказал Узколобий, проводя рукой вдоль тела новичка в поисках спрятанного оружия. — Можете идти.

— Спасибо, дважды товарищ Клоп-Клоп! — стал его разыгрывать Бом. — Дважды вам спасибо спасибо! А мой титул, для вашего сведения — дважды два профессор Бом-Бом. Чем я хуже?

В ожидании посланца от Директора, тайный агент выглянул через окно. В это время под окнами шествовала группа пациентов в латанных халатах и, потрясая в воздухе обоими кулаками, пела:

"Ах как весело живем!

Вот, питаться мы идем.

Шагаем бодро, раз два три...

Как счастливы, счастливы мы.

Спасибо директору Панча-Ли!

Спасибо за то, что живем,

Дышем вволю, едим, пьем...

Спасибо тебе, Панча-Ли!"

Тайного агента передернуло от этой песенки, но он не показал никакого виду, лишь учтиво спросил:

— А мне тоже придется маршировать с ними, товарищ Клоп-Клоп? И распевать песни? Певец я дряннь...

— Ни в коем случае, дважды два профессор, — с серьезным видом ответил чиновник. — Вы же заграничный курортник и находитесь здесь на особом счету. Вы освобождены от посещения политсобраний, спевок и курсов без-грамоты. А эти, за окном, они все пациенты бесплатные, третьего разряда, обязаны делать все, что им скажут, и подвергаться всякого рода экспериментам, от которых вы освобождены. Так что спокойно себе отдыхайте, посещайте луна-парк, Веселый домик, пользуйтесь нашей богатой библиотекой. Встретите здесь многих интересных людей, бывших диктаторов и государственных деятелей. Многие фигуры мировой истории, якобы давно погибшие, на самом деле инкогнито доживают свой век в нашей лечебнице.

— Обязательно познакомлюсь со всеми и всюду побываю, товарищ двойной Клоп, — с энтузиазмом заверил новый пациент.

— Также можете принять активное участие в нашей "без-культурной" революции, профессор Бом-Бом, — не моргнув глазом объявил Узколобий.

— Приму с удовольствием, товарищ два Клопа, — ответил ему в тон гость. — Обожаю всякие безкультурные затеи. Я же либеральный профессор...

В этот момент появился худенький китайченочек на разрисованных иероглифами котурниках и велел Бому следовать за собой.

Он долго водил его по длинным коридорам, возил вверх и вниз на лифте и только когда ему показалось, что гость уже основательно запутался, посланец вынул шелковый платок и, сюсюкая извинения, завязал посетителю глаза.

Затем он постучал в одну дверь в коридоре, потом в другую, третью, четвертую, открыл первую, и, повидимому чтобы запутать гостя, ввел его в третью. Сняв с его глаз повязку, китайченочек согнулся в три

погибели и так, согнувшись, попятился назад, не смея поднять глаз на сидевшего за столом истукана.

— Привел нового пациента, мастер! — объявил посланец. — Профессора Джемса Бома. Из Доларики.

Названный мастером истукан сидел за большим письменным столом в тени комнатной пальмы и сосал трубку. Это был плотно сложенный, как бы квадратный человек в начищенных до лоска сапогах и куртке военного образца. Лица его не было видно в тени.

— Садитесь, — сказал он попыхивая трубкой и указывая гостю свободный стул возле стола. — Скажите прямо, по поручению чьей разведки вы ко мне проникли?

2. Инесса-поэтесса и девушка-зайчик

Окончив очередной полет над городом, Китти ушла отдохнуть в свою комнату, которую она разделяла с недавно принятой на службу библиотечаршей Инессой.

— Честно говоря, надоели мне эти полеты хуже горькой редьки, — жаловалась девушка-пилот, силясь вылезть из своего зеленого комбинезона и воюя с его упрямыми застежками. — Эта служба стоит мне поперек горла.

— Что ж так? — удивилась ее сожительница, хорошенькая блондинка с аккуратно завитыми локончиками. — Как будто раньше ты увлеклась своей работой, взялась помогать доктору в его экспериментах... Разочаровалась, значит.

До прихода Китти она писала что-то в тетрадке изящной серебряной авторучкой. Теперь сидела с задумчивым видом и вертела ручку в пальцах.

Девушка-пилот пожалала плечами.

— Да, разочаровалась. А ведь вначале вся злетая действительно очень меня захватила. Знаешь, как я сюда попала? В прошлом году, когда стало ясно, что мое замужество не удалось и надо разводиться с Педро, настроение у меня получилось такое, что хоть вой. Однажды, после крупной размолвки с этим пьяницей, я пошла, куда глаза глядят, забрела в парк и там наткнулась на Диогена, разгуливавшего с фонарем...

— Знаю, — хихикнула Инесса. — Он любит расхаживать с зажженным фонарем среди бела дня. Говорит, что ищет человека... Чудак! Р...р...и...и...

— Так оно и было, — улыбнулась Китти. — Помню, на нем была его древне-греческая хламида не первой свежести и зажженный фонарь в руке. Застав меня плачущую на скамейке, старикашка страшно обрадовался, стал приводить меня в чувство, утешать, а затем уселся на своего конька и давай проповедывать философию безмятежности, стоицизма и отречения от земных благ, призывал убить в себе всякие чувства и страсти, взамен обещая мне безмятежное счастье, душевное спокойствие и неуязвимость от семейных неурядиц... А, чтоб тебя!...

В сердцах Китти рванула непослушную застежку.

— Как видишь, я так и не стала безмятежной, — сказала она с виноватым видом. — Да, но тогда я как бы обалдела и решила отдать все свои силы распространению его идей. Как раз в то время лечебница приобрела вертолет, и мне предложили место пилота. Я с радостью приняла предложение и стала летать с доктором Альхиппи, испробуя на жителях города изобретенные им волны теле-внушения.

— И теперь ты разочаровалась? Почему?

— Думала, что будет интересная работа в социально-воспитательной области, что приму участие в создании нового счастливого безмятежного мира, буду бороться за всеобщую любовь, миролюбие и так далее. А что вышло из моих планов? Получилась нудная ляпка, развращение публики, игра на сексуальных инстинктах под видом пропаганды безмятежности. Ведь кроме передач сочиненных самим доктором антивоенных песенок, восхваления безмятежного образа жизни и так далее, мой эротоман ставит порнографические пластинки, передает на волнах теле-внушения возбуждающие песенки, под действием которых на улицах происходит черт знает что!... Прямо-таки карнавал разврата... Даже смотреть тошно.

— Р...р...р...и...и... — звонко рассмеялась Инесса, как-то по особому выдавливая сквозь зубы звук "р", так что смех у нее получался переливчатый, с присвистом, похожий на птичье чиление в тропических джунглях. — Р...и... Да неужели так уж тошно, Киттенька? А может быть всего навсего завидно? Ведь у нас здесь скука собачья. Работа и никаких развлечений. Вокруг одни полупомешанные политиканы и ни одного интересного мужчины. А островитянам что? Лафа! Им на все наплевать. Знай, пляшут себе и целуются. Ребятишки же ихние тем временем стоят в очередях за доллариканскими бобами. Скажи честно, Китти-дорогуша, разве на тебя эти эротические пластинки и любовные вздохи не действуют?

Китти рассмеялась неискренне.

— Да нет. Мы же носим специальные наушники. Ничего не слышно. Но глядеть противно. Ты смотри, Инесса, не попади ненароком в радиус действия наших волн. Взбесишься, как кошка весной.

— Р...р...р...и...и... — завизжала Инесса. — Да я не боюсь. На всякий случай у меня есть флакон водки. Самой настоящей, русской. Говорят, алкоголь это самое лучшее противоядие.

Наконец Китти высвободилась из уз комбинезона и точно личинка, превратившаяся в бабочку, выдохнула из своего безобразного кокона одетой по моде девушкой в коротком платье. Сняв с головы летный шлемик с прикрепленными к нему забавными заячьими ушами, повесила его на гвоздь в углу. Ее черные, как воронье крыло волосы рассыпались по плечам.

— Доктор утверждает, что все люди реагируют одинаково на его волны, а я убедилась, что по-разному, — сказала она, расчесывая волосы большим черепяховым гребнем. — Например, летая сегодня

над парком, заметила какого-то иностранца на скамейке и, вообрази себе, волны на него совершенно не действовали. Он не пел, не плясал, а только глядел с независимым видом вверх и даже, ха-ха, грозил мне кулаком. Я направила на нахала пучок волн двойного напряжения, а он ноль внимания. Не подействовало.

— Может был выпивши? — предположила Инесса.

— У пьющих иная реакция. Прячутся, не поднимают глаз. А этот — кулаком. Даже интересно стало... Ха-ха-ха... Хотела бы знать, кто он такой?

— Как же ты его разглядела? С вертолета ведь не разобрать подробностей.

— У меня же есть бинокль.

— Р...р...р...и...и... — опять залилась смехом ее сожительница. — Значит, все таки подсматриваешь, как там развратничают внизу. Эх, ты — тихоня!

Китти покраснела как пион.

— Не говори глупостей. Я же должна наблюдать за реакцией публики и записывать результаты наблюдений для отчета доктору.

— А каков из себя тот нахал?

— Довольно интересный, молодой, с бородкой. Да ведь всего не разглядишь, даже в бинокль.

— Не люблю бородатых, — сказала Инесса, записывая что-то в своей тетради. — Так и кажется, что им лень бриться, мыться...

— Нет, представь себе, этот ничего себе. Выглядит как художник или артист, но не здешний.

— А у нас в лечебнице появился новый пациент, — оживилась Инесса. — Видела издалека. Потешный уалень. Доллариканский профессор. Говорят, либерал, а сам чистый и выбрит гладко. Даже странно.

— Уж эти мне заграничные пациенты! — презрительно скривила губки Китти. — Многие из них называют себя безмятежными, а на самом деле все они политиканы и доктринеры, грызутся между собой из-за всяких левых и лево-правых уклонов, из-за того, какой рукой приветствовать, какой ногой выступать... Профессор Диоген идеалист и душка, но шляпа. Из-за своей слабыхарактерности лишился всякого авторитета в Атараксии. Скоро здесь не будет жизни. Ах, как я мечтаю уехать в Долларику.

Инесса вздохнула.

— Д...да, в общем неплохо было бы попасть в какую-нибудь приличную капиталистическую страну, — сказала она тихо. — Только, к сожалению, для переезда необходима свобода передвижения и деньжата. Хорошо бы тоже запасться энергичным покровителем, который бы все устроил. И чтобы был интересным и молодым...

— Боже упаси! — воскликнула Китти. — После неудачного опыта замужества не хочу больше иметь дела с мужчинами. Я и сама могу мозгами шевелить.

— А я и с чертом свяжусь, лишь бы мне помочь начать новую жизнь, — воскликнула Инесса. — Ах, Долларика! Страна Желтого Дьявола!

Инесса появилась в Атараксии совсем недавно, всего лишь какую-нибудь неделю или две назад, но уже была в курсе всех местных дел. Она интересовалась новыми психо-физическими методами лечения, посещала лекции доктора Альхиппи о последних открытиях в области био-химии и быстро перезнакомилась с его сотрудниками и любовницами-долитами в лаборатории. Кроме того она не пропускала ни одного крикливого собрания помешанных на политике пациентов лечебницы. Забредши в подземелье, к левшам, она приветствовала их помахивая в воздухе левой рукой сжатой в кулак, очутившись же среди рыжегвардейцев, она трясла попеременно то левым то правым кулаком, как требовал ритуал их партии. Вскоре она досконально знала, кто чем дышит в Атараксии.

Откуда она сама была родом и каким образом попала в лечебницу, было окутано тайной. Когда ее спрашивали, она объясняла, что директор Панча-Ли выписал ее из Каракаса для наведения порядка в санаторной библиотеке. Ей же надо подработать немного денег на дальнейшую учебу в университете.

Инессе верили или делали вид, что верят, так как всем было известно, что в Атараксии платят посторонним работникам гроши, а то и вообще ничего не платят — директор был жадина и скупердяй.

Вскоре стало известно, что Инесса пописывает стихи и регулярно посылает свои рукописи в город, в местную типографию, владелец которой будто бы взялся за издание сборника ее поэм. Злые языки твердили однако, что она и ни студентка и ни поэтесса, а попросту международная авантюристка, так как совершенно свободно болтает по-французски, английски, русски и немецки, не считая ее родного испанского языка. Выслана же она на остров Тараканию не то за связь с каким-то бывшим южно-американским диктатором, не то затем, чтобы наладить связь с революционерами, находящимися здесь в ссылке. А может быть она должна была вызвать новую революцию на острове или похитить доктора Альхиппи?... Впрочем, мало ли что злые языки говорили — на то они и злые. Самое интересное было то, что большинство слухов распускала она сама...

— Так вот насчет денег, — продолжала Инесса рассуждать вслух на волнующую ее тему. — Для выезда в широкий свет необходима монета. Тут ничего не напишешь. Между прочим, не приходило ли тебе в голову, Киттенька, что изобретение доктора это настоящее золотое дно. За его аппарат в Доларике отвалили бы не один миллиончик.

— То-то он носится со своим детищем, как курица с яйцом, — сказала Китти. — Ни на минуту не расстаётся с чемоданом, в котором спрятаны аппарат и чертежи изобретения. В вертолете всякий раз привинчивает его к полу, а после каждого полета отвинчивает и несет в аудиторию на экспериментальные сеансы.

— Чудак!... Р...р...и... — рассмеялась поэтесса.

— Все они здесь чудачки. А Панча не чудак?

— Тссс... Китти. Не болтай лишнее!

Инесса перестала смеяться и приложила палец к губам, жестом и глазами указывая на висящий на стенке в углу шлем с растопыренными ушами: стена тоже имеет уши!

— Например зачем понадобилось ему заводить эти дурацкие котурны для Узколобых? — продолжала Китти, не обращая внимания на знаки подруги. — Не для того ли, чтобы показать, что все обитатели Атараксии безмятежны, но начальники, всякие дважды и трижды товарищи, более безмятежны. А некоторые вообразили себе, что, раз они на котурнах, так уже все могут. Взять, например, сумасшедшего композитора Курару... Есть у нас кофе в кофейнике, Инесса, или надо заварить новое?

— Ага,— хмыкнула та, — завари пожалуйста. Я, пожалуй, тоже выпью. Так что Курара? Пристает?

— Еще как. Под окнами устраивает мне серенады из своих траурных композиций, — маленький Киттин носик задергался от сдвинутого смеха. — Вообрази себе, хочет меня пленить похоронными маршами.

Поэтесса слушала ее краем уха, записывая что-то в своей тетради.

Китти налила воды в электрический кофейник и щелкнула выключателем. Заметив рассеянность соседки, она покачала головой.

— Стихи кропаешь? Муза подросла?

— Вроде... — ответила Инесса с таинственной миной. — Хочешь прочесть? Уверена, что тебя заинтересуют мои вирши!

Она вырвала из тетради страничку, на которой только что писала, затем, чиркнув спичкой, закурила сигарету. Не задывая огонька и продолжая держать горящую спичку в одной руке, она другой пододвинула к Китти листок с написанным.

Та с удивлением прочла:

"Что, если бы долариканцам продать
Аппарат доктора и вместе удрать?...
Ничего не отвечай мне сейчас,
А то микрофоны слушают нас..."

Как только Китти прочла, Инесса выхватила у нее листок из-под носа и подожгла, обжигая себе пальцы догоравшей спичкой. Затем тщательно растерла пепел в пепельнице.

— Ну что? — спросила она, нервно пуская носом и ртом клубы дыма.

— Н...да, н...ничего себе стишки, — растерянно пробормотала Китти и бросилась наливать себе кофе.

— Поняла ли ты главную идею моей поэмы?

Китти нерешительно потрясла головой.

— Н...не совсем. Даже не знаю, что ответить.

В дверь постучали. В ответ на приглашение войти в комнату ввалился детина из Внубеза, в синем переднике и с бритой наголой головой.

— Кто тут на букву "К"? — рявкнул он.

— Я, — пролепетала Китти ни жива ни мертва. — Что вам надобно?

Визиты полиции в Атараксии не предвещали ничего хорошего. Хотя, конечно, где они желанны?...

— Левый привет вам, почетный товарищ Китти, — он помахал в воздухе кулаком левой руки. — Великий Мастер Дезинфектор просит вас... Я проведу.

— Зачем? — возмутилась девушка-пилот. — По какому праву? Я подчиняюсь лишь профессору и доктору. Они мои начальники. Я буду жаловаться.

— Не волнуйтесь, почетный товарищ пилот, — примирительно сказал бритый. — Маленькая формальность. Вопрос стирки вашего белья, что ли?

— Знаем мы ваши формальности, — сердито ответила Китти. — Инесса, позвони пожалуйста профессору, что меня незаконно увели в подвал.

— Мы же без-законники, — пошутил агент Внубеза. — Ну, проходите, почетный товарищ Китти!... Шаг вправо считается побегом, шаг влево разрешен.

Когда стражник увел Китти, поэтесса подбежала к телефону и задыхающимся голосом вызвала профессора Диогена.

— Что случилось? — протребезжал старческий голос в трубке. — Я занят. Как раз собрался идти в парк на поиски человека. Уже и фонарь зажег.

— Бросьте трепаться, — отрезала Инесса. — Вылезайте из своей бочки и вытягивайте Китти из лап левшей. Наболтала лишнее и ее забрали вниз.

Некоторое время в трубке слышалось недоуменное сопение. По-видимому значение сказанного не сразу дошло до сознания профессора.

— Ладно, иду, — протребезжала наконец трубка.

Однако прошло добрых полчаса, пока профессор наконец приплелся. На нем был затрепанный халат, который должен был изображать древнегреческую хламиду. В руках у него дрожал старинный кованный фонарь с зажженным парафиновым светильником.

Не успел он толком расспросить, что собственно случилось, как, сердито стуча каблучками, прибежала Китти. Инесса бросилась к ней, но та отмахнулась.

— Не спрашивайте. Вопрос стирки моих шелковых блузок, — истерически крикнула она. — К тому же дала подписку о неразглашении. Сами понимаете... Есть у тебя сигарета под рукой, Инесса? Давай, закурю. И зажги спичку, пожалуйста! Мне тоже пришел в голову один стишок.

Ни слова не говоря, Инесса чиркнула спичкой.

На лоскутке бумаги Китти набросала карандашом.

"Вот что хочет левша:

Чтоб доносила я на тебя,

Чтобы сексотом сделалась я.

И еще хочет старый гад,

Чтобы выкрала я аппарат,

Чемодан чтоб ему отдала.

Я же отрезала: "Черта с два!"

Инесса прочла и побледнела. Китти же быстро подожгла лоскуток и бросила в пепельницу.

— Все стихи пишут, — сказала она громко, растирая пепел пальцами. — Решила и я. Хорошо вышло?

— Замечательно! Спасибо, Киттенька! — расцеловала ее поэтесса.

— Что такое? В чем дело? — метался по комнате профессор, ничего не понимая. — Кто тебя, обидел, Китти? И причем здесь стихи?

— Ах, оставьте меня в покое! — воскликнула девушка-пилот, бросаясь на постель. — Неужели не видите, что здесь вытворяют за вашей спиной? Ну, идите, профессор, по своим безмятежным делам, среди бела дня ищите при свете фонаря своих обиженных судьбой, покинутых, несчастных и сумасшедших, будто их здесь не хватает.

Профессор лишь развел руками в недоумении.

3. Урок безмятежности профессора Диогена

Охватив руками трещащую от боли голову, Нокиеро в полусне потерял счет времени. Сначала солнце плыло в белесой дымке на небосклоне, точно желток в яичнице-глазунье. Затем, неизвестно когда и каким образом, оно превратилось в луну и поплыло этаким белым грибом по застывшему в студень от вечерней прохлады небу.

Напевая вполголоса танго-дреманго-буэна-ноче-чачанго, веселые парковые сторожа опять бегали по аллеям, распугивая парочки в кустах. Один из сторожей разогнался было к сидевшему у фонтана иностранцу, посветил ему фонариком в лицо и объявил, что пора домой. Однако услышав просьбу незнакомца отвести его в больницу или полицейский участок, сторож вытарачил глаза и, ни слова не говоря, убежал.

Незадачливого туриста лихорадило. Сосало под ложечкой от голода. Над его головой вились хмари москитов, высматривая, где бы уколоть побольнее. Снизу пошли в атаку муравьи. В траве нудно стрекотали цикады. В небе, словно позевывая, тупо и равнодушно мерцали звезды.

— Так значит это вы умудрились заблудиться в нашем парке? — раздался над ухом Нокиеро дребезжащий старческий голос. — Нехорошо, молодой человек! Видно урока не выучили.

Человек на скамейке вздрогнул и вскинул глаза. Перед ним стоял невзрачный старик в странном халате, с зажженным фонарем в руке. Слабый свет светильника плясал в темноте, освещая сутулую фигуру и небритое морщинистое лицо незнакомца.

Нокиеро померещилось, что это его покойный учитель математики, который еще несколько лет назад ставил ему двойки. Повидимому никакая амнезия не в состоянии вычеркнуть из нашей памяти воспоминаний детства.

— Профессор!?!... — подскочил на месте доллариканец, ничего не понимая. — ...математики. Как вы

меня здесь нашли? Я ведь действительно не выучил урока. И забыл даже то, что знал.

Им овладело давно забытое чувство вины — совсем, как когда-то в школе...

Профессор укоризненно покачал головой.

— Урока вы, по-видимому, совершенно не выучили, молодой человек. И китайского экзамена тоже не выдержали. Вы принимаете меня за кого-то другого. Я — не профессор математики. Я — Диоген, профессор философии и преподаю безмятежность. По примеру моего древнего тезки хожу по белу свету и ишу неудачников, людей, потерпевших крушение в жизни, чтобы вернуть им утерянное счастье. Ведь у меня есть рецепт, как жить счастливо. Как хорошо, что я вас нашел. Научу вас, как стать безмятежным.

Говорил он медленно, уверенно, с тихой восторженностью одержимого своей идеей. На его просветленном лице мыслителя не было даже следа скотского самодовольства, свойственного местным жителям.

— Профессор, — взмолился Нокиеро. — Не учите меня, как жить. И не надо мне никаких рецептов... No quiero! Все, в чем я нуждаюсь, это найти самого себя. Все остальное — no quiero!

— Цыц, — прикрикнул Диоген, ставя фонарь на землю и вынимая записную книжечку. — Не рассуждать. Теперь вы мой ученик и лучше отвечайте на вопросы, а то получите двойку. И так... как вас зовут?

— Так и быть, ставьте двойку, профессор, — пролепетал покорно долариканец. — Я забыл свое имя. Туземцы называли меня "Нокиеро"... Зовите и вы так.

— Ладно, Нокиеро так Нокиеро, — согласился профессор. — А теперь попытайтесь вспомнить, что собственно с вами произошло? Какая беда с вами стряслась, что вы вдруг потеряли память?

— Ей Богу, не помню, профессор. Все начисто забыл. Мне лишь кажется, что в прежней моей жизни мне изменила женщина и я чуть было не сошел с ума... Теперь даже имени ее не помню... Ушел из дому, а вернуться не умею. А может быть я умер, и мы с вами лишь призраки? Простите, я уже сам не знаю, что плету. Ведь вы — мой давно умерший учитель? Правда?

— Ерунда, я еще не умер, — возмущился философ. Толкните меня крепче и сами убедитесь, что я живехонек и твердо держусь на ногах.

— А я знал урок, профессор, знал, да все позабыл, — продолжал Нокиеро в горячке. — Ведь не сошел же я с ума?... А может быть всего-навсего сплю? Объясните мне научно, профессор, может ли спящий человек убедиться во сне, спит он или нет? Каким образом можно это проверить? Например, если вы мне снитесь, тогда все в порядке: значит я рано или поздно проснусь и наяву вспомню кто я... Но что, если вы, как утверждаете, не плод моего воображения а существуете реально? Тогда, значит, этот кошмар происходит сейчас наяву. Знаете что ушибните меня, или щелкните по голове! Просто для проверки.

Не долго раздумывая незнакомец вытянул руку и щелкнул неудачника в лоб. Нокиеро охнул от боли и и обхватил голову обеими руками.

— Ай, осторожно! Ведь у меня разбита башка. А ну вас ко всем... А что, если теперь я вас толкну и

вы полетите вверх тормашками? Тогда вы в свою очередь убедитесь, что я вам не снюсь...

С этими словами он хлопнул Диогена по спине, так, что тот покатился в кусты вместе с фонарем.

Долариканец оторопел и бросился в темень вытаскивать старика из кустов.

— Простите ради Бога, профессор! — стал он оправдываться, очищая хламиду философа от приставших к ней листиков. — Вот вы и убедились сами, что мы с вами не призраки и вовсе не снимся друг другу. Ну что? Больно ушиблись? Ай, ай, как нехорошо вышло. Не хотел, ей Богу, не хотел...

— Действительно, на призрака вы отнюдь не похожи, — проворчал профессор растирая поясницу. — Хорошего ученика мне Бог послал сегодня. Ставлю вам двойку по поведению.

Отдышавшись он зажег потухший было фитилек в фонаре и сказал сухо:

— Теперь, дорогой мой, вам ничего не остается, как стать моим учеником. Засим беру на себя заботу о вас. Ступайте за мной.

Первым долгом профессор повел уловленного неудачника в "бодегу", находящуюся у входа в парк. Там он потребовал теплой воды и полотенце, обмыл рану на голове долариканца и сделал временную перевязку.

— Потом поведу вас в амбулаторию, — сказал он, закалывая полотенце на макушке пациента. — А сейчас пойдем что-нибудь перекусить. И я должен вам подробно рассказать об имеющемся у меня рецепте, как достичь безмятежного счастья.

Околпаченный профессором Нокиеро сидел в своем тюрбане из полотенца и хлопал непонимающе глазами. А философ, предвкушая возможность поговорить на свою излюбленную тему, потирал руки.

В столовой владельцу лечебницы и его пациенту отвели самый лучший стол с чистой скатертью. Сам хозяин бодегы прибежал с приплясом и принял заказ на дежурное горячее блюдо — бобы с салом. Хорошенькие подавальщицы, вертя бедрами в коротеньких юбочках, притащили корзинку с кукурузным хлебом, графин оранжада и блюдо с тропическими фруктами.

За столом Нокиеро почувствовал такой голод, что чуть было не накинулся как дикарь на хлеб. Однако профессор сам не начинал есть и не позволил своему проголодавшемуся гостю притрагиваться к еде.

— Потерпите, молодой человек! — сказал он безмятежно, наливая оранжад в стаканы и делая вид, что не замечает голодных взглядов собеседника. — Вижу, вы здорово проголодались. Когда вы подкреплялись последний раз?

— А почему я знаю? — ответил тот глотая слюни. — Знаю лишь, что ничего не имел во рту с самого утра. Можно кусочек хлеба, профессор?

Ни слова не говоря, его наставник отодвинул подалее корзинку с хлебом.

Затем он не спеша вытер салфеткой тарелку.

— Привыкайте к лишениям, дорогой Нокиеро. — пробурчал он наконец. — И вооружитесь терпением,

Вам надо подготовиться к безмятежному образу жизни и приучить себя сохранять равновесие духа даже в голоде и холоде. Вот принесут заказанную фасоль, и тогда пожалуйста... А пока выдержите характер.

— "Хорошо ему так говорить," — подумал долариканец. — "Сам небось сытно отобедал перед выходом в парк," — и он посмотрел на корзинку с хлебом с видом пса, у которого отобрали кость.

— Лечебницу свою я назвал "Атараксией", — сказал профессор. — Слово это древне-греческое и обозначает оно "бесстрашие", "безмятежность", глубокое философское безразличие к лишениям, являвшееся необходимым компонентом настоящего счастья для древних мудрецов. Задумывались ли вы когда-нибудь, что такое счастье?

— Нет. Никогда, — ответил Нокиеро не отрывая глаз от соседнего столика, за которым кто-то обсыпал куриные косточки. — Сейчас мне кажется, что счастье состоит в том, чтобы наестся до отвала.

— Не беспокойтесь. Скоро достигните своей цели. Вот, уже принесли еду, значит можем начинать. Только чур, не глотайте так быстро. Жуйте, смакуйте с чувством свое счастье, пока оно горячее.

Не слушая профессора Нокиеро набросился как голодный зверь на бобы и стал уплетать так, что у него затрещало за ушами. А Диоген ел медленно, попивая апельсины и наблюдая за долариканцем, точно за подопытным зверьком в лаборатории.

— Итак, вы сейчас переживаете наслаждение, вызванное удовлетворением жгучей потребности организма в питании, — изрек он. — Теперь вы счастливы?

— Еще бы... — промычал его ученик набивая рот бобами. — Действительно, вроде как бы счастлив.

— Что и требовалось доказать, — обрадовался профессор. — А задумывались ли вы, как долго будет длиться у вас это ощущение наслаждения?

Нокиеро прыснул со смеха, и профессор брезгливо смахнул с ворота своей хламиды залетевший туда непрежыванный бобок.

— Боюсь, что не особенно долго, профессор. Непременно захочется чего-нибудь другого. Например, я бы теперь с охотой закурил. Хотите сигаретку?

Он достал из кармана свой пакетик "кэмелей" и, помяв немного в пальцах, доверчиво протянул собеседнику. Тот же, не долго думая, схватил сигареты и спрятал пакетик в карман.

— Вот видите, появилось новое желание. Дудки! Я сам не курю и вам не дам, — решительно объявил он долариканцу, лицо которого вытянулось от разочарования. — Я вам верну сигареты только после того, как внимательно выслушаете мою философию. Где же ваше счастье? Когда вы были голодны, вам казалось, что нет большей радости, чем наполнить желудок. Поужинали, и вам захотелось курить. Закурите, и у вас появится какое-нибудь новое желание. Так вы никогда не обретете прочного счастья.

Говоря это профессор сам был, по-видимому, счастлив. Он улыбался, напевал вполголоса и подмигивал шныряющим вокруг подавальщицам.

— Человек так устроен, что бывает доволен лишь в минуту достижения своей цели, — продолжал профессор. — Однако, раз цель достигнута, ощущение радости быстро рассеивается, и, если нет новых желаний и потребностей, которые требуют своего выполнения, появляется пустота.

— Не всегда, профессор. У меня, например, пустота заполнилась, — захохотал Нокиеро, поглаживая себя по животу. — Поел ваших бобов со свиной и больше не хочу. А вот курить действительно хочется. Дайте-ка сигаретку, Ваша Ученая Светлость!

— После. Когда придем в лечебницу.

Профессор щедро распылился с хозяином и дал на чай официанткам, которые на прощание станцевали им канкан. Долариканец вдруг стал медлить и выразил желание остаться в бодее еще на часик, но философ решительно вывел его за двери.

— Хорошего понемножку, забывайка, а то у вас появятся еще кое-какие желания, и я не смогу вам позволить их удовлетворить. А вы еще даже не выслушали меня до конца.

— Попался, — подумал несчастный турист. — Что же мне делать? Ночевать негде, да и мои сигареты у него. Теперь слушай лекцию. Лишь бы дал закурить.

И он покорно поплелся за Диогеном как потерявшаяся собачка за новым хозяином.

А тот действительно закатил лекцию.

—...Проблемой счастья много занимался Шопенгауэр и нашел, что каждое удовлетворение или то, что мы называем счастьем, в действительности негативно. Это не самобытно нисходящее на нас блаженство, а всегда осуществление каких-то желаний. Однако после удовлетворения исчезает желание, а с ним и само наслаждение... Вот что сказал великий философ. А я присовокупляю: Долой какие-либо желания!

— "Нет, не даст закурить," — с тоской подумал Нокиеро и сказал громко: — А вы здорово запомнили слова этого мудреца. Хотел бы я иметь такую память.

— Что? Что? Какую память? — сбитый с панталыку старик остановился посередине аллеи и даже поставил фонарь на землю. — Вы меня не перебивайте, забывайка, а то я забуду, о чем говорил. Где мой фонарь? Ведь только-что я держал его в руках.

— У вас под ногами, профессор.

— Ах, да. — он схватил свой светильник и зашагал дальше. — Так значит, о чем это я?...

— ...Долой какие-либо желания, сказали вы.

— Так вот, слушайте дальше. Если удовлетворение желаний дает нам весьма непрочное и непродолжительное счастье, так не лучше ли отказаться вообще от всяких желаний, мечтаний о лучшей жизни и мириться со всем, что происходит в жизни, — плохим и хорошим, не роптать на власть, а жить безмятежно, как жил древний Диоген в бочке?

— Это значит, мириться со злом и не сопротивляться даже плохой власти? — покачал головой ученик.

— Точно так, — обрадовался учитель. — Вообще надо свести свои потребности до минимума и предаваться лишь разрешенным начальством страстям, как например, эротическим наслаждениям...

— Ах вот оно что! — ахнул долариканец. — Предаться наслаждениям под оком начальства?..

— Это не моя выдумка, — оговорился профессор, — а моих companions. Короче говоря, они пришли к заключению, что добиться безмятежного образа жизни у людей можно лишь путем активной пропаганды и массового внушения эротизма. Для этой цели заведующий лабораторией, доктор биохимии Альхиппи, изобрел особый аппарат теле-внушения, работающий на ультра-коротких волнах. С некоторого времени мы ежедневно проводим опыты над жителями нашего острова и уже добились кое-каких результатов. Островитяне уже достигли безмятежного счастья. У них нет болезненного честолюбия, ни стремления к личному обогащению. Они не предъявляют чрезмерных требований к жизни, кроме самых элементарных, так что у них не бывает разочарования. Они счастливы не потому, что у них что-то есть, а потому, что у них ничего нет. Они довольствуются самой простой едой и научились ничего не желать, ничего не жалеть, не огорчаться, стоически переносить лишения и не сопротивляться ни в чем властям, даже если их без причины побьют или посадят... Мы внушили им, что любовные наслаждения и танцы, это главная цель в их жизни. Мало-помалу они перестали самостоятельно думать и забивать себе голову всевозможными проблемами, оставляя их разрешение начальству.

— Знаю, слышал, — сонно пробормотал Нокиеро. — "К черту все заботы, все на свете ерунда. Поцелуй меня мучача, остальное трын-трава. Для забот ведь есть начальство, их болит пусть голова" — пропел он.

— Значит слышали? Ну и что? Стало вам веселее?

— Сначала да. Но как только сообразил, что кто-то мною командует, я сказал: *No quieto!* и прогнал наваяждение к черту. Не выношу насилия над собой.

Они долго шли вдоль решетчатой ограды, окружающей лечебницу, и остановились возле кованой двери. Нашупав ключ в кармане, профессор отпер дверцу, и они вошли во внутренний двор. По обеим сторонам тропинки, ведущей вглубь усадьбы, росли густые кусты папоротника.

Профессор как раз открыл было рот, собираясь продолжать свою лекцию, как кусты возле них раздвинулись и оттуда вылезла небольшая горилла в партизанской фуражке и с винтовкой в руках. Нокиеро шарахнулся в сторону от неожиданности, хотя ему показалось, что у него уже была подобная встреча, а профессор так и остался стоять с открытым ртом.

— Стой! Кто идет? — окликнула их обезьяна хриплым голосом. Ее смазанная жиром рыжая шерсть ту-ско поблескивала в мерцающем свете диогенового фонаря. — Даешь пароль!

— Да я же профессор Диоген, президент этой лечебницы, — возмущенным тоном ответил философ. — А со мной новый пациент. Неужели не знаете меня?

— Нет, не знаю, — прохрипела горилла. — Я здесь недавно. Откомандирован сюда временно из джунглей, в порядке культурного обмена. А вы президент или нет, в темноте не разберешь. Разные здесь шляются. Без пароля не пропущу.

— Бог его знает, какой он, этот пароль? — заметался профессор. — Знал, да вылетело из головы. Безобразие! У себя в санатории шагу ступить нельзя.

Он явно стал нервничать. Поставив фонарь на землю он вытянул из кармана под хламидой записную книжечку и начал ее лихорадочно листать.

— Главное — спокойствие, профессор! Вы же безмятежный, — с насмешкой в голосе сказал его ученик. — Пусть нас ведет в участок. Там выяснят.

— Меня? В участок? — захрипел тот, как обезьяна, — Послушай ты, *gorilla - guerilla!* — обратился он к партизану. — Клянусь бородой Карлы Марлы, что я знал пароль, но...

— Правильно, товарищ президент. "Клянусь бородой Карлы Марлы" это и есть пароль. Проходите, — зарычала более мягким тоном человеко-обезьяна.

Подойдя вплотную к профессору, она осветила его с ног до головы электрическим фонариком.

— Кажись, вы в самом деле похожи на портрет, что висит у нас в прихожей караульного участка. А я было думал, что вы давно померли, как наш Карла.

Когда обезьяний солдат скрылся в кустах, старик стал неуклюже оправдываться перед новичком.

— Это все выдумки Панчи, — сказал он, чуть не плача. — Напустил в лечебницу партизан, вооружает своих рыжих... готовится к расправе с левшами...

— Вижу, хорошие у вас безмятежные, — насмешливо сказал Нокиеро. — А вы не можете разогнать эту банду? Ведь вы же здесь хозяин, черт побери!

— Нет. Мой принцип: не сопротивляться насилию. Да и не хочу пока лишаться их помощи. Кроме того, раз я безмятежный, так должен примиряться со всем, — промямлил профессор. Он был явно расстроен.

— Знаете что, профессор? — в голосе Нокиеро звучала решительная нота. — Можете мне ставить двойку или совсем выгнать из вашей школы, но боюсь, что безмятежным никогда не буду. Я не умею примиряться. И пожалуйста отдайте мне мои сигареты!

Профессор молча вынул пакетик "кэмелей" и протянул их долариканцу.

4. Живая вычислительная машина директора

Под тяжелым взглядом холодных, чуть раскосых глаз директора, Джемс Бом на мгновение обмяк, точно кролик, загипнотизированный удавом. Но, вспомнив, что по славной традиции детективных романов тайные агенты, вроде него самого, в огне не горят и в воде не тонут, особенно в начале повести, — набрался храбрости и стал нахально врать:

— Привет вам от прогрессивных масс Доларики, трижды великий товарищ Панча-Ли! — торжественно произнес он, три раза привставая и кланяясь. — Имею однако смелость заметить, что вы ко мне несправедливы: я никем не подослан. Я — прогрессивный профессор долариканского колледжа и естественно стремлюсь к тому, чтобы кака-нибудь более прогрессивная, чем наша, нация, вроде Азиопии или Маоцедонии, покорила отсталую в социальном отношении Доларику,

где эксплуатация рабочих, особенно толстых рабочих, приняла невиданные размеры. Знаете ли вы, что наши кровопийцы-капиталисты платят рабочим высокую зарплату лишь для того, чтобы те жирели. Когда же бедняги становятся толстыми как боровы, они должны работать без отдыха и срока, чтобы быть в состоянии наполнить свои желудки и желудки своих толстых жен и детей. В результате все они страдают от ожирения и мрут от непосильной работы. Однако мы — прогрессисты решили выступить в защиту толстяков и агитировать за введение в нашей стране такой системы, какая господствует за железным занавесом, так как тогда рабочие похудеют и перестанут умирать от сердечных болезней. Узнав о бесподобном движении лево-правых безмятежных под вашим гениальным руководством, трижды великий Директор, я устроил так, чтобы меня сюда выслали наши власти штрафным порядком и я мог убедиться, какое могучее древо революции выращено вами на острове Таракании. Хотел бы завезти семена этого дерева домой и там посадить их на удобренную интеллектуальным навозом почву наших университетов. Вот и все.

Произнося эту напыщенную речь, Бом пытался рассмотреть сидящего в тени пальмы человека и разоблачить, кто он такой. — "Китаец не китаец", — думал агент. — "Монгол какой-то, вроде Ильича, что-ли?"

Кончив говорить, Бом потряс в воздухе сжатыми кулаками, сначала левым, затем правым, как этого требовал ритуал.

— Ладно, будет трепаться, — угрюмо сказал хозяин. — Говоритэ начистоту. Кто вы такой?

Тут он повернулся боком и лицо его потеряло монгольские черты. Зато под носом у него, как будто выросли усики щеточкой и появился чубчик, свисающий на лоб, как у... — "Фу ты, наваждение", — подумал озадаченно Бом.

Ожидая ответа, человек за столом выпрямился, и свет из окна упал на его широкое как блин скуластое лицо, с желтоватым оттенком кожи. Ни усов, ни чубчика и в помине не было. По-видимому, то была лишь игра теней. Из-за стола на нового пациента глядел с подозрением толстый богдыхан, чуть кося глазами и скаля желтые клыки, как цепной барбос.

— "Вот он, настоящий Панча: Хам... хамелеон." — подумал Бом и сказал: — Я — профессор университета в городе Кикиммор, штат Марихуана. Состою там председателем Ненасильственного комитета ненасильственного сопротивления существующему порядку. Наше общество объединяет хиппи, иппи, побитое поколение, лохматое поколение, прогрессивных наркоманов, гомосексуалистов, принципиальных бездельников, сознательных изменников, дезертиров и других долариканских общественных деятелей. Вот вам групповой снимок членов нашего общества, снятый во время недавней демонстрации в защиту прав бандитов и воров.

Он вынул заранее заготовленную фотографию свалки длинноволосых студентов с полицией. На этом снимке был изображен Бом в академической квадратной шапочке с кисточкой, шагающий впереди демонстрантов и свирепо размахивающий кулаками.

— Это я тут, — скромно заметил агент. — А это мои сообщники, идейные хулиганы, молодые вандалы, готовые стать под ваши знамена и принять участие в будущей без-культурной революции.

По-видимому, рыбка проглотила наживку с крючком, так как Директор, полюбившись снимком и сверив сходство гостя с фотографией воинствующего профессора, шестующего впереди хулиганов, улыбнулся маслено и пожал ему руку.

— Это другое дело. Если вы действительно такой революционер, пламенный вам привет! Только... меня удивляет, почему ваши власти вас не сажают?

— Нельзя. Конституция! Свободы...

— Это очень хорошо, это нам на руку, — просветлел Директор. — Я преклоняюсь перед долариканскими свободами. И обожаю долариканских либеральных профессоров, какие бы в их замутненных головах не гнездились идеи. Мы за то, чтобы расцветали сотни разных цветов, чтобы процветали сотни новых идей. У нас вы встретите множество сумасшедших философов, неудавшихся революционеров, непризнанных гениев. Однако, подобно тому, как маленькие ручьи вливаются в большую реку, так и все их идеишки и теориейки со временем вольются в русло нашей безмятежной культурной, то есть "без-культурной" революции. О том, чтобы они влились, куда надо, постараются наши органы безопасности. А до поры до времени пусть все разновидности цветов цветут и разрастаются на университетских грядках. Все равно они будут потом срезаны, чтобы украсить наш революционный букет. Правду я говорю, Пе-Син-Сын?

— Сушую правду, мастер! — ответил китайченок, стоявший все время истуканом возле двери.

Затем он поклонился, тряся в воздухе кулачками.

Довольный собой Панча встал и пружинистым шагом прошелся по комнате. Бому показалось, что он прямо великан какой-то, но, приглядевшись, заметил, что Директор шагает на огромных котурнах на пружинах, поднимающих рост его чуть ли не на целый фут.

— Я восхищаюсь вашей великой право-левой "без-культурной" революцией, — сказал Бом.

— Ладно уж, — махнул тот рукой. — Верю вам. Между прочим, наша революция не право-левая, как вы сказали, а лево-правая. Правда, есть у нас в Атараксии клика лево-уклонистов, но всех этих паразитов левшей мы скоро выведем в расход, — он в сердцах стукнул кулаком о стол, затем продолжал разгуливать по комнате на своих высоких котурнах со скрипом. — Для достижения наших лево-правых целей мы привлекли к нашим услугам науку. Изобретения доктора Альхиппи со временем изменят облик мира и внушат человечеству новый безмятежный образ жизни. В основу нового порядка вещей лягут безмятежные — законность, честность, человечность и культурность. Для краткости — "без-законность", "без-честность", "без-человечность" и...

— "Без-культурность", — dokonчил Бом, наклонив голову, чтобы скрыть улыбку.

— Точно так, — подтвердил Панча-Ли, довольный понятливостью гостя. — Но вы наверно голодны, профессор. Позавтракаете со мной?

Кивком головы он подозвал своего секретаря.

— Пе-Син-Сын! У нас в холодильнике, кажется осталась жареная собачья лапа?

— Да, мастер, — поклонился тот. — Да еще крокодиленок под белым соусом и филе из гремучей змеи.

— Разогрей и тяни сюда все, что есть. Вы ели когда-нибудь собачинку, профессор?

У Бома глаза вылезли на лоб.

— Правду сказать, нет, — пролепетал он и поклонился низко, прикладывая платок ко рту. — Благодарю вас, великий Панча-Ли, но я... я не голоден.

— Не привередничайте, профессор, — директор взял гостя под руку и повел его к столику, накрытому тем временем китайчиком. — Я понимаю вас. Западному человеку трудно привыкнуть к нашим кушаньям. Вы не бывали в Гонгконге? Вот там, батенька, в ресторанах живые собачки сидят в клетках возле кухни; вы выбираете себе песика пожирнее, и тут же его вам зарежут и зажарят. Повар у меня, между прочим, тоже из Гонгконга. Если брезгуете бульдожьей лапой, так по крайней мере отдайте крокодила или филе из змейки. Обязательно что-нибудь попробуйте.

— Если уж пробовать, так пожалуй собачинку...

— Ну, и молодец, — заулыбался гостеприимный хозяин, накладывая гостю кусочки обжаренного красного мяса. — Пить что будете? Чай или рисовую водку? Настоящая японская сакэ.

Затем он сам уселся и стал пожирать с аппетитом какие-то веревки облитые белым соусом.

Стараясь не смотреть на хозяйна, самого похожего на бульдога, тайный агент, победив отвращение, стал жевать жареную собачью лапу, запивая ее крепким чаем. Директорпил водку сакэ.

— У вас должно быть много врагов, сеньор Панча? — спросил Бом. — Сгибаете их в бараний рог?

— Указания, как мы должны побеждать врагов, изложены в моей книжке: "Цитаты Панча-Ли", — ответил директор Атараксии, вытирая лоснящиеся от жира губы платочком. — Надеюсь, вам дали ее при входе.

Он вынул из ящика стола томик в рыжей обложке, точь-в-точь такой же, как у Бома.

— В этой книжке сконцентрирована огромная сила, — сказал он. — Здесь имеются указания, как захватить и удержать власть, как уничтожать противников и затыкать рот недоброжелателям. Мои рыжегвардейцы никогда с томиком "Цитат" не расстаются и твердо верят, что стоит им лишь прочесть нужное изречение, как враги сами сдадутся в плен или обратятся в бегство. Некоторые даже решили, что хватит показать "Цитаты" издали врагу, чтобы он перестал сопротивляться. Это, конечно, не так.

— Мне и в голову не пришло, что в этих книжках такой могущественный заряд, — сказал Бом, отодвигая подальше тарелку с недоеденной собачиной. — Идеологический, конечно...

Хозяин глотнул сакэ из кружки и подмигнул.

— Вообще говоря, мои книжки — это род идеологического динамита. Сами по себе они оружием не являются. Но я вам скажу по секрету, — он нагнулся к уху Бома, обдавая его спиртным духом. — Вот эта

книжка, что у меня сейчас в руке, представляет собой не только идеологическое, но и всамделишное оружие. Я приобрел эту игрушку за большие деньги у одного знакомого агента разведки в Каракасе.

Директор торжественно посмотрел на гостя. Затем осоловевшим от выпитой водки взглядом он уставился в дальний угол кабинета, что-то там увидав.

— Паук, — сказал он сердито. — Возможно, ядовитый. Вон там, под потолком. Надо его убить. К сожалению, одним чтением моих "Цитат" их не перебьешь. Зато при помощи вот этого рыжего томика я его сейчас кокну. Пе-Син-Сын, гляди, дурак, опять паук забрался в кабинет. И чего это уборщик смотрит? Чтобы завтра же был новый подметала, а старому отрубить голову за разгильдяйство.

— Есть, Мастер, — пролепетал секретаришка и кинулся было за пауком с совком и метелкой, но Панча остановил его театральным жестом.

— Не тронь его, Пе-Син-Сын. Так и быть, я сам управлюсь с этим внутренним врагом.

С этими словами, сощуриив левый глаз, он прицелился в паука книжечкой, словно пистолетом, и надавил корешок. Раздался негромкий выстрел и черный комочек в углу под потолком исчез, точно сдунутый ветром. А на том месте, где он находился, образовалась дырка, и с потолка посыпалась известка.

— В этой книжечке хитро спрятан крохотный пистолетик, — с гордостью сказал он, бережно пряча смертоносный томик в карман. — Хороша штука, а? Единственный в мире экземпляр.

— Положим, не единственный. Ровно такие же пистолетики имеются у всех хунхузских разведчиков, — не удержался Бом. — У одних это книжечки, как у вас, у других портсигары, у третьих самопишущие ручки или ручные фонарики. Все эти стреляющие игрушки выделяются в мастерских Смерша, и по ним за границей узнают хунхузов.

Тут Бом прикусил язык. Разболтался что-то...

— Как для мирного профессора вы очень хорошо знакомы со шпионскими приемами, — сказал Панча, подозрительно взглянув на гостя.

— Много читаю детективных романов, — нашелся тот. — А вы, я вижу, шагаете вровень с техникой.

— Да, техника у нас передовая, — хвастливо заявил хозяин и, скрипя своими котурнами, подошел к стене, задернутой во всю длину тяжелой портьерой. Театральным жестом отодвинул ее, и у Бома зарябило в глазах. Вся стена составляла панель компьютера с матовыми стеклянными экранами, счетчиками и щитами с вспыхивающими зелеными огоньками. Под панелью находилось оконце прикрытое заслонкой.

— Это вычислительная машина моего изобретения, — с гордостью сказал он. — На ней мы составляем планы нашего без-хозяйства. Загляните-ка в это оконце, профессор. Посмотрите, что там внутри.

Он отодвинул заслонку и Бом заглянул внутрь. За стеклом, в небольшом деревянном ящике, за маленькими кукольными столиками сидели человечки и напряженно шелкали на старомодных деревянных счетах. Между столиками расхаживал лысый карлик с длинной бородой, похожий на древнего мудреца.

— У нас нет денег на электроны, — сказал Панча с сожалением в голосе. — Однако я решил, что под влиянием страха люди могут работать не хуже машин. Если кому угрожает потеря головы за мадейшую ошибку в расчете, его мозги становятся точными как электроны. Наши счетоводы производят на своих счетах сложнейшие исчисления. Правда, работают они не так быстро, как электронный компьютер, да времени и людей у нас много. Хотите задать им какой-нибудь вопросик для проверки их продуктивности?

— Какой же вопросик? Понятия не имею.

— Какой-нибудь детский, вроде тех, которые задают детям для проверки их интеллигентности. Например: "Сколько лет длилась Тридцатилетняя война?" Какой бы ни был вопрос, они обязательно высчитают на своих счетах и пошлют мне ответ на бумажке, все честь честию, как полагается настоящему компьютеру.

— Если настаиваете, пожалуйста, передайте им мой "детский" вопросик, — сказал тайный агент. — На счет вашего планового "без-хозяйства". Согласны?

— Валяйте. Как в каждой "без-системе", у нас для "без-хозяйства" выработан годовой план продукции.

— Так вот, пусть там внизу ответят на следующий простой вопрос: сколько времени потребуется вашей ферме для выполнения годового плана?

Панча расхохотался.

— Эх вы, шутник! Вопрос действительно вроде того, сколько лет продолжалась эта самая война? Ну, ладно. Посмотрим, что они ответят, мои человеко-электроны. Этого и кодировать не надо. Запросто напишу вопрос на бумажке и пошлю вниз. Эй, Архимед!

Он быстро нацарапал на лоскутке бумаги вопрос и постучал в панель. Из отверстия под оконцем высунулась человеческая рука. Панча вложил в протянутую ладонь листок с вопросом и рука исчезла.

Хозяин засекает время на своих ручных часах и пригласил гостя наблюдать за работой человечков. В оконце было видно, как, получив задачу, карлики в коробке от сигар засуетились, стали рыться в ящиках и справочниках, быстро-быстро защелкали на счетах и принялись заполнять листы бумаги колонками цифр. Их начальник, бородастый карлик, похожий на древнегреческого философа, бегал от одного счетовода к другому, размахивая руками и хватаясь за голову.

— И чего они так копаются? — возмутился Панча, поглядывая на часы. — Уже две минуты прошло. Придется таки отрубить голову их начальнику...

Прошло еще несколько минут, а ответа все не было. Самодур-хозяин сердито постучал в оконце и вскоре из щели высунулась дрожащая рука с исписанной лентой бумаги.

Панча с нетерпением схватил ленту и прочел:

— Вопрос: Сколько времени потребуется "без-хозяйству" Атараксии для выполнения годового плана производства? Ответ: При существующих темпах работы безхозников, годовой план будет выполнен, гм... ровно через полтора года и пять дней...

Самодур покраснел от бешенства.

— С... саботажники... недотепы... — прохрипел он. — Тоже называется, — высчитали!...

Бом закашлялся и прикрыл рот платком.

— Итак, вы видели мой живой компьютер в действии, — взял себя в руки директор Атараксии. — Скажите начистоту, профессор, имеется ли что-либо подобное в вашей хваленной Долларике?

Бом покачал головой.

— Нет, великий Панча-Ли. До этого в Долларике никогда не додумаются.

— То-то, — сказал директор с удовлетворением. — Мы еще такое соорудим, что весь мир ахнет. Слушай, Пе-Син-Сын, распорядись о назначении Пифагора новым начальником счетоводов. А старому завтра же отрубить голову.

5. Мятный санаторий для безмятежных

В санаторной амбулатории профессор усадил новоуловленного пациента на диван в приемной, а сам позвонил дежурному врачу.

— Доктор Маньяна обещал прийти через десять минут, — сообщил он, вешая трубку. — Так что нам придется здесь ждать целый час. Ввиду этого сидите тут, Нокиеро, и не рыпайтесь а я вам тем временем расскажу историю Атараксии.

Доллариканцу не оставалось ничего другого, как забиться в угол дивана и слушать рассказ профессора.

— По профессии я врач-психиатр, — начал тот, принимаясь расхаживать по комнате. — Но в молодости стал увлекаться философией древних греков, в особенности стоиков и эпикурейцев. Тогда я и пришел к заключению, что призван распространять здесь идеи философа Диогена, так как его учение было для меня настоящим откровением. Решив стать современным Диогеном, я поселился на этом острове в большой бочке, где помещалась лишь койка и тумбочка для телефона, и стал проповедывать островитянам идеи безмятежности, призывая их отказаться от материальных благ, по-философски терпеть повседневные невзгоды и убить в себе честолюбие и страсть к наживе. Взамен я им судил безмятежное счастье и освобождение от забот. Так я положил начало моей лечебнице, вскоре снискавшей себе славу философской школы для адептов безмятежности и ставшей убежищем для несчастливцев всякого рода, особенно потерпевших неудачу на политическом поприще. Изю всех стран Южной Америки сюда устремились сотни неудачников и кандидатов в мои ученики. Более гуманные диктаторы и военные хунты, вместо того, чтобы вешать или сажать в тюрьму своих политических противников, стали высылать их в мой санаторий, чтобы избавиться от соперников и критиков. За хорошую плату я принимал их всех. — и проворовавшихся политиков, и побежденных генералов, и горе-философов, помешанных на переустройстве мира, и вообще разную шваль, смутьянов, авантюристов, высланных из своих стран за вызывающее поведение. Кроме того, по заведенной древним Диогеном традиции, я сам, так сказать частным порядком, разыскиваю днем с фонарем настоящих несчастных и обездоленных, потерявшихся вроде вас, и принимаю их в лечебницу совершенно бесплатно.

Таких бесплатных пациентов теперь у нас много, и они самый мирный и покладистый элемент среди населения Атараксии. Больше всего у нас хлопот с фанатиками-революционерами, полу-помешанными политиками и... уголовными элементами, борющимися между собой за власть в Атараксии.

Тут профессор прикусил язык и, на щипочках подошедши к двери, стремительно ее распахнул. Убедившись, что никто не подслушивает, он закрыл дверь, сконфуженно улыбаясь.

— Шпионы!... — забормотал он. — До чего дожил.

— Сами виноваты, профессор, — сочувственно закивал головой Нокиеро. — Надо было во-время обезвредить эти самые... элементы.

— Хорошо вам говорить. Я человек старой закалки. Стоик. Несопротивленец. И теперь за это я должен расплачиваться. По слабости воли допустил я, чтобы в один прекрасный день несколько располитикованных пациентов сговорились и образовали в Атараксии опереточное правительство с политическими платформами, программами, интригами и кризисами, как в настоящем государстве. Вначале пациенты подчинялись санаторной дисциплине, во-время кончали свою игру и ложились спать, несмотря на то, что у них, может быть, должно было состояться важное заседание. Эта игра в политику кучки узколобых пациентов не представлялась мне особенно опасной, и я не обращал внимания на их детские забавы. Однако со временем они стали требовать самоуправления и тогда у меня появились сомнения, правильно ли я поступаю, отказывая им в свободе. "Нельзя ведь, — думал я, — вечно держать их в рабском подчинении и попирает их прирожденные права на свободное волеизъявление, лишь потому, что у них не все дома". Я ведь стою за полную свободу человеческой личности, даже для преступников и сумасшедших. Действуя в соответствии с моими убеждениями, я стал постепенно послаблять режим в лечебнице и ограничивать права санитаров. Результаты оказались потрясающие: пациенты стали себя вести с большим достоинством — доктора утверждали, что с большим нахальством — и на лицах больных появились счастливые улыбки, — санитары и сиделки уверяли, что пренебрежительные. Как бы то ни было, я был в восторге от своей свобододобивой политики, и в ряде статей в научных журналах Южной Америки рекомендовал послабление режима во всех тюрьмах и домах для душевно больных...

— И чем же кончилась ваша либеральная политика? — заинтересовался Нокиеро.

— Кончилась тем, что я здесь уже не хозяин. Мои пациенты, почувя свободу, стали водворять в лечебнице свои без-порядки, отказываться от повиновения, устраивать демонстрации протеста и ломать мебель. Откуда-то у них появилось оружие, и они стали, в нарушение правил, проводить свои митинги по ночам, терроризовать врачей и санитаров, призывать к свержению госпитальной администрации. Так оно и стало. В один прекрасный день они устроили в Атараксии не игровой, а самый настоящий переворот, уколошили

несколько человек санитаров и под угрозой револьвера заставили меня назначить новым директором больницы одного из их главарей, — бывшего каторжника Панча-Ли, а начальником полиции — заведующего прачечными, бывшего ворюшку Клина — сумасбродалевшу. С того времени они тут и ворочают всеми делами, да грызутся друг с другом, как собака с кошкой.

— А разве вы не могли вызвать полицию из города? — спросил Нокиеро протирая глаза. В начале рассказа он чуть было не заснул, но потом стал слушать с интересом.

— Городская полиция боится к нам даже подступиться. А я сам в момент переворота был настолько захвачен философией безмятежности, что мне было совершенно безразлично, кто заведует Атараксией, лишь бы новое правление признало безмятежность своим руководящим началом. Я потребовал этого от нового директора и он, к моей радости, согласился с моими взглядами. Даже предложил объявить безмятежность официальной идеологией Атараксии и создать первое в мире государство безмятежных. "Безмятежные всех стран объединяйтесь!" Это меня с ним примирило. Затем мы решили вместе основать Безмятежный Интернационал, с помощью которого мы надеемся обратиться всех людей в нашу веру. С их согласием или нет, но главное, для их же блага. Правда, Панча-Ли помешан на том, чтобы наша безмятежность называлась почему-то лево-правой и его помощники ходили на котурнах... Не понимаю зачем? А главное, никто меня не слушает, хотя я все еще их президент и мой портрет висит рядом с Карлой Марлой.

— А вы их заставьте слушаться. Вы же хозяин.

— Сил нет. Эх, кабы я был моложе! Зато Панча имеет достаточно воли и энергии, чтобы воплотить в жизнь мою мечту о преобразовании мира на безмятежный лад. Человек он начитанный и с головой, хотя с темным прошлым. Кажется, торговал живым товаром...

— Далась же вам эта затея с безмятежностью... преобразованием мира... какая-то *idée fixe*... По моему, вам пора стать мятежным, профессор.

— Послушайте, Нокиеро! Насмотревшись за всю свою долгую жизнь на человеческие несчастья, злоупотребления властью, беспорядки, войны и революции, я долго думал, как бы устроить так, чтобы не было больше ни войн, ни революций, ни диктаторов, и чтобы все были счастливы. И я решил бороться за такой порядок, при котором жизнь людей текла бы спокойно, бесстрастно и была рассчитана до мелочей, во избежание каких-либо неприятных сюрпризов. Пусть, — думал я, — человечество отдохнет от волнений и сдаст в архив национальные, расовые, идеологические и религиозные распри. А это наступит лишь тогда, когда все станут безмятежными. Лишь тогда можно будет всерьез заняться всеобщим разоружением, контролем рождаемости и справедливым распределением богатств. Да, но как заставить широкие массы стать безмятежными, довольствоваться малым, терпеть лишения и беспрекословно повиноваться начальству, которое должно будет обо всем

заботиться? За тридцать лет моей деятельности в Таракании мне удалось обратить в безмятежность лишь незначительный процент жителей. Значит надо было найти более эффективный метод воздействия, чем мои проповеди. И мы с Панчей нашли. Слыхали вы об изобретателе, докторе Альхиппи? Гениальном биохимике? Он нас спас, изобретя чудо-аппарат, при помощи которого можно людям внушить любую мысль на расстоянии и заставить их поверить любому утверждению. Это изобретение пришлось нам как нельзя кстати. Правда, у доктора тоже есть свой бзик. Он эротоман, скрывающийся у нас от суда за развращение малолетних девочек, и это чрезмерное увлечение сексом отразилось на характере передач по телевнушению. Мы с Панчей хотели было ограничиться пропагандой одной безмятежности, но Аль настоял на том, чтобы подмешивать побольше эротизма, доказывая, что людьми, у которых лишь любовь на уме, легче управлять. Пришлось согласиться...

— А вы не можете менять содержание передач?

— В том-то и дело, что не можем, — вздохнул профессор. — Все пластинки напеты им лично, а у него, будто бы, какой-то особый голос, обладающий гипнотической силой. Кроме того, только он один знает секретную комбинацию, приводящую аппарат в действие. Если начнем ему указывать, что и как транслировать, он может заартачиться и разбить свое изобретение. Он, видите ли, немного того... шальной.

— Разве вы все не безмятежные?

— А... — безнадежно махнул рукой Диоген. — Одно лишь название — безмятежные. Все здесь такие. На словах хорошие, идейные, а как только дело доходит до личных амбиций или чьего-нибудь уязвленного самолюбия, готовы перегрызть друг друга глотку. Может быть плохо их учил. Хуже всего, что я начинаю терять веру в самого себя. Иногда мне кажется, что я сам уже не безмятежный. Конечно, я по-старому переношу со стоицизмом житейские невзгоды, болезни и обиды, сплю, как раньше, на раскладушке в бочке. Однако с тех пор, как здесь стали хозяйничать рыжие, не могу примириться с новыми порядками, не в силах переварить возражений, насмешек за моей спиной и превратного толкования моих идей... Поверьте, иногда мне хочется плюнуть на всю затею, разогнать ко всем чертям непослушных учеников и закрыть совсем лечебницу, хлопнув дверью на прощание.

— Вот это мне нравится, профессор, — оживился Нокиеро. — Так им и надо. Поставьте им всем двойку по поведению и хлопните дверью так, чтобы они полетели в тартарары. Ваш "Безмятежный Интернационал" это угроза всем свободным людям. Бросьте и вы это грязное дело! Пошлите к черту Атараксию!

Огонек возмущения, вспыхнувший было в блеклых зрачках профессора, быстро погас и на лице его появилось прежнее восторженно-добродушное выражение.

— Виноват, я лишь пошутил, — сказал он, отводя глаза. — Все это мелочи, недостойные настоящего философа. Какие бы мои сотрудники ни были, они мне помогают перестраивать общество на новых началах. А от планов своих я не намерен отказываться. Приходится терпеть для блага человечества.

Нокиеро фыркнул не особенно почтительно.

— А оно знает, человечество, о благе, которое вы ему готовите? Как же вы думаете осуществить свои планы?

— На все требуется время, — оживился профессор. — Самым большим препятствием является для нас современное парламентское государство, эта громоздкая, аморальная и мало эффективная организация насилия над человеком. Так что в первую голову мы должны уничтожить государственную машину и установить диктатуру безмятежных. Для начала мы взяли на прицел насквозь прогнившее правительство Таракании и работаем над разложением населения острова при помощи аппарата телевнушения. Мы уже подорвали мораль армии, полиции и горожан. Вскоре власть в стране упадет в наши руки, как спелый плод. Покончив с этим островом и превратив его в плацдарм революции, мы начнем таким же образом таранить соседние острова и приводить их жителей в состояние эротического возбуждения и житейской безмятежности. Затем примемся за крупные державы — Дюларуку, Великогренландию, Евразию, называемую теперь Азиопией, и Маоцедонию. И до тех пор будем вносить разложение в эти страны, пока их жителям не станет безразличным все на свете, кроме секса и танца, и они не превратятся в безмятежных и податливых обывателей. Тогда мы восторжествуем.

— Боюсь только, что не вы лично восторжествуете, профессор, а узколобые или левши... — саркастически вставил Нокиеро. — Зато ваш портрет будет висеть на стенах рядом с портретом Карлы Марлы.

— Тсс! Не так громко, — испуганно прошептал тот, косясь на двери. — Вы ничего не понимаете.

Его лицо приняло хитроватое выражение.

— Вы не понимаете, что я намерен моих теперешних сотрудников и негодных помощников использовать для достижения цели, а затем от них избавиться, — сказал он шопотом. — Потому я и стремлюсь заблаговременно окружить себя честными идейными учениками, отнюдь не помешанными на политике, вот например такими, как вы, Нокиеро. Хотя вы и поражены амнезией и нуждаетесь в лечении, вы на самом деле более нормальны и здравомыслящи, чем здешние заправилы. Я буду очень рад, если захотите включиться в наши ряды и стать моим помощником. Если к тому же окажется, что вы пропавший без вести миллионерский сынок, так тем лучше. Мы нуждаемся в вертолетах, оружии и лабораторных аппаратах и всякое пожертвование примем с благодарностью. Но это, конечно, дело вашей совести...

— Боюсь, что дело не выгорит, — пробурчал доллариканец. — Пусть я дурак, пусть забыл все на свете, но твердо знаю, что, если вы пытаетесь установить диктатуру, пусть даже самую благородную, то мне с вами не по пути. Кроме того, вилами на воде писано, действительно ли я потерявшийся миллионер?

Профессор огорченно развел руками.

— Жаль, очень жаль, что моя идея создания мира безмятежных вам не по душе. Ведь у меня на уме лишь добро человечества.

— No quierio! — ответил коротко доллариканец. — Кому такое добро нужно?

Наконец появился заспанный врач в засаленном кителе и пригласил пациента в амбулаторию. Через полчаса больной вышел с забинтованной головой.

— Твердая башка, — сказал доктор Маньяна. — Ну и шевелюра же!... Хоть какая-нибудь польза от моды...

Сам врач был лыс как колено.

Пообещав Нокиеро пристроить его на ночь на свободной койке в комнате некоего Курары, профессор Диоген повел своего гостя к большому зданию с ярко освещенными окнами второго этажа, чтобы показать ему издали доктора Альхиппи и его лаборанток-лолит за работой в лаборатории.

Воздух был неподвижен и влажен. Огромная пугающая луна медленно опускалась в океан. Черные силуэты пальм на фоне освещенного дома казались вырезанными из картона.

Профессор и его приблудившийся пациент поднялись на второй этаж и остановились перед стеклянной дверью с надписью: "Секретное отделение. Посторонним вход воспрещен." Из-за двери доносились женские молодые голоса и звонкий смех.

Диоген чуть-чуть приоткрыл дверь и позволил своему гостю заглянуть внутрь.

— Однако, не будем входить, — сказал он шопотом. — Не надо мешать доктору. Как-нибудь потом

он покажет вам свою лабораторию, а пока взгляните хоть мельком.

Через полуоткрытую дверь Нокиеро увидел огромный зал, заставленный столами, полками и шкафами с приборами. На спиртовых лампах булькали перегонные кубы и стеклянные шары. Сверкая зелеными огоньками, шипели мудреные аппараты. За столами работало несколько бородатых лаборантов. Между ними, приплясывая, хохоча и шебеча, крутились десятки молоденьких девочек в белых мини-халатиках. В промежутках между разговорами и взрывами хохота они вертели кнопками аппаратов, стучали на клавишах машинок и присматривали за дымящими ретортами.

В застекленной акустической будке в углу зала, перед микрофоном звукозаписывающего аппарата сидел осанистый чернобородый человек в берете и беззвучно открывал и закрывал рот, пощипывая молчаливую гитару. На столе перед певцом сидела смазливая брюнеточка в "без-юбке", лет пятнадцати, и дрыгала ногами в такт неслышной музыки.

— Доктор Альхиппи в разгаре работы, — благоговейно прошептал профессор, тихо закрывая двери. — Вместе с одной из своих лолит он наигрывает новую неприличную пластинку для теле-внушения. Бедняга! Иной раз он работает так со своими лолитами всю ночь напролет.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1. Последнее слово похоронной музыки

На следующее утро Нокиеро проснулся на неудобной узкой кушетке, уткнувшись носом в черную от грязи стенку. В комнатке, где ему пришлось заночевать, было душно, пахло плохо проветренным жильем, клопами и машинным маслом.

А ему только-что снились джунгли и в них дровосеки, пилящие деревья. Перед его глазами еще плыли лиловые, голубые и красные пучки орхидей, качались на ветру темно-зеленые плюмажи пальм, обвитых снизу доверху лианами. Доллариканцу страстно захотелось удержать подольше под веками эти расплывающиеся в воздухе цветные картины — может быть, чтобы когда-нибудь потом уметь перенести их на холст — и он опять закрыл глаза, надеясь, что вернется красочный сон. Однако не тут-то было: краски расплылись и померкли, и от картины осталось одно темное пятно, точно на передержанной фотографии. И только ржавый скрежет пилы режущей деревья, не зatih, а даже, казалось, усилился.

Проснувшись окончательно, он приподнялся на локте и осмотрелся. Сквозь жалюзи в окно ломились яркие солнечные лучи, рисуя на полу и стенах причудливые узоры. Комната была наполнена разнымхламом. Повсюду валялись части одежды, обрывки газет,

окурки, хлебные корки. На столе возле окна, вперемежку с чашками с недопитым кофе, невымытой посудой и испорченными банками консерв, поблескивали отвертки, винтики и разобранные на части пистолеты.

В противоположном углу комнаты, раскинувшись на постели, храпел во всю ивановскую какой-то неопрятный тип с мочальной бородкой и рассыпавшимися по подушке, длинными рыжими волосами.

Волосатик храпел и хрипел во сне, пофыркивая и присвистывая носом в такт танго-манго-храпанго. Между одним приступом храпа и другим он скрежетал зубами и бормотал сквозь сон:

"Ах, как палить я буду в ненавистных янки!

В проклятых "гринго",

Пущу на них я самолеты, танки...

На злостных янки,

На шалых "гринго".

Пиф, паф, паф, паф, паф"...

Посередине комнаты стояло старомодное высокое пианино. Из его задней стенки торчали десятки ружейных и пистолетных дул.

У Нокиеро все путалось в голове: Парк... скамейка... ватные облака в воде бассейна... пляшущие туземцы с масляными глазками... Вертолет над головой... горилла-партизан... чудак профессор в хламиде. А теперь эта комнатка, этот тип на соседней койке!

Лохматик выругался непристойно сквозь сон и, повернувшись на другой бок, захрапел, зарычал и забулькал носом пуше прежнего.

Недоумеая, долариканец долго лежал с открытыми глазами и рассматривал помещение, куда он попал. Стены были оклеены дорогими обоями, а ручки дверей выточены из красного дерева. Однако потолки были серы от пыли, и в углах клочьями висела паутина. Паркетный пол был вероятно мыт в последний раз еще в прошлом столетии, и половицы покорежились от старости. Обои были ободраны и висели грязными лоскутами. Под ними виднелись голые доски стены, покрытые порнографическими рисунками.

В одном из углов стояли транспаранты с наляпан-ными от руки лозунгами: "Да здравствует Великая Без-культурная Революция!", "Слава Великому Панча-Ли!", "Смерть янки-империалистам!" и "Да здравствует Рыжая Власть!".

Храп прекратился, и Нокиеро почувствовал на себе горящий взгляд человека с соседней кровати.

— Кто вы такой? — сердито спросил лохматый. — Кто вам разрешил валяться на моей кушетке?

У него была длинная голая шея и острый нос, что делало его похожим на стервятника.

— Меня привел сюда профессор Диоген, — учтиво ответил гость. — Сказал, что только на одну ночь, потому что не знал, где имеются еще свободные койки... Сам я из Нью Йорка... Страдаю амнезией.

— Ага!

Нокиеро прикусил себе язык, вспомнив, что профессор просил его не распространяться, откуда он.

Однако слово уже было сказано. Стервятник выскочил из постели, выхватив из-под матраца пистолет.

— Что такое? Вы долариканец? Гринго? — заорал он.

— Да... кажется. Хотя в общем неизвестно...

— Проклятый гринго! — истерически завизжал он. Паршивый янки в моей комнате! Да я ведь поклялся бородой Карлы Марлы, что застрелю, как собаку, первого долариканца, появившегося в нашем санатории. А ну, проклятый прихвостень капиталистов, становись к стенке! Ах ты, шпионская морда!

Нокиеро в первый момент оторопел и, точно загипнотизированный, глядел на прыгающее у него под носом черное дуло.

— Позвольте... — начал он было, и вдруг почувствовал, что в нем поднимается злоба. — А подите вы к чертовой бабушке со своим пугачем! — крикнул он и, выскочив из постели, стал в свою очередь прыгать посередине комнаты, натягивая штаны.

— Что вы? С ума сошли? — орал он. — Разве у меня на лбу написано, что я долариканец? Сказал же — неизвестно... Ну, стреляйте, если вы уверены!

Стервятник угомонился и спрятал револьвер под подушку.

— Черт с вами! Живите, пока не станет известно, кто вы на самом деле. Еще успею вас кокнуть...

Нежеланного гостя разобрал смех.

— Ну и чудной же ваш остров, шут его дери! Ха, ха! — захохотал он с облегчением. — Проходу нет от сумасшедших. В парке мне кто-то шишку на башке набил, потом покинутый муж ножом грозил, а теперь

вы меня застрелить хотели ни за что ни про что. А я, вероятно, потерявший память сын миллионера, и за отыскание меня можно получить вознаграждение. Так что со мной надо обходиться вежливо и бережно.

Нокиеро сам не верил в пущенный кем-то слух, что он миллионерский сынок, попавший случайно на остров Тараканию, но его забавляло наблюдать за реакцией встречных островитян.

Услышав новость, лохматик насторожился и действительно стал вежливее.

По-видимому слово "миллионер" огорашивало всех — мятежных и безмятежных.

— Если так, то я должен доложить директору о том, что у меня скрывается сын миллионера. Как ваше имя, мистер?

— В том-то и дело, что сам не знаю. Покамест называйте меня "Нокиеро". А вас как зовут?

— Мое имя — Курара, — ответил тот, горделиво вскидывая лохматую голову. — Разве не слышали? Я — композитор похоронных маршей и составитель макабрических песенок. Дайте закурить, и я сыграю вам кое-что из моих произведений.

Нокиеро угостил стервятника сигаретой, и тот сделался совсем шелковым.

— Давненько не курил я долариканских сигарет, — он с наслаждением выпустил клуб дыма. — Так вы ничего не слышали обо мне? Странно. Газеты много писали о моем деле в свое время.

— Нет... не привелось. Впрочем не помню.

— Проклятые капиталистические акулы разбили мою карьеру, — злобно прошипел Курара, одеваясь. — Много лет подряд обивал я пороги у издателей нот, фабрикантов пластинок и дирижеров оркестров, и ни одна собака не заинтересовалась моими чудесными похоронными симфониями, танго смерти, песнями самоубийц, прелестными "данс макабр". Никто не признал моего гения. Меня лишь гнали и высмеивали. В отместку я одному издателю сыграл последнее слово похоронной музыки на изобретенной мною стреляющей гитаре. Подлеца увезли на кладбище, а я бежал сюда. По крайней мере я нашел здесь родственные души. Директор лечебницы мигом понял мои передовые идеи в музыке и принял меня в Рыжую Гвардию. Слава Великому Панча-Ли!

С этими словами он потряс в воздухе сначала левым, затем правым кулаком. Нокиеро смотрел на него с изумлением.

— Благодаря великому Директору, я теперь знатный рыжегвардеец, дважды товарищ, питаюсь в закрытой столовке. Если повезет, женюсь на самой красивой женщине в Атараксии...

Он облизнулся плотоядно. Затем предложил новому пациенту послушать свое изобретение: пианострел.

— Я выдумал это стреляющее пианино специально по требованию Директора, чтобы он мог безкультурно расстреливать своих врагов под звуки музыки. Он эстет в душе и любит расправляться со своими врагами утонченно, опрыскивая их духами и пулями из пулемета, замаскированного под гитару. Или рубит им головы, увив их предварительно венками из роз. Хотите, сыграю вам мою собственную композицию... Называется — "Марш смертников".

— Что ж, играйте, — неуверенно согласился Нокиеро, косясь на дула пистолетов, торчащие из спинки пианино. — Только пожалуйста, направьте ваши пистолетики в другую сторону, чтобы ваш "марш смертников" не оказался для меня последним словом похоронной музыки.

— Будьте покойники! Оружие в пианостреле не заряжено. Однако не теряю надежды когда-нибудь посадить позади инструмента парочку левшей или долариканцев и сыграть им настоящий марш смертников. А покамест имею право играть лишь входную. Смотрите, как это хитро устроено: черные клавиши соединены с курками пистолетов, белые же вызывают лишь звуковые эффекты. Послушайте!

Композитор-изобретатель сел на черную табуретку и, вытянув руки над клавишами, на секунду застыл в вдохновенной позе. Затем стремительно ударил в клавиши посередине клавиатуры, точно заметил там паука или иное насекомое и решил его прикончить одним ударом. Позади инструмента раздался выстрел и взрыв. Однако в паука пианист по-видимому не попал, и ему пришлось гнаться за ним вдоль всей клавиатуры, вызывая по дороге невообразимую трескотню холостых патронов внутри пианино.

Бледное лицо стервятника дергалось, точно с ним приключился припадок эпилепсии. Его рыжие, с зеленым отливом у самых корней, волосы рассыпались по покрытым перхотью плечам и тоже дергались как живые. Пальцы с траурными каемками на ногтях проворно извивались по клавишам в погоне за невидимыми пауками.

— Трах... тарарах... паф...паф...паф..., — шлепал он губами в такт выстрелов. — Слушайте, Нокиеро! Вот партизаны ведут перестрелку с полицейскими... А вот враг отвечает... Все досконально тут передается с магнитофонной ленты.

Он придавил пальцем один из черных клавиш, точно поймав врага, и позади пианострела отчетливо зататакал пулемет.

— А теперь начинает бить по врагу артиллерия, слышите?

Где-то внутри пианино приглушенно заухали пушки. Раздался свист снарядов, взрывы. Из задней стенки повалил дым.

— Бух...бух... Смерть приспешникам капитала! Курара вошел в раж. Щеки у него разгорелись, глаза восторженно блестели.

В стены стали сердито барабанить. В коридоре кто-то трехэтажно выругался.

— Ладно уже там! — сердито крикнул расходившийся пианист. — Вот продемонстрирую еще воздушный налет, и конец. Держитесь, Нокиеро!

Он нажал педаль, и воздух наполнился гулом бомбардировщиков, летящих на большой высоте. Одновременно завывали сотни сирен. Гул моторов то крепчал, то затихал, и казалось, что вражеские самолеты парят под самым потолком и вот-вот начнут бомбежку. И, действительно, вскоре раздался вой летящих бомб, постепенно нарастая... Бум... бум... Комната стала сотрясаться от взрывов. Гость даже втянул голову в плечи в защитном рефлекс.

Все это происходило под аккомпанемент дикой заунывной музыки, довольно таки неприятной для слуха. Наконец сумасшедший композитор оторвал руки от клавиш и захлопнул крышку. В комнате стало тихо и Нокиеро вздохнул с облегчением.

— Гениально? А? — спросил пианист влезая на котурны. — Если бы мне не надо было идти на митинг рыжегвардейцев, я бы вам сыграл больше. Мы вскоре намеряем проверку книг в библиотеке. Всю крамольную литературу — на костер! Не попадайтесь нам на глаза, а то я не ручаюсь за моих товарищей. Под шумок могут и вас подпалить. Гуд бай!

После его ухода у Нокиеро было такое чувство, будто попал в глубокую яму, из которой невозможно выкарабкаться. И еще ему померещилось, совсем как бывало с ним в детстве, когда болел scarлатиной, что на него навалилось что-то противное, склизкое, огромное как гора, и придавило своей тяжестью к земле.

2. По команде — жуй, глотай, благодари!

Вскоре за долариканцем пришел санитар и повел его на завтрак в общую столовую третьей категории, предназначенную для таких пациентов как он, то есть бесплатных. Начальство на котурнах, доктор и пациенты, за которых было уплачено в долларах, завтракали в столовой первого класса. Столы там были накрыты чистыми скатертями, и гостям прислуживали хорошенькие подавальщицы. Рядовые рыжегвардейцы, санитары и агенты Внубеза имели свои особые столовые второго разряда. Первый и второй классы имели то преимущество, что кормили там несравненно лучше, а, кроме того, посетители не обязаны были есть ПО КОМАНДЕ, что было правилом в экспериментальных столовых третьего класса.

Была еще одна категория жителей Атараксии, но они меньше всего значили в общине, хотя только они одни работали по-настоящему. Это были безхозники, главным образом индейцы, которых заставляли силой работать на полях и в мастерских безмятежного хозяйства Атараксии. Для них вообще не было столовых, и ели они, где попало и как попало.

Большинство пациентов третьего класса содержалось в лечебнице для экспериментальных и пропагандных целей. Ради лишнего куса дарового хлеба они всегда были полны показного энтузиазма для проводимых над ними опытов, по команде выкрикивали нужные лозунги, шествовали в походах с поднятыми кулаками, клевали носом на лекциях политбезграмоты и не без удовольствия поддавались действию теле-волн на экспериментальных сеансах.

Более пронырливые из них записывались в рыжую гвардию, красили волосы или надевали парики огненного цвета. Другие подлаживались к левшам и строчили доносы во Внубез на своих товарищей рыжегвардейцев, что отнюдь не мешало им доносить на левшей Узколобым. И все они называли себя безмятежными, хотя многие из них имели довольно смутное представление об идеях профессора Диогена. А ведь каждого из них когда-то профессор спасал, вытягивал их — несчастных, покинутых — из трущоб и приводил на бесплатную поправку в свой санаторий.

Завтрак еще не начался, и у входа в столовую, куда привели Нокиеро, галдела разношерстная очередь. У запертой двери стоял стол, накрытый рыжей клеенкой. На нем находилась картонная коробочка со щелью, прорезанной в крышке, и лежали листки чистой бумаги. Стоящие первыми в очереди заполняли эти листки и опускали в щель. За порядком следили Узколобые на котурнах, рыскающие вокруг с видом овчарок, стерегущих отару овец.

Долариканец покорно стал в очередь. Публика вокруг была одета бедно и живописно, в ярких блузках и рубашках на выпуск. На некоторых были серые больничные халаты. Впереди всех стояла группа запыхавшихся торопыг, то и дело поглядывавших на часы и переминавшихся с ноги на ногу, точно им было некогда. Рядом стояли "смехачи", ежеминутно разражавшиеся громким смехом без видимой причины. С их лиц не сходила неестественная, точно наклеенная улыбка. Скажет один из них что-нибудь, и все в хохот. Другой свистнет, и опять общий смех. Приглядевшись к этой веселой компании, Нокиеро заметил, что смеялись у них одни лишь губы, а в глазах не было даже искорки веселья — они были пустые и как бы отсутствующие. Смехачи походили на манекенов, у которых внутри заведена хохочущая пластинка.

— Вот они, результаты докторских экспериментов! — подумал новый пациент. — Эти люди как будто безмятежны. И может быть счастливы по-своему.

От этой мысли ему стало почему-то не по себе.

Другую группу, самую многочисленную и шумную, составляли "энтузиасты", специально натасканные в революционном воодушевлении недоумки, с идиотским упорством выкрикивающие, ни к селу ни к городу, лозунги и изречения Панчи и с энтузиазмом одобряющие каждое слово начальства.

— Сейчас нас пустят в столовую, — кричали они. — Да здравствует трижды великий Панча-Ли! Ура!

— Благодаря мудрому руководству... сейчас будем завтракать. Ах, как счастливы, счастливы мы!

— Ха, ха, ха... — рассмеялись смехачи.

— Да здравствует всемирная революция безмятежных! Да здравствует наш любимый вождь! Ну! Кричите же вместе с нами, а то плохо будет, — толкали энтузиасты остальных столовников, не проявлявших особого энтузиазма.

Опять нахально рассмеялись смехачи. Заторопились, зашумели торопыги и затерли энтузиастов.

— На работу небось их не гонят, — тихо сказал стоящий позади Нокиеро пожилой мулат, с опаской поглядывая по сторонам. — Что бы тогда запели?

— Только и знают, что начальство хвалят. Сапоги им лижут... — шепнул другой рядом. — А те и рады. Лучше бы жрать приличнее давали. А то все бобы да бобы. Да еще жуй по команде, глотай и благодари нашего великого...

Пожилой хихикнул, но обратив внимание, что их слушает чужак, запнулся, подавил улыбку и толкнул в бок своего товарища, показывая глазами на незнакомца.

— А ты не ври, Манолетто. Кормят нас на славу,

— громко заявил он, заметив на себе взгляд одного из Узколобых. — Вкусно, питательно...

Стражник на котурнах отвел взгляд, и пожилой мулат шепнул своему товарищу:

— Глянь-ка, Манолетто! Новенький. Интересно, откуда?

— Я из Доларики, господа, — сказал тихо Нокиеро. — Привел меня сюда профессор Диоген. Хочет меня обратить в безмятежного.

— И для этого вам понадобилось приезжать аж сюда? — насмешливо спросил высокий молодой мулат, названный Манолетто.

Пожилой надул щеки, словно набрал в рот воды и еле удерживается, чтобы не прыснуть.

— Ой, не могу... — прыснул он таки со смеху, обдав гостя брызгами слюны. — Значит, приехал к нам, чтобы ему здесь мозги промыли.

— Видно, совсем зелененький, — сказал другой, давась со смеху. — Если хотите стать безмятежным и выдержать в Атараксии, мой совет вам, долариканю, не задирайте Узколобых. А если не будете их слушаться, объявят вас внутренним врагом и, чего доброго, подведут под суд. Они любят от времени до времени устраивать здесь показательные процессы.

— Так я ведь не совершил никакого преступления, — удивился Нокиеро. — И не собираюсь.

— Это не играет роли, — пожал плечами пожилой мулат. — Например, могут вас обвинить в том, что вы двести лет назад торговали рабами, или чтонибудь в этом роде. Они это умеют.

— Что за ерунда! — возмутился долариканец. — Ведь двести лет тому назад меня и на свете не было.

— Скажут, что это антисоциальная, мелкобуржуазная отговорка, юридический крючок, чтобы выкрутиться от ответственности... Их не переспоришь.

— Не понимаю. Я очутился здесь случайно, нуждаюсь в лечении, и не имею намерения становиться безмятежным. И в местные склоки вмешиваться тоже не собираюсь.

— А это другое дело, — сказал Манолетто. — Так вы еще и в столовой не были? И меню не выбирали?

— Какое меню? — удивился Нокиеро.

— Так вы ничего не знаете? Вон там на доске, видите, написано мелом, что сегодня баллотируется "Котлет де воляй". Если хотите завтракать, вы должны будете голосовать, то есть выбрать эту самое котлету посредством бюллетеня. Иначе вам ничего не дадут.

Ничего не понимая, Нокиеро пожал плечами и открыл было рот, чтобы спросить, кому нужна эта канитель, как дверь в столовую раскрылась и публику стали пускать в зал. Когда он проходил мимо стола, ему велели заполнить бюллетень, на котором было напечатано: "Выбираю на завтрак следующее блюдо ..... Спасибо Великому Панча-Ли за угощение!"

— Как же я могу выбирать, если на доске всего навсего одно кушанье? — начал было спорить Нокиеро, но Узколобая барышня за столом, проверяющая бюллетени, сказала ледяным тоном:

— Как хотите... По распоряжению Директора все обязаны голосовать за меню, так как у нас свобода выбора и демократия.

— А как мне подписаться? Я жертва амнезии, и не знаю даже своего настоящего имени.

— Вместо подписи поставьте крестик.

— А что, если я ничего здесь не напишу?— не унимался Нокиеро. — Я ненавижу куриные котлеты.

В очереди позади прыснули со смеху, а барышня посмотрела на него как на идиота и заявила со скучающим видом:

— Бюллетень будет признан недействительным и вы ничего не получите на завтрак. Не задерживайте очереди. Кто следующий?

— Ну и непонятливый же вы народ, доллариканцы, — вмешался в разговор Манолетто. — Ну пиши "котлет"... валяй! Что тебе жалко? Очередь только задерживаешь, а у нас животики подводит.

Ничего не понимающему новичку не оставалось ничего другого, как вписать в бюллетень "котлет де воляй", подписаться крестиком и всунуть листок в щель коробки на столе. Лишь после этой процедуры его впустили в столовую, уставленную длинными, покрытыми грязной клеенкой столами, на которых уже были расставлены миски с фасолью. Возле каждой миски стояла кружка с мутной жидкостью, напоминающей кофе, и лежал ломоть желтого кукурузного хлеба.

Исполнившие свой долг столовники - избиратели заняли места за столами, но никто не прикасался к еде, пока не захрипел громкоговоритель в углу:

"Товарищи, внимание!

Начинается питание.

Кто не с нами, тот не ест,

Для врагов у нас нет мест.

Кто не с нами, тот наш враг,

Недостоин земных благ.

Пусть не ест он и не пьет.

Пусть он с голоду помрет.

А кто с нами, начинай!

Каждый здесь имеет пай.

А потом благодари

Великого Панча-Ли!"

— Господа, здесь что-то неладно, — недовольно сказал Нокиеро, с изумлением поглядывая на бобы в мисках. — Где же котлет де воляй? Я ведь голосовал на "котлет...", как в меню. Тут какое-то наду...

Манолетто дал ему такого тумака в бок, что он чуть не свалился под стол.

— Тише, ты несчастный "гринго"! Кто-нибудь услышит твои мешанские разговорчики, и донос готов. Всех нас потянут... Эх, вы, доллариканцы, вам видно никогда не понять безмятежного языка "безсоциализма". Раз начальство сказала, что это "котлет валяй", значит это и есть "котлет валяй". А если кому не нравится, так его самого на котлету изрубят. Слышали: "Кто не с нами, тот наш враг". Так что лучше шамай и помалкивай в тряпочку.

Тем временем громкоговоритель надрывался:

"Товарищи, внимание!

Продолжай питание.

И слушай народ:

Клади в рот бутерброд.

А теперь откуси!

Прожуй и благодари

Директора Панча-Ли!"

Когда раздалась команда: "Клади в рот бутерброд", завтракающие откусили по куску хлеба и стали усердно жевать.

"Ничего не поделаешь," — подумал Нокиеро и отхватил зубами большой кус желтого рассыпчатого хлеба с маргарином. Ему показалось, что рот у него наполнился песком.

Другие едоки, однако, не испытывали никаких затруднений с едой. Они не спеша жевали свои ломти, равномерно двигая челюстями, словно стадо коров на пастбище. Полагая, что он от них отстал, Нокиеро, давась и пыжась, поспешил проглотить свою порцию песка и только тогда сообразил, что без нужды поторопился, так как диктор в мегафоне как раз подавал команду глотать:

"А теперь глотай народ!

Хватай новый бутерброд."

Доллариканец сидел с выпученными глазами, тяжело дыша, точно рыба вытянутая из воды. А громкоговоритель тем временем орал:

"Если в горле застрял ком,

Запейте его кофейком!

А теперь, граждане, валяй!

Налегай на "котлет де воляй"!

Кто с нами в ногу не идет,

Пусть не ест тот и не пьет!

Так что ешь и благодари

Директора Панча-Ли!"

Столовники слушали и ели.

"Смотрите не роняйте крошек,

Они государственные тоже" —

напоминал вкрадчивый голос из громкоговорителя.

Медленнее всех ели смехачи. Они то и дело почему-то прыскали со смеху, давились от хохота и корчили рожи. Быстрее всех управлялись с едой торопыги. Они запихивали в рот большие куски, глотали наспех, не прожевывая как следует и не слушая команду. Зато энтузиасты оказались самыми прожорливыми едоками. Они беспрерывно кричали "Да здравствует Панча-Ли!" и тем не менее умудрялись запихивать за щеки двойные куски, быстро их прожевывать и глотать. Покончив с одной порцией, они бежали в кухню за добавкой и неизменно ее получали.

Нокиеро чувствовал, что в нем нарастает бунт. Ему было противно жевать по указке. Он отложил ложку и перестал запихивать в рот хлеб из кукурузы. Его соседи вытаращили на него глаза.

— Почему вы не едите? — забеспокоились они. — Навлечете на нас всех подозрение в саботаже.

— Неужели у вас всегда так? — спросил он своих

соседей, улучив минутку между двумя глотками кофе. — Что это? Китайская формалистика или тренировка условных рефлексов у будущих безмятежных граждан? И почему это одно блюдо в меню, а другое на столе? Неужели каждый день "котлет де воляй?"

— По разному бывает, — тихо ответил Манолето, жуя свои бобы. — Иногда приходится голосовать на "филе миньон".

— Что же тогда подают? Тоже фасоль?

— Нет, горох. Или рис. Но благодарить надо за филе...

Он замаялся и с опаской посмотрел по сторонам.

— Зачем это все? — не унимался доллариканец. — Сумасшедствие или жульничество?...

— Скорее это второе, — вмешался второй сосед.

— Не так уж глупо придумали. Ведь лечебница получает деньги на содержание пациентов третьей категории от города. Вот дирекция и предьявляет городским властям наши бюллетени в доказательство того, что нас тут кормят котлетами да миньонами. А разницу прикарманивает.

— Так это безобразие, — возмутился Нокиеро. — Надо сопротивляться, протестовать, бастовать, что ли? В крайнем случае, всем скопом покинуть лечебницу... Они же мошенники, хотя и безмятежные.

— Без... безмятежные!.. — оба его соседа одновременно прыснули со смеха, обдав его градом непржеванной фасоли. — Да они...

Неизвестно, что они хотели сказать, так как заметив на себе взгляд надсмотрщика на котурнах, мулаты замолкли, потупили глаза и принялись усердно жевать. Возможно, что всем троим пришлось бы туго, так как Узколобый, заподозрив контрбезмятежные разговоры, стал с недобрим взглядом проталкиваться в их сторону, но, к их счастью, громкоговоритель торжественно объявил о конце завтрака:

"А теперь вставай народ,

Да салфеткой утри рот.

По команде — раз, два, три,

Встань и благодари

Великого Панча-Ли

За великолепный завтрак,

Чтоб такой же был и завтра!"

А другой голос в мегафоне грозно добавил:

Смотрите, не воруйте ложек!

Они государственные тоже.

Рассмеялись смехачи и со звоном стали кидать на стол уворованные было ложки. Все столовники сорвались со своих мест и устремились к выходу. В возникшем замешательстве исчезли оба соседа Нокиеро. Потряса в воздухе сжатými кулаками, энтузиасты орали: "Спасибо великому Панча-Ли за великолепный завтрак!"

На прощание репродуктор бубнил вслед публике:

"Граждане, не забывайте одного:

У капиталистов нет и того..."

Тем временем кухонные служащие выносили в мусорные ящики бумажные мешки из-под кукурузной муки и охапки пустых банок из-под консервов. На каждом мешке и на каждой банке была надпись:

СДЕЛАНО В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ ДОЛЛАРИКИ.

3. Идеальная женщина

Из всех полученных в конторе бумажек, удостоверений, отчетных номерков и купонов, Джемса Бома особенно интриговал билетик, дающий право входа в "Веселый домик". Он долго вертел в руках розовую бумажку, прикидывая, насколько она пригодна для пользы дела. Ведь как тайному агенту ему полагалось узнать как можно больше о заведениях и порядках чудной лечебницы. Побывать надо всюду.

Пользуясь полученными пропусками, он в первые же дни своего пребывания в Атараксии открыто облазил все здания и заведения, куда его пускали, и тайком обследовал места, закрытые для посторонних. Прогуливаясь со скучающей миной, он исходил вдоль и поперек "Парк без-отдыха и без-культуры", — маленький луна-парк на задворках лечебницы. Увеселительные заведения почему-то бездействовали, если не считать тиров, в которых можно было пострелять по движущимся мишеням, киосков с прохладительными напитками, стеклянной будки с восковой фигурой гадалки, да еще Веселого домика, по-видимому постоянно открытого для публики... Однако, главный аттракцион луна-парка — карусели, ржавели без действия под открытым небом, а павильоны с развлечениями были наглухо заколочены. И ни души вокруг.

Однажды тайный агент провел целый день в луна-парке, разгуливая под застывшими вагонетками, среди неподвижных каруселей и полуразвалившихся построек. Найдя лазейку в прогнивших досках Галереи ужасов, он проник туда с заднего хода и не без мальчишеского озорства стал нажимать кнопки на распределительной доске внутри. Приведя в движение механизмы во всем павильоне, он, с ребяческой удалью, стал кататься на возике по коридорам галереи. И притворно ужасался, когда на него из-за угла, свирепо рыча, выскакивал вдруг лев из пластики или над самой его головой появлялся пляшущий в воздухе скелет из папье-маше, облитый эсеноватым "могильным" светом.

По мере продвижения возика, по обеим сторонам коридора зажигались лампочки, освещая ниши, в которых были изображены бытовые сцены из старых добрых времен, как например, резня в Варфоломееву ночь, казнь Людовика 16-го, пожар венской оперы и пир во время чумы в средние века. Находящиеся в нишах фигуры исторических персонажей издали казались живыми. Несмотря на представленные в них ужасы, некоторые ниши произвели на Бома довольно благоприятное впечатление. Особенно пригляделась ему уютная монашеская келья в средневековом монастыре, где в чуму собрались на пир розовощекие монахи. Человек пять их сидело вокруг стола посередине ниши, держа в руках оловянные кружки. И тут же рядом, на широком топчане накрытом звериными шкурами, корчились те, кого сразила зараза. С полки в углу на них глядел пустыми глазницами череп мертвой головы. По полу бегали огромные рыжие крысы. Через слюдяные оконца в стене виднелась мощеная булыжниками улица с валяющимися на ней зачумленными... Вид был донельзя ужасный.

Рядом с Галереей ужасов находился Туннель любви, куда можно было попасть лишь на лодочке, привязанной у входа. К разочарованию Бома, влюбленных парочек там не оказалось, и он, зевая от скуки, с чувством облегчения выплыл на свет Божий по другой стороне туннеля, неожиданно очутившись перед входом в пресловутый Веселый домик.

К удивлению тайного агента, заведение это не было закрыто, и над дверью светила лампочка.

"Чем черт не шутит", — подумал он и решил зайти. "Как детективу, мне даже полагается познакомиться со здешними веселыми девочками".

Старый хромой китаец, сидевший у входа, отобрал у него розовый билетик, полученный в конторе, и вручил рыжую книжечку с изречениями Панчи.

— Следуйте мудрым указаниям директора Панча Ли, и вы сумеете сделать правильный выбор, молодой человек, — сказал он наставительно, впуская посетителя внутрь.

Недоумевая, почему даже сюда приплели Панчу и его изречения, Бом вошел в первую комнату. Она должна была изображать султанский гарем с его роскошью и негой. Пол тут был застлан изъеденным молью ковром, а стены были покрыты изображениями полнотелых и полногрудых красавиц в разноцветных шароварах и без оных. В воздухе висел угарный запах пряностей и восточных благовоний, определенно не первой свежести. Из спрятанного где-то в углу репродуктора лились елейные звуки дудок и флейт.

Вскоре после того, как Бом вошел, музыка прекратилась, и хриплый голос из репродуктора произнес тоном зазывалы в цирке:

— Привет тебе, достойный посетитель! Ты находишься сейчас в палате восточной роскоши, в гареме султана, в преддверии рая. Тебя ожидают разомлевшие от неги гурисы. Каждая из них весит по крайней мере двести фунтов, а то и все триста. Если жаждешь их ласк, открой дверь, что по левой руке от тебя... Однако подумай. Если предпочитаешь им любовь современных спортсменов со стройными ногами и упругими телами, войди в дверь по правой.

Тут гость заметил над левой дверью надпись — "Восточные сладости", а над правой — "Шведская баня". Оттуда доносились веселые молодые голоса и слышались всплески воды. Мужской приятный баритон пел модную песенку.

— Вот и решай тут, — подумал Бом. — Конечно, я предпочитаю стройных спортсменов, хотя восточные прелести тоже неплохи...

Пока он раздумывал, начавшаяся было в передатчике музыка прекратилась, и цирковой зазывала начал сызнова:

— Привет тебе, достойный посетитель! Ты находишься сейчас в палате восточной роскоши...

Тайный агент плюнул в сердцах и стремительно распахнул правую дверь — в "шведскую баню". Влетев туда, он чуть было не скovyрнулся в купальный бассейн без воды, расположенный посередине комнаты. Из громкоговорителя в углу лились веселые женские голоса, но живых девочек в помещении не было и в помине. И только стены были покрыты аляповатыми изображениями купальщиц в бикини и без.

Противный голос зазывалы доверительно зашептал в репродукторе:

— Выбор сделан, достойный посетитель. Теперь тебе остается лишь протянуть руку и отворить одну из дверей, ведущих в рай. Выбирай же, выбирай...

Посетитель злачного места увидел, что перед ним опять две двери.

— Что за черт? — пробормотал он, чувствуя, что его здесь дурачат, и тем не менее желая досмотреть спектакль, в котором, помимо своей воли, принимал участие. — Где же девочки, в конце концов?

— За этими двумя дверями тебя поджидают писанные красавицы, готовые утонуть в твоих объятиях, — продолжал невидимый сводник. — Однако предупреждаю: за левой дверью собрались пустые болтушки. Подарив тебе свою любовь, каждая из них будет лишь щебетать о тряпках и украшениях. Зато по правой стороне сидят не только красивые, но и умные девушки, с которыми обо всем можно поговорить и с которыми никогда не соскучишься.

— Не слушай дурака. Что он понимает? Мы тут птички-невелички, но все, как на подбор, хорошенькие, чудненькие... — затараторила вдруг левая дверь. — Не все ли тебе равно, о чем мы болтаем? Разве для того, зачем ты сюда пришел, нужны тебе умные разговоры? Иди к нам, дурачек. Не бойся нас — пусто-мель. Не бойся... не бойся...

Бом насторожился. Наконец-то он услышал голос обитательниц веселого заведения, а не только лишь пластинку со словами зазывалы. Впрочем, кто знает, может быть их щебет — все та же пластинка?

— Не слушай эту болтушку, — приятным низким голосом сказала правая дверь. — Там они все красивые, но пустые дурочки. Если считаешь себя интеллигентным человеком, ты выберешь одну из нас. Мы можем тебя кое-чему научить... И только мы можем дать тебе полезные сведения.

Сведения? Это Бома заинтересовало. Конечно, он — интеллигентный человек и знает, что надо сочетать приятное с полезным.

Он осторожно отворил правую дверь в надежде увидеть за ней, по крайней мере, несколько красавиц, но следующая комната тоже оказалась пустой.

— Что это за комедия? Опять пластинка!.. — заорал Бом, очутившись опять перед парой закрытых дверей. — Довольно дурака валять! Где тут выход из этого лабиринта?

— Не отчаивайся, достойный посетитель! — безмятежным голосом сказала зазывала из угла. — Это последнее испытание. Девушек осталось только две. Какую выберешь себе, такая тебе и достанется. Великий Панча-Ли сказал: "Конец — делу венец!" Обе девушки, находящиеся за этими дверями, — красавицы и умницы, каких мало на свете. Однако та, что по правой стороне, имеет некоторые недостатки, как и все женщины в мире. Она немного самолюбива, в меру упряма, при случае может обругать. Одним словом — характерец! Зато у ее подружки за левой дверью нет никаких недостатков. Она идеальна во всех отношениях — терпелива, снисходительна, никогда не злится и на диво послушна. Она будет тебя беспрекословно слушаться и станет твоей рабыней. Теперь решай сам.

Свет в комнатке погас, а зажегся за дверями. Через матовые стеклянные панели Бом увидел силуэты двух прекрасно сложенных женских фигур.

— Вот они, голубки, — с облегчением подумал он. — Может быть, в конце концов, тут нет никакого надуательства. Какую же мне выбрать?

— Выбери меня, — проворковал приятным грудным голосом силуэт за правой дверью. — Я не какая-нибудь идеальная женщина, а самая обыкновенная. У меня, конечно, есть свои причуды и капризы, но зато тебе будет интересно провести со мной время.

— Меня... — мелодийно пропела девушка по левой стороне. — У меня нет никаких недостатков. Я буду исполнять все твои прихоти и желания. Со мной тебе будет всегда хорошо и спокойно. Я — идеальная женщина и идеальная любовница.

— Глупости! — вмешался грудной голос из-за правой двери. — Не гонись за идеалом, он не существует, — в голосе звучало раздражение. — Не будь ослом! Выбери меня! Я настоящая женщина...

Тайный агент в душе считал себя идеалистом и потому, вопреки рассудку, решил выбрать другую — ту, которая обещала быть идеальной женщиной и послушной любовницей. Уж больно интересно ему стало познакомиться с такой невидалью.... Идеальных женщин ему еще не приводилось встречать.

Решительным жестом Бом распахнул дверь по левой стороне и почти носом к носу столкнулся со стоявшей за ней дамочкой — и впрямь писаной красавицей. У нее были тонкие правильные черты лица, словно выточенные из алебаstra ручки и ножки, да еще огромные, обрамленные сеткой длинных ресниц, карие глаза. Она безмолвно улыбалась ему приветливой, но неестественной улыбкой, точно наклеенной на ее нежное личико цвета спелого персика.

Тайный агент легко дотронулся до ее плеча, и она мягко повалилась ему на руки, словно ватная.

Однако, она не была сделана из ваты, а из пухлячатой резины, и на шее у нее был выбит ярлык: "Made in Japan".

Несолоно хлебавши, Джемс Бом выскочил из Веселого домика как ошпаренный и отправился дальше исследовать луна-парк, проклиная в душе дирекцию лечебницы за страсть к выдумыванию схем одурачивания легкомысленных пациентов. Однако, вскоре он успокоился и стал даже подтрунивать над самим собой: "Провели меня как мальчишку. Еще не хватало, чтобы там за стеной сидели зрители и хохотали до упаду, глядя в шелку на мои перипетии", — думал он со смехом. — "Зато набрался опыта. И то хлеб!"

В общем он был доволен своими первыми шагами в Атараксии. Он детально ознакомился с расположением лечебницы, ее организацией и существующими в ней порядками. Кроме того научился всюду лазить, не попадаясь на глаза стражникам.

Тем не менее, несмотря на успешную рекогносцировку местности, Бому не хватало того, чего нормально ищет армия, проникшая во вражескую территорию: языка. Ему до зарезу нужно было найти осведомителя из туземцев, который мог бы его информировать о положении в лагере противника. Собственно, во время посещения Веселого домика у него была задняя мысль завести знакомство с представительницами здешнего полусвета... Что ж, дело не выгорело. От резиновой куклы толку мало.

До обеда оставался еще час с лишним. Тайный агент от нечего делать зашел в тир, и попытался попасть в нос картонному капиталисту в цилиндре, но не попал, лишь разбил лампочку под потолком. Заплатив за причиненные убытки, он бросил ружье на прилавок и пошел дальше бродить по луна-парку. Что и говорить, для тайного разведчика великой державы — стрелок он неважнецкий.

Недалеко от тира, в стороне от дороги, он набрел на два любопытных домика. Один из них был заколочен наглухо; по-видимому, там был склад материалов. Другой домик был киоском со стеклянной будкой спереди. В будке, уставившись в одну точку неподвижными выbleкшими зрачками, сидела восковая гадалка, тщетно поджидая клиентов, чтобы те, бросив монетку в щель под окном, привели в движение механизм, находящийся у нее внутри, и получили карточку с напечатанным заранее предсказанием их будущности.

Однако, судя по обшарпанному виду киоска и выцветшим лохмотьям ворожеи, желающих узнать свою будущность было ничтожное число.

Тайный агент осмотрел киоск со всех сторон и, подмигнув восковой старухе, хотел было идти дальше, как явственно услышал тихий оклик: "Айайай...", доносившийся, как будто, из стеклянной будки. Джемс Бом остановился как вкопанный и прислушался. Вокруг не было ни души, гадалка сидела неподвижно в том же положении, что и раньше, и тем не менее он опять услышал тихий оклик: "Айайай!"

Разведчик подошел вплотную к будке и стал пристально смотреть на старуху-гадалку. Она, по-прежнему сидела неподвижно, вперив глаза в одну точку, и губы ее не шевелились, но он явно слышал доносившийся от нее шепот: "Айайай... тайный агент АйАйАй, я разгадала тебя. Брось доллар в щелку и узнаешь больше..."

Хорошее настроение у Боба как рукой сняло. Он внутренне похолодел от мысли, что может быть его инкогнито раскрыто и кто-то знает о его миссии на острове. Как же это могло случиться?

Еще раз осмотрев киоск, он уверился, что кругом пусто, лишь в стеклянной будке сидит восковая кукла старухи. Ее высохшие руки с закорючеными когтями, как у хищной птицы, лежали неподвижно на столике возле колоды карт.

И опять из будки послышался шепот: "Тайный агент АйАйАй, если хочешь узнать секреты Атараксии, брось доллар в щелку. Я — богиня острова Атаракани и вселилась в фигуру гадалки. Я все знаю и все тебе расскажу."

Заинтригованный не на шутку, Бом решил проверить, не дурачат ли его опять, и, свернув однодолларовый билет в трубочку, втиснул его в щель у окна.

— Ладно, — сказал он тихо. — Вот тебе доллар. В этом всем, конечно, кроется какой-то подвох, но раз ты начала говорить, так скажи мне во-первых, почему ты вздумала назвать меня агентом АйАйАй? Ты ошибаешься, богиня!

Долларовая бумажка быстро исчезла в щелке, и сейчас же последовал ответ ворожеи:

— Я не ошибаюсь. Тебя выдали твои необычайные часы с микрофоном на руке. Такие имеются у всех агентов АйАйАй из Великогренландии.

— Это все твоя фантазия! — ответил он шепотом, вытирая платком пот, выступивший на лбу. — Какой же я агент? Я самый обыкновенный пациент, а часы купил по случаю... Как бы то ни было, мне интересно узнать, есть ли здесь агенты других разведок?

Внутри у ворожеи что-то зашипело, защелкало и в будке раздался сдавленный смех.

— Ты сам себя сейчас выдал, АйАйАй. Ладно, что могу, то скажу. Гони доллар.

Бом опять свернул доллар в трубочку и вложил в щель.

— Кроме тебя, в Атараксии орудуют агенты еще нескольких разведок... — последовал ответ.

— Каких?

— Еще доллар. Это новый вопрос.

Тайный агент беспрекословно выполнил ее требование.

— Здесь подвизаются агенты азиатской и македонской разведок, — ответила кукла. — А также эскимосской...

— Кто они? — Бом приготовил новый доллар, но гадалка вдруг заартачилась.

— Много будешь знать, скоро состаришься, — сказала она. — Сейчас не скажу, но приходи завтра, после закрытия луна-парка. Не пожалеешь.

— Ладно, — согласился Бом волей-неволей. — Но интересно знать, чего они все ищут в лечебнице? — будто второпях он всунул в щелку пять долларов.

— Все охотятся за аппаратом теле-внушения.

— Где он находится? — он опять втиснул в щель пятерку.

— Сказано: хватит, — послышался недовольный шепот. — Приходи завтра.

— Ответь мне только на этот вопрос, богиня, и я уйду. Это последний вопрос сегодня.

Банкнот исчез в щелке, и дух внутри фигуры гадалки вздохнул.

— Так и быть. Аппарат спрятан у Альхиппи в чемодане. И стережет же он его. Там пластинки с напетыми песенками и чертежи изобретения. Ну, а теперь уходи. Сюда идут люди...

— А где ты живешь, богиня? — спросил на прощание любознательный разведчик. — В заколоченном домике рядом или в этом же киоске?

— Домик рядом это так называемый Бенгальский Павильон. Там сложены пиротехнические материалы для фейерверков. Я же живу в Веселом домике. Только ты меня там не ищи. Я ведь бесплотный дух. Я здесь обитаю уже двести лет и все знаю, что делается на острове. Гуд бай, АйАйАй!...

4. Богиня из киоска

На другой день Джемс Бом еле дождался вечера, рассчитывая после закрытия луна-парка тайком пробраться к будке с гадалкой и выведать у нее как можно больше о тайнах Атараксии. Как бы странен и подозрителен не был этот источник информации, Бом не мог пренебречь малейшим шансом пополнить свои сведения.

Запасшись пачкой долларовых билетов и позвякивая в кармане пригоршней мелких монет, он проник в лунапарк боковым входом, всунув сторожу в лапу серебрянный четвертак. Тот ловко заграбастал взятку левой рукой и милостиво разрешил посетителю гулять сколько угодно в опустевшем парке.

— Только будьте осторожны, — предупредил он. — Жулики валандаются.

Вперив неподвижный взгляд в пространство, закутанная в пестрое тряпье и обвешанная бусами, восковая старуха величественно восседала в своей стеклянной будке, на том самом месте, что вчера.

Вокруг шатались подозрительные типы, и Джемс не решился задавать ворожее вопросы. С видом ротозея он бродил вокруг да около, рассматривая со всех сторон киоск. В задней стенке он различил замаскированный вход.

Как только прохожие исчезли, он на всякий случай сначала постучал легонько в стенку, но, не получив ответа, подошел вплотную к окошку и всунул в щелку серебряную монетку.

Тотчас же губы старухи шевельнулись, и она изрекла торжественным шепотом.

— Привет тебе, АйАйАй! Я — добрая фея острова Таракании, вселившаяся в эту восковую фигуру. Позолоти ручку, и я тебе расскажу все, что хочешь узнать об Атараксии.

Убедившись, что поблизости не видно людей, тайный агент вынул из заднего кармана пачку долларовых билетов и положил ее под окошком гадалки.

— Слушай, уважаемая богиня, — бесцеремонно начал он. — Я готов хорошо заплатить за имеющиеся у тебя сведения, но мне совсем не улыбается стоять здесь на виду у всех и тянуть тебя за язык, всовывая в щелку доллар за долларом. Давай, не будем играть в прятки, выходи из своей берлоги на свежий воздух, и тогда в какомнибудь укромном уголку поговорим с глазу на глаз о цене.

Внутри старухи что-то екнуло, ахнуло, но ответа не последовало.

Агент подождал несколько минут, затем, пожав плечами, протянул было руку, чтобы забрать свою пачку обратно, как восковая фигура издала легкий вздох и сказала возмущенным шепотом:

— Вы, доллариканцы, ужасно прозаический народ. Когда нами владели испанцы, они относились с гораздо большим уважением к местным обычаям и богам. У вас же всегда на первом месте доллар.

— Не знаю. По-моему, это ты, уважаемая богиня, первая завела разговор о долларах, — отпарировал Бом. — Да ты не стесняйся, покажись. Если ты даже вековая старуха, помнящая испанских конквистадоров, это меня не испугает. Business is business.

— Ладно, так и быть, — вздохнул голос в будке. — Выйду. Тогда сам увидишь. А пока внимай моему предсказанию: в самом ближайшем будущем остерегайся удара в спину... Даже раньше... уже тебе грозит... Берегись АйАйАй! — крикнула она.

Однако, и без ее предостережения, Бом заметил, что сзади на него кидаются два жулика, выскочившие из-за кустов.

Запустив руку в карман, он захватил полную пригоршню мелких монет и швырнул их изо всей силы в глаза одному из нападавших. Пока тот, временно ослепленный, остановился и стал себе протирать глаза, Бом ловким приемом "каратэ" повалил на землю второго жулика и принялся его боксовать. Тем временем первый разбойник, очухавшись, набросился сзади на агента, но тот, ударом ноги отбросил его назад. Обезвредив таким образом одного, дельный разведчик опять ринулся на другого. Затем, расправившись с вторым, набросился на первого... Затем опять на второго...

Это продолжалось бы неизвестно, как долго, если бы тайный агент в душе не возгордился собственной ловкостью и вдруг не вообразил себе, что драка получилась вроде как на воббойских фильмах, когда герой шутя расправляется с двумя-тремя бандитами, причем ни шляпа у него с головы не слетит, ни галстук не развяжется. Это всегда казалось настолько неправдоподобным, что Бому удивляло, как у режиссеров рука поднимается выпускать фильмы с такими неестественными драками. Ведь в жизни, если дело доходит до потасовки, то у ее участников не только шляпа слетает с головы или развязывается сам собой галстук, но летят в клочья костюмы и волосы, а самих драчунов отвозят в госпиталь.

А вот у него все получается, как на фильме... И вдруг он заметил, что однако не все, как на картине. Шляпы на голове у него не было, так что она не могла слететь, но галстук! Галстук, оказывается, развязался таки во время драки сам собой, и Бом сразу сник и упал в своих собственных глазах, перестав походить на фильмового героя. На одно короткое мгновение он дал себе передышку, чтобы запрятать концы болтающегося галстука, и в этот момент один из босяков, словчившись, ударил его так сильно чем-то тяжелым по голове, что он повалился на траву без чувств...

...Бому казалось, что он лежит на дне глубокого оврага, а рядом будто бы сидят красавицы из Домика и кладут ему на голову холодные примочки. Быстро придя в себя, он открыл глаза и действительно увидел над собой личико хорошенькой девушки с блестящими глазками. Она прикладывала к его голове что-то холодящее и говорила удивительно знакомым шепотком:

— Очнись, доларикано АйАйАй! Все в порядке. Это я тебя спасла. Отогнала жуликов прочь и спрятала твою пачку с деньгами, чтобы не украли. Вот она. Ну, как голова? Болит?

— Кто ты? — спросил тайный агент, с удивлением всматриваясь в незнакомые черты лица. — Добрая фея?

— Да. Разве не узнаешь моего голоса? Я — богиня острова Таракани, — произнесла она торжественно. — Я же и старуха-гадалка, — звонко рассмеялась она. — Похожа?

— На двухсотлетнюю старуху ты уж никак не похожа. — рассмеялся Джемс. — Да ты красавица!

Ее хорошенькое личико почти касалось его щеки, и он чувствовал не своим лице ее горячее дыхание. Несмотря на то, что голова ныла от боли, ему нравилось, что с ним приключилось нечто такое, как в шпионском фильме или романе. Теперь полагалось притянуть к себе головку девушки и поцеловать ее в губы. Долго не раздумывая, он это и сделал, почувствовав себя опять героем кинокартины.

— Я так и знала, — сказала она, неохотно высвобождаясь из его объятий. — Долариканцы не любят терять времени. Лучше пойдём в домик рядом. Там будет удобнее говорить о делах.

Она помогла ему подняться и очистила его костюм от приставших к нему травинок. Затем, обняв его за шею, повела в дом напротив. К смущению Бом, это оказался уже знакомый ему Веселый домик.

Однако, они не стали заходить в бутафорские салоны для посетителей, где его вчера так дурачили, а сразу прошли в спальню "доброй феи". Там она усадила его на диван и, намочив платок в холодной воде, приложила к шишке, выскочившей у него на голове. Затем принесла вина и пирожных. Наполнив бокалы вином, она села ему на колени и поцеловала в губы.

— Теперь спрашивай, что тебя интересует, доларикано! — сказала она пригубляя бокал. — За твое здоровье! АйАйАй! За успех твоей миссии!

— Спасибо, богиня! А я пью за твое!... — ответил тайный агент, отпивая вина. — Как твое имя, красавица?

— Афродита, — ответила она. — Я бывшая лолита из гарема доктора Альхиппи. Когда-то была даже Лолитой Первой, но как только вошла в лета, — ведь мне уже стукнуло двадцать, — доктор освободил меня от обязанностей первой любовницы и за мои заслуги назначил меня здесь гадалкой. Это довольно доходное место, и я довольна своей участью. Обыкновенно надоевших ему лолит он прогоняет домой или оставляет в лаборатории на побегушках.

— Так вот, оказывается, какой он, ваш гениальный изобретатель! Бабник и развратник!

— Скорее всего болезненно самолюбивый и честолюбивый деспот, превративший лабораторию в свой семейный колхоз. Однако, надо признать, что от него исходят какие-то магнетические токи, и он оказывает сильное гипнотическое влияние на женщин. Все в лаборатории ему беспрекословно подчиняются, а заодно и его очередной крале — Лолите Первой. Но никто там в лолитах не засиживается — уж слишком часто меняет доктор своих малолетних любовниц. И, тем не менее, я уверена, что его гарем и эротические похождения, это для него не самоцель, а средство замаскировать чувство своей неполноценности. Этот человек в душе не уверен в самом себе и старается убедить самого себя и всех вокруг, что он гений во всех отношениях. Потому он

вечно корпит над своими изобретениями, будто бы для Атараксии, а на самом деле с задней мыслью, чтобы продать их когда-нибудь за границу и на них зашибить хорошую денюгу.

— Это очень полезные сведения, — заметил Бом, целуя ее в ушко. — Откуда ты такая умница?

— Ты забываешь, что я ясновидящая по профессии и должна быть хорошим психологом. Кроме того в свободное время изучаю психологию в нашей библиотеке. Но, к сожалению, кажется, скоро кончится мое чтение, так как рыжегвардейцы собираются сжигать неугодные им книги. Хулиганы!

— Варвары, вандалы, — согласился Бом, занятый ее розовым ушком. — Расскажи, милая, что еще тебе известно о докторе и его аппарате.

— Альхиппи считает себя замечательным певцом и втайне мечтает наиграть свои эротические песенки за границей на пластинку и покорять молодых дур во всем мире своим гипнотизирующим голосом. Большие надежды он возлагает на изобретенный им аппарат теле-внушения. Намотай себе это на ус, милый АйАйАй! Эти сведения тебе пригодятся.

— Надеюсь, чудная моя красавица! — согласился разведчик. — Говори дальше. Не пожалеешь.

— Gracias Guapo! — ответила она, доливая вина в бокалы. — Но я ничего не хочу. Мне лишь хотелось бы, чтобы ты опередил других агентов и сумел купить доктора вместе с его лолитами и аппаратом.

— Лолит мне не нужно, — рассмеялся Бом. — А почему ты собственно думаешь, что я заинтересован именно в этом аппарате? На лбу у меня написано?

— Конечно написано, — ответила она с загадочной улыбкой. — На то я и ясновидящая, чтобы знать, что у кого на уме.

— Ладно. Тогда скажи, кто такие мои конкуренты здесь в лечебнице? Не бойся! Заплачу долларами. Сколько хочешь за информацию?

Он вынул пачку с долларовыми банкнотами, ту самую, которую она спасла от бандитов.

Девушка обиженно надула губки.

— Я же сказала... ничего не хочу от тебя, — она отстранила его руку с деньгами, хотя и не особенно энергично. — Хочу только тебя... Ты думаешь, мне очень интересно жить в луна-парке, потеть внутри восковой старухи, разыгрывать из себя ворожею и гадать разному хамью — рыжегвардейцам, левшам, сумасшедшим фанатикам... Лишь увидев тебя здесь, я поняла, что ты человек другого мира, будто сошедший со страниц приключенческой повести для молодежи. Какого бы ты не изображал из себя нигилиста или профессора-гиппи с перекрученными небекрень мозгами, я знаю, что в душе-то ты мальчик, бой-скаут, гордящийся порученным тебе заданием и рискующий жизнью только лишь ради спортивного интереса. Ты не испорчен жадной наживы и погоней за славой, и поэтому ты мне нравишься, доларикано АйАйАй! Поэтому я отогнала от тебя жуликов и не позволила им тебя ограбить, хотя обычно мы делим между собой добычу. Хочешь, расскажу тебе все секреты Атараксии, о ее обитателях — Китти, Инессе, профессоре, докторе, лолитах, о ком хочешь и гроша за это не возьму, но останься сегодня со мной... Я дарю тебе эту ночь... Не пожалеешь... Доларикано Ай Ай Ай, милый... ай...

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

1. В подземном царстве Левшей

Вскоре потерявшего память новичка перевели в общую палату, предназначенную для даровых пациентов. Вставать и ложиться спать там полагалось по приказу из громкоговорителей, которые находились во всех комнатах и коридорах. Даже в уборных были мегафоны, непрерывно подававшие команду зашедшим туда по нужде, чтобы те действовали в нужном темпе, не засиживались, не расходовали зря бумагу и сэкономили мыло.

Слушая исходящий из мегафонов поток запретов и указаний, долариканец дивовался, что стало с либерализацией больничного режима, которой так хвастался профессор во время их встречи в парке. Очевидно, политиканы пришедшие к власти в результате послабления этого режима, считали, что профессорские свободы существуют только для них, но отнюдь не для массы остальных пациентов.

Точно мухи на открытую рану, на нового пациента набросились разные докторишки и стали доносить его лечебными процедурами. То его поливали попеременно холодной и горячей водой, то пускали через него электрический ток, то его пугали из-за угла и срывали ночью с постели. В результате Нокиеро стал как деревяшка, все в мире ему опостыло, но память ему так и не вернулась. От лекарств, которыми его пичкали, его тошнило и бросало в дрожь, от уколов и облучений его мутило. Тогда его пробовали лечить гипнозом, но он оказался неподатлив на внушения, брыкался и ругался.

Упрямым долариканцем, вероятным наследником миллионов, решил вдруг заняться сам директор и велел перевести его в палату для неизлечимых и привилегированных пациентов, поселить его в отдельной комнате и снабдить талонами в столовую первого класса. Там не требовалось голосовать на меню, не заставляли жевать по команде, и подавали настоящий "котлет де воляй".

Однако предполагаемым сыном миллионера заинтересовались тоже в преисподней Атараксии...

Однажды утром к Нокиеро явился скуластый полицай с бритой головой, похожий на Юля Бриннера. У пояса у него болтался пистолет.

— Кто тут на букву "Н"? — спросил он громко, хотя в помещении не было никого, кроме Нокиеро.

— Я, — ответил тот. — Кажется...

— Хорошо, буква "Н". Левый привет вам от Великого Мастера Левшей. Просит вас вниз на проверку. Документики при вас?

— У меня нет никаких документов.

— Как же вы так живете на шармака? Ладно. У нас внизу разберутся. Ступайте вперед. Предупреждаю — по сторонам глядеть нельзя. Шаг направо рассматривается как попытка к бегству.

— Откуда такие строгости? Я буду жаловаться профессору. Я его гость, — без убеждения пригрозил Нокиеро. Собственно ему было все равно. Он уже был наполовину безмятежным и покорно поплелся впереди человека в синем переднике.

Они долго шли по длинному коридору, затем стали спускаться по лестнице. Полицай шагал позади и командовал, куда идти.

Тут им перебежала дорогу девушка-зайчик. На ней был плотно облегающий тело комбинезон, а на голове пилотский шлемик с заячьими ушами, даже не похожий на шлем, а скорее на причудливую шляпку, кокетливо приколотую к копне черных как воронье крыло волос. Девушка-пилот бежала наверх и с любопытством взглянула на долариканца. А тот остановился как вкопанный и несколько секунд стоял совершенно очарованный.

— Вперед, буква "Н"! — рявкнул левша и подтолкнул его сзади. — Левый привет вам, почетный товарищ Китти!

Он потряс в воздухе сжатым кулаком левой руки. — Счастливо вам летать! — добавил он.

Девушка-зайчик фыркнула на него как кошка и, томно взглянув на новенького, быстро-быстро застучала каблучками вверх по лестнице. А долариканца от ее взгляда бросило в жар.

Затем лысый агент и его узник сошли в подземе, в царство левшей. В темноватых сырых коридорах, еле освещенных пыльными лампочками под потолком, шныряли взад и вперед коренастые молодцы с бритыми головами. Пахло мылом, паром и клопами. В боковых помещениях угадывались склады белья, сортировочные, гладильни и котельные. Некоторые комнаты были зарешечены. В больших залах мелькали ряды стиральных машин, каждая величиной с локомотив. Все они гудели, дрожали от работы моторов и дышали паром. За их стеклянными оконцами тяжело ворочались груды белья. А в одном окошке как будто мелькнуло на секунду и тотчас же исчезло охваченное ужасом человеческое лицо...

Наконец они остановились у одной из закрытых дверей. Агент в синем переднике условно постучал и ввел Нокиеро в большую комнату, где за столом, заваленным бумагами, сидел атлетического сложения

лысый человек с серьюгой в левом ухе и писал левой рукой.

Агент подтолкнул долариканца к столу и, потрясая в воздухе левым кулаком, рявкнул:

— Трижды левый привет вам, Великий Мастер! Привел нового пациента для промывки.

— Ладно, — проскрипел лысый. — Дайте ему анкету и отведите в соседнюю комнату. Завтра к вечеру, чтоб анкета была заполнена.

Нокиеро, все еще переживающий взгляд карих глаз девушки-зайчика, встрепенулся и попробовал протестовать:

— Я гость профессора... страдаю амнезией...

— Цыц! Не разговаривать мне тут! — закипятился начальник. — Знаю я вас, долариканских шпионов. На вас поступил донос, что вы подосланы сюда капиталистическими акулами. Посмотрим, что вы запоете, когда вас пропустим через стиральную машину. Сначала заполните анкету. Кто вас знает, может быть вы тоже акула...

Огорошенному долариканцу сунули в руки анкету, толщиной с добрую книгу, и отвели в соседнюю камеру, обстановка которой состояла всего-навсего из стола, стула и деревянных нар.

Нокиеро уселся за стол и раскрыл анкету-книгу. Однако, он смотрел, читал и ничего не понимал, так как сквозь печатные буквы на него глядели карие глаза девушки-зайчика... Мечтательно уставился в окно, и там ему почудились "ушки на макушке" ее шлемика, приколотого к копне черных волос...

Арестованный протер глаза, и, не без усилия сосредоточился на чтении анкеты. Кое как разобрал вопросы: "имя"? "фамилия"? "где родился"? Затем следовали тысячи вопросов, подчас самого неожиданного содержания, как например: "Спите вы на левом или правом боку?" "Какой рукой чешете себе нос? В каком ухе чаще всего звенит? Ваши предки были левшами или правшами"? И так далее в том же духе.

Ничего не зная о своих предках и не помня, на каком боку ему спится лучше всего, Нокиеро стал всюду ставить черточки, птички, затем вместо ответов стал рисовать заячьи ушки. И так часа два он усердно выводил во всех рубриках заячьи уши, пока анкета не была заполнена до конца. Тогда он постучал в дверь.

Когда стражник увидел заполненную анкету, у него чуть глаза не вылезли на лоб от неожиданности, так как другие пациенты, бывало, мучились с анкетой целый день, а то и два, пока не ответили полностью на все вопросы.

Мастер Клин, получив обратно анкету, заполненную таким странным образом, пришел в ярость, подпрыгнул на стуле и с такой силой вонзил перо в столешницу, что оно завибрировало, как раскрытый веер.

— Что это такое? — завопил он. — Я ведь сказал, что вы должны подробно ответить на все вопросы. А вы тут наставили птичек да кроличьих ушей.

— Заячьих, — уточнил Нокиеро. — Это зайчики.

Кадык Великого Мастера заходил вверх и вниз, точно вагонетка между этажами.

— Ерунда! — крикнул он. — Почему не ответили? Например, как ваша фамилия?

— Не знаю. Потому и нарисовал заячье ухо.

— Где родились? Где жили?

— Опять ухо... Ничего не знаю, ничего не помню.

Я — человек, потерявший память.

— Знаем мы таких. Ваш отец...

— ... Капиталистическая акула, — подсказал Нокиеро, смеясь. — По крайней мере, так все твердят. Значит я акуленок. Так и запишите, если хотите.

— Если он не заплатит за вас выкуп, — сказал Клин, — то наши теломеханики закатят тебе такую баню, что сразу все вспомнишь.

— Дудки! Никто ничего не заплатит, так как все это враки. Лучше пустите меня на волю. Я должен сегодня же повидать одну девушку...

Великий Мастер схватил левой рукой колокольчик и стал неистово звонить. В комнату вбежало двое лысых в синих фартуках. Рукава их рубаш были закатаны по локоть, их широкие лица расплывались в счастливой улыбке, и они все время приплясывали на месте.

— Что прикажете, Мастер? — спросили они весело, помахивая в воздухе кулаками левой руки. — Кому задать баню?

— Вот этому тут, — Клин небрежно кивнул головой в сторону нового пациента. — Шпион... долариканец. Притворяется болваном. Пропустите его легонько через рубель. Да чтобы без следов...

— Есть, Мастер, — ответили те, приглотывая сапожищами. — Без следов. Покатаем его сначала в мьле, а там и в котел...

Один из веселых банщиков схватил Нокиеро за шиворот, а другой заплясал гопаком, широко раскидывая ноги.

Попытаем, попытаем, попытаемся!

Потанцуем, приналяжем, постараемся! — запели они в унисон, подталкивая несчастного, но почему-то улыбающегося долариканца, в сторону двести. Лица у них были тупые, скотские, счастливые. По-видимому, они очень любили свою работу палачей.

2. Опасные волны

В залах больницы библиотеки было душно и жарко. На площади перед зданием бушевала толпа рыжегвардейцев, и немногие любители книг жалась по углам, со страхом прислушиваясь к выкрикам и обрывкам хорového пения "без-культурных" песен, долетающим из-за закрытых окон наподобие шума надвигающейся бури.

Рядом с библиотекой находилось каменное здание лабораторий и специальных залов для экспериментов. В одном из них, расположенном как раз напротив окон книгохранилища, состоялась лекция безграмоты и проводились опыты теле-внушения.

На кафедре там сидел профессор Диоген в специальных наушниках на голове и читал лекцию о философии стойков, а в углу над ним висел изогнутый как кобра молчаливый мегафон, и через него на публику плыли неслышные волны. В задней комнатке,

скрытый от посторонних взоров, сидел у аппарата доктор Альхиппи и ставил пластинки с внушениями. Под их действием собравшимся то казалось, что они находятся на пляже, и все начинали отдуваться от жары и жмуриться от воображаемых солнечных лучей, то им чудилось, что они на северном полюсе, и все давай ежиться от холода. Под действием одних пластинок публике становилось грустно, и многие принимались рыдать без причины, под влиянием же других им становилось весело, и они, неизвестно почему, захлебывались от смеха. Однако чаще всего Альхиппи ставил проверенную пластинку с эротическими песнями, слушая которую публика неизменно приходила в хорошее настроение, и все начинали плясать и целоваться.

Рядом с доктором, у маленького окошка, выходящего в зал экспериментов, сидела Китти в наушниках, имеющих форму заячьих ушей, и со скучающей миной отмечала реакцию публики.

В поисках уединенного места, где можно было бы без помехи связаться по радио с Бимом, тайный агент забрел в библиотеку, забрался там в самый дальний угол и уселся у окна, выходящего на здание лаборатории. Здесь никого не было, и отсюда он мог беспрепятственно наблюдать за тем, что происходило в зале экспериментов.

За столом, у самого входа в библиотеку, дежурила белокурая библиотекарша Инесса, умудряясь заниматься одновременно несколькими делами — проверять картотеку, листать какой-то роман, лакировать ногти и... сочинять стихи, записывая их в тетрадь и часто черкая и переправляя написанное. Кроме того она мурлыкала что-то веселенькое, выбивая такт каблуком.

За исключением недавно появившегося в лечебнице долариканского профессора, забравшегося в самую дальнюю комнату, остальные посетители не возбуждали в ней особого интереса. Почти все они были старожилы, скучные старички, ежедневно приходившие в читальню, чтобы убить время. Другое дело, долариканец. Он был молод, весел, интересен собой, и на левой руке у него красовались огромные золотые часы, явственно имевшие специальное значение... Инесса решила обязательно с ним познакомиться — чем черт не шутит! И то сегодня же! Только вот покрасит ногти темно зеленым лаком и допишет страницу в своей тетради...

Тем временем Джемс Бом, усевшись в закутке возле окна, где его никто не мог подслушивать, для отвода глаз сунул нос в раскрытую книгу и, нажав условную кнопку на своих часах с причудливым циферблатом, тихо но внятно сказал в микрофон:

— Хэлло, хэлло, Экс! Здесь агент 05-25. Повторю — О-Пять-Двадцать пять! Слышите меня, Экс?

— Roger! — крикнуло у него в слуховом аппарате, вставленном в ухо. — Это значит: все в порядке, слышу ясно. И что же вы там разузнали?

— Много, мистер Экс. Но сделано пока немного. Изучаю местность и собираю сведения. Завожу полезные знакомства в здешних домах и домиках.... По-моему, все они тут с бзиком. Профессор Диоген,

это идеалист, фантазер, добряк и наивный либерал. Всю свою жизнь имея дело с пациентами, помешанными на политических фантазиях, на старости лет он сам свихнулся и втемаяшил себе в голову, что необходимо всех людей — для их же счастья — переделывать в безропотных и безмятежных истуканов. Директор же, беглый каторжник, даже довольно начитанный полу-китаец, полу- черт его знает кто, стремится подчинить себе всю Тараканию при помощи партизан и используя изобретения третьего маньяка, ученого доктора био-химии Альхиппи. Сейчас я работаю над тем, чтобы познакомиться с этим алхимиком, втереться в его доверие и купить у него или выкрасть изобретенный им аппарат теле-внушения.

— Очень хорошо, 05-25, — квакнуло у Бома в ухе. — А вы наблюдали этот аппарат в действии?

— Как же. Да вы тоже наблюдали, мистер Экс. Помните, когда мы ехали в Атараксию на автомобиле, над нами вертелся вертолет. А туземцы начали почему-то бесноваться и плясать. Шофер нашего автомобиля даже въехал тогда на радость в газон с цветами, помните? А знаете почему? Потому что в вертолете был установлен этот самый аппарат и от него исходили веселые токи, приводившие публику в радостное возбуждение. Если хотите, мистер Экс, я даже сейчас могу вам продемонстрировать действие этого аппарата.

— Каким образом?

— Сейчас я сию в библиотеке возле окна, выходящего на зал опытов в здании напротив. Как раз профессор и доктор проводят там эксперименты с аппаратом внушения. Стоит мне лишь распахнуть окно и вы сами сможете услышать, как реагирует публика на неслышные волны.

— Валяйте, 0-5-25! — ответил голос в аппаратуре. — Интересно послушать.

Не долго думая, Джемс распахнул окно, и в тихую библиотечную комнату хлынул возбужденный говор пациентов из зала напротив, их смех и пение.

— Слышите, Экс? — воскликнул он взбудораженно. — Публика ноль внимания на лектора, хохочет и орет легкомысленные песенки. Вижу даже, как некоторые пляшут в проходах... Парочки целуются. И поют они там: "Тра ля тра ля тра ля ля. Бросьте огорчаться зря. Все на свете ерунда!" А еще: "На работу наплевать, лучше женщин целовать". А знаете, Экс, мне ведь тоже на работу плевать... И на вас тоже...

Бом возбуждался все сильнее и сильнее и даже не отдавал себе отчета в том, что говорит.

—... У входа в библиотеку сидит прехорошенькая девочка. Заведующая. Здорово мне нравится. Вот я сейчас за ней приударю, а вы там обождите, Эксик! И поцелуйте меня в нос, ха ха ха...

— Ха ха ха, — отозвался ему в тон шеф. — Ро... Ро... роджер. Ха ха ха... — Бим прыснул со смеху так громко, что у Бома защеботало в ухе. — А вы меня тоже поцелуйте! "Тра ля, тра ля, тра ля ля, ведь все на свете ерунда!" А теперь попробуйте закрыть окно, ха ха ха... Посмотрим, что получится?

Ошарашенный развязным тоном своего начальника, Бом поспешно захлопнул окно, и в ту же секунду овладевшее им было игривое настроение словно испарилось.

— Роджер, роджер, извините мистер Экс! — пролепетал он виноватым тоном. — Не понимаю, что такое со мной приключилось. Плел что-то ни к селу ни к городу. Вообразите, как только яоткрыл окно, мне стало все безразлично, весело и глупо на душе. На меня нашло какое-то странное затмение, будто хлебнул вина или наркотиков...

— Точь-в-точь такое же чувство было и у меня, — признался голос в аппаратуре. — По-видимому, эти чертовы волны действуют на расстоянии, даже через нашу собственную радио-сеть. Прямо невероятно. Не понимаю только, почему эти волны не действовали на нас тогда в парке?

Бом хлопнул себя ладонью по лбу.

— Да ведь тогда мы были выпивши, мистер Экс, — зашептал он в циферблат своих часов. — Коктэйли "папая ром", в баре на пристани, помните?

— Да, конечно. Рад, что вы догадались. А помните, что я вам на прощание вложил в карман бутылочку брэнди?

Бом похлопал себя по заднем кармане брюк.

— Как же. На месте.

— Так вот, как только опять попадете под влияние волн, выпейте глоток. Это протвоядие.

— Да, выпью с удовольствием. А потом что? Откуда взять, когда все выпью?

— Не беспокойтесь. Пришлю вам передачу с новым запасом брэнди.

— Roger! — бодро ответил Бом. — Слышу ясно!

Теперь мне будет веселее работать.

— А теперь слушайте внимательно, 05-25! Передаю важное сообщение из центра. Однако, проверьте еще раз, не подслушивает ли вас кто?

— Роджер. Сейчас проверю.

Тайный агент встал и осмотрел все углы, но ничего подозрительного не нашел. Затем он заглянул в соседний зал. Там сидело за столом несколько пациентов-старичков и просматривало старые журналы. Лица стариков показались ему странно знакомыми. Мог бы поклясться, что видел их на картинках в учебниках истории. У одного из них были усики щеточкой и на лоб свешивалась прядка седых волос. У другого была совершенно лысая голова и выдающийся подбородок. Третий старик был маленький сморчок. Еще двое, одутловатых, в пенсне, играли в шашки фигурами, изображавшими заключенных в лагере.

Обежав глазами странную группу и заглянув во все углы, Бом вернулся на свое старое место возле окна, уселся над раскрытой книгой и поднес руку с часами к губам.

— О-кей, Экс Экс! Я один в помещении. Слушаю.

— Roger! — заскрежетал голос его начальника в слуховом аппаратуре. — Итак, слушайте конфиденциальную передачу из центра АйАйАй: Получены сведения, что в Атараксию пробрался агент хунхузской разведки с целью похищения аппарата доктора

Альхиппи. Агент – женщина. Приказом главного начальника АйАйАй на вас возлагается следующее задание: во-первых, похитить или приобрести за любую сумму аппарат или его чертежи и немедленно доставить их в наше распоряжение. Желательно также похитить или переманить на нашу сторону самого изобретателя или человека, обслуживающего аппарат. В общем, действуйте по своему усмотрению. На обещания не скупитесь, – а там посмотрим. Во-вторых, вам поручается установить личность хунхузской шпионки, обезвредить ее и помешать ей выполнить задание. Рекомендуются похитить ее или переманить на нашу службу. В случае успешного выполнения задания вами, будет поставлен вопрос о награждении вас орденом Подтяжек и внеочередном повышении на службе. Ясно, 05-25?

– Роджер, мистер Экс, – весело ответил Бом. – Приказ принял к сведению и намотал на ус. Между прочим, кое что уже сам разузнал. Нашел верный источник информации на месте. Так что готовьте подтяжки... мистер Экс. И как можно скорей шлите новый запас брэнди.

– О-кэй, 05-25. До завтра. Roger!

– Roger!

Тайный агент выключил микрофон в часах и на радостях приложился к бутылочке брэнди. Затем, набрав храбрости, распахнул рамы, словно это были ворота, за которыми бегал разъяренный бык. Захотелось проверить действие противоядия. Как только он открыл окно, у него опять появилось странное чувство, будто кто-то чужой залез ему в голову и пытается навязать свою волю. Опять слышались те же стишки:

"Тра ля, тра ля, тра ля бом.
Для любви мы лишь живем.
Тра ля, тра ля, тра ля ли,
Стоит жить лишь для любви.
Тра ля, тра ля, тра ля ля,
Остальное чепуха!"

Однако на этот раз слова отскакивали от его сознания, как горох от стенки.

– Мели Емеля, твоя неделя, – подумал Бом со злорадством. – Теперь у меня иммунитет. Сами по себе эти стишки, конечно, глуповаты, но, по-видимому, при трансляции через аппарат, они приобретают чертовскую силу и действуют на непьющих. Этак можно оболстать любую понравившуюся девочку, если она попадет под действие этих волн, а ты сам стоишь рядом. Что и говорить, аппарат замечательный. Стоит поработать над этим делом.

Послышалось чьи-то шаги. Тайный агент закрыл окно и сделал вид, что погружен в чтение.

Стуча каблучками, в комнату вошла белокурая библиотекарша и улыбнулась Бому.

– Хэлло, профессор! – сказала она по-английски. – Мне послышалось, будто вы с кем-то здесь разговариваете, а ведь кроме вас здесь никого нет. Разве что вы по-профессорски вели разговор сами с собой. Будем знакомы. Я – Инесса, заведующая библиотекой.

– Хэлло, Инесса! Очень приятно познакомиться, – с энтузиазмом выпалил разведчик. – Я – Джемс Бом, профессор университета в Кикиммор, штат Марихуана. У меня привычка читать вслух.

Инесса взглянула на раскрытую книгу на столе.

– Ах, вы увлекаетесь Толстоевским? Обожаю!.. Но почему у вас книга лежит вверх ногами?

– Я ходил вокруг стола, – нашелся тот, – и читал то с одной, то с другой стороны.

Он оглядел ее с ног до головы.

– А ведь вы красавица, Инесса! – сказал он. – Зря пропадаете в этой дыре.

– Р...р...р...и...и...и... – залилась смехом библиотекарша, порозовев от комплимента. – Вы забавный, профессор! Что же вы там преподаете в своей Кикимморе?

– Скатологию.

– Что это такое?

– Наука о том, как ругаются в разных странах. Ведь каждый народ сквернословит по-своему.

– Фу, какая гадость. Неужели у вас этим занимаются профессора в университетах? Какая же нация ругается хлеще всех?

– По-моему – русские. Они непревзойдены в изощренности. Сербы и поляки тоже мастера. Как ни странно, англо-саксы самые безобидные в этом отношении. А у японцев, например, вообще нет ругательных слов. Ух, и душно же здесь, – заметил он вскользя и распахнул настезь окно.

В аудитории напротив все еще галдели и орали песенки, словно там происходила пьянка. Завидя в раскрытом окне библиотеки Инессу и Бому, подопытные пациенты оттуда начали им посылать воздушные поцелуи и делать неприличные жесты.

– Что это они? – возмутилась поэтесса. – Перепились или обалдели от жары?

Вдруг она сама побледнела. Затем ее бросило в жар и глаза у нее заволокло туманом. Взглянув на Бому с вождением, она прижалась к нему грудью.

– Тра ля ля, – запела она сдавленным голосом. Поцелуй меня!... Бери меня! Остальное трын-трава.

Разгоряченная, вся обмякшая, она стала страстно целовать его в щеки, глаза, губы.

Обалдевший было на мгновение от стремительности ее атаки тайный агент быстро вошел во вкус и стал отвечать на ее поцелуи.

– Ах, что это со мной? – сделав усилие над собой, она высвободилась из его объятий и стремительно захлопнула окно.

– Это ваша вина, – расплакалась она, в изнеможении опускаясь на стул. – Зачем вы раскрыли окно, Джемс? Я, как дура, попала под действие волн из лаборатории. Или вы нарочно?.. Я вас ненавижу! Теперь должна принимать противоядие.

Она порылась в сумочке, вытянула оттуда плоский флакон, отвинтила стаканчик и налила в него немного прозрачной жидкости. Затем, отвернувшись, выпила залпом и крякнула.

– Фу ты! Ну и крепка же ты, русская водочка, – сказала она, закусывая сухарем, вынутым из той же

сумки. — Можно вам налить, Джемс? Пригодится!... Ведь под самым окном сидите. Если опять вздумаете окно открывать, я одна с вами не справлюсь.

— Спасибо, дарлинг! — ответил он. — Я уже пил бранди. Хотите попробовать?

— Нет, благодарю вас, Джемс. Как-нибудь иным разом. Пока с меня довольно. Не подумайте только обо мне ничего дурного. Это проклятые волны оттуда. Уфф... Отошло. И угораздило же меня поехать на этот сумасшедший остров! Польстилась на должность заведующей библиотекой. Теперь сама не рада. Здесь того и гляди, если тебя не изнасилуют гориллы, так попадешь к левшам в стиральную машину или влопаешься в какой-нибудь научный эксперимент в качестве подопытного кролика. Всю жизнь мечтала о Доларике, а сию как дура в этой дыре...

— Не унывайте, Инесса, красотка! Все в жизни может исполниться, только надо очень хотеть.

— Да я хочу ... все хочу, — рассеянно сказала она, с беспокойством прислушиваясь к пению и все усиливающимся крикам, доходящим с главной площади. — Слышите, Джемс? Рыжегвардейцы. Будьте начеку. Чтобы эти бандиты вас не поколотили как представителя капиталистической Доларики.

— Да у меня ничего общего с капиталистами, — не моргнув глазом ответил Бом. — Кроме того, я — гость Панча-Ли. Платный пациент.

— На него особенно не надейтесь, — перебила Инесса. — Он уехал по делам в Каракас. Вот молодежь и пользуется.

— А чего они хотят? Какая муха их укусила?

— Послушайте сами, чего они там орут.

Она схватила Бому за руку, как мальчика, и повела его в главный зал к окну, выходящему на площадь. По дороге он заметил, что в библиотеке уже никого не было. По-видимому, ввиду грозивших беспорядков, посетители разбежались в панике.

Ладонь у Инессы была теплая и приятная на ощупь. Бом легонько пожал ее пальцы.

— Становитесь здесь у окна, за занавеской, — скомандовала она, ответно пожимая ему руку. — Да смотрите, чтобы вас не заметили.

На дворе еще стоял ясный день, но на площади группы молодежи маршировали взад и вперед с зажженными факелами. Они махали в воздухе книжечками в рыжих обложках и пели в унисон:

"Наплевать нам на культуру!

Мы с культуры спустим шкуру.

Ведь у нас есть "без-культура."

Остальное на смех курам!

Ура! Ура! "Без-культура!"

Библиотекарям на горе

Книги все пожжем мы вскоре.

Только Панчи изреченья

Должны избежать сожжения.

Ура! Ура! Без-культура!"

3. Хорошо быть левшой!

Выйдя из кабинета начальника, веселые банщики притихли и стали обращаться с узником бережно и даже с некоторым уважением. Напевая вполголоса и приплясывая, они повели Нокиеро в котельную, велели раздеться и влезть в котел с горячей водой.

— "Ну и попался же, как кур во щи, — подумал несчастный турист, пробуя пальцем воду. — Того и гляди, сварят живьем, как рака. Хотя вода, кажется, не особенно горячая. Может быть, не сварюсь. Вот тебе и безмятежная жизнь! Что ни день, то новые волнения."

А банщики тем временем мурлыкали под носом:

"Покатаем, попытаем, попытаемся,

Приналяжем, потанцуем, постараемся.

Как повбиваем гвозди в ноготки,

Хошь не хошь, а правду говори!"

Последние слова они пропели совсем тихо, вроде как бы сконфуженно. Затем один из них, наклонясь к котлу, в котором плескался Нокиеро, учтиво спросил:

— Сэр, вы на самом деле долариканец? Говорят, что профессор привел в лечебницу настоящего долариканского миллионера. Не вы ли им будете?

— А я почему знаю? — ответил тот, как ни в чем не бывало намыливая себе левой рукой голову. — Я же потерял память. Однако уверен, что родом я из Доларики.

— Мы тоже так думаем. Так что купайтесь себе на здоровье, мистер. Здесь лежит чистый халат. Мы бы сами охотно выехали в Доларику. А то здесь будничности для нас, теломехаников, нет. А там, кто знает... Мы вас пытать не будем, вы же левша.

Схватив трубку, он объявил шефу о находке.

— Левша он, мастер! Настоящий левша, — завopil он радостно. — К тому же сын миллионера. Хорошо, мастер. Приведу, как только выкупается.

На этот раз Клин встретил его с улыбкой.

— Вы бы сразу сказали, что вы наш человек, — сказал он, усаживая долариканца за стол. — Раз вы левша, вы свободны. Подпишите лишь заявку о неразглашении, и скатертью вам дорога. Вы художник?

— Как будто. Рисовать левой рукой во всяком случае умею, — ответил Нокиеро, ставя левой рукой крестик под заявкой. Хотите, нарисую ваш портрет?

— Да, конечно.

Походя гость набросал левой рукой карандашом портретик хозяина с обритой головой и серьгой в ухе. Портрет вышел так удачно, что Клин велел угостить художника чашкой кофе и порцией настоящего "котлет де воляй".

— Замечательно, расчудесно, — восхищался он. — Это я понимаю — художник! Да еще левша. А ну, молодцы, почистить ему ботинок на левой ноге!

Банщики кинулись исполнять приказ своего начальника, а тот говорил наставительно:

— Зарубите себе на носу левой рукой: Левши это соль земли. Наш лозунг: "Левши всех стран, соединяйтесь!" А вы, художник, раз вы левша, то всегда можете рассчитывать на нашу помощь. Из великого племени Левшей вышли многие могущественные фараоны, императоры и вожди, применявшие насилие как принцип власти. Мы не желаем, чтобы нами правили бездарные правши, и стремимся к тому, чтобы в будущем безмятежном обществе все руководящие посты занимали лишь Левши — люди избранные Провидением для очищения мира от всякой нечисти. Да здравствует левая власть! Да здравствует насилие

4. Наплевать нам на культуру!

и неравенство между людьми! К черту свобода, равенство и братство — эти пошлые лозунги буржуазных правшей! Мы, Левши, поведем человечество даже не в тьму нового средневековья, а в новую древность с грандиозной фарпейской скалой для непотребных людей, учреждением рабства и с научно обоснованной тиранией. Да здравствует по все времена — мрако-левшизм!

— Левши всех стран соединятся, — добавил он, — и мы победим!

Он вошел в раж и стал бегать по комнате, тряся в воздухе левым кулаком.

— Как же вы замышляете победить? — спросил спокойно Нокиеро, допивая чашку кофе.

— Победим при помощи аппарата теле-внушения доктора Альхиппи, — крикнул он. — Это изобретение должно в конце концов попасть в наши руки, и оно даст нам возможность убедить мир в превосходстве левшей над правшами. Как левша, вы Нокиеро, должны будете нам помочь материально и морально. За это, после нашей победы, мы вам дадим портфель министра "без-культуры" в нашем правительстве.

— Да я... очень польщен, мастер! — замылся доллариканец. — Но от портфеля увольте... Ведь я не признаю вашей программы.

— Как это так? Не признаете? — вытарачил глаза мистер Клин. — Ведь вы левша!

Он опять принялся бегать по комнате, от времени до времени искоса поглядывая на непокладистого иноземца, по-видимому, прикидывая в уме, как бы его уломать, не ломая ему костей.

— Ну, ладно, — в конце концов махнул он левой рукой. — Со временем сами убедитесь в нашей правоте, хотел сказать — левоте. А сейчас, так и быть, отправляйтесь восвояси. Только смотрите, не попадитесь на удочку прохвосту Панче. Наобещает вам с три короба, а потом надует. Ведь он со своими рыже-буянами, это бандиты, проходимцы.

Раздался стук в дверь. Не дожидаясь ответа, в кабинет вбежал запыхавшийся агент в синей блузе.

— Мастер!... Мастер начальник, — воскликнул он. — Рыжегвардейцы громят библиотеку, жгут книги. Готовятся разгромить лабораторию...

— Вот видите! — обратился к Нокиеро начальник Внубеза. — Я же говорил — бандиты!

Не обращая больше внимания на гостя, он вынул из кармана полицейский свисток и пронзительно засвистел. Появившимся офицерам он стал давать распоряжения:

— Послать агентов для наблюдения над беспорядками, но в действия рыжих не вмешиваться. Альхиппи и сам справится. Однако следите в оба, чтобы аппарат не попал случайно в руки рыжих. Если это случится, — отобрать! А библиотеку пусть жгут. В общем, не особенно там борзитесь... Вы же современная полиция: поливайте буянов водой, бросайте в них бомбы со слезоточивым газом, но сами в драку не лезьте... Одиночек же, отбившихся от стада, арестуйте и лупите почем зря...

В поднявшейся суматохе все забыли о доллариканце. Воспользовавшись этим, он незаметно выскользнул из кабинета и направился домой.

Как только рыжегвардейцы стали ломиться в двери библиотеки и со звоном посыпались стекла из разбитых окон, Инесса и Бом вбежали по приставной лестнице на висячую галерею, почти под самый потолок. Спрятавшись за резной решеткой, они откуда могли свободно наблюдать за всем, что происходило внизу.

Разбив входные двери, хулиганы хлынули мурьяным рыжим потоком в главный зал и сразу принялись сбрасывать на пол книги с полок. Затем они стали выносить их охалками на площадь и бросать в одну большую кучу, которая вскоре запылала ярким пламенем. Только одна полка осталась нетронутой. Это была специальная полка с цитатниками в рыжих обложках.

Пока одни рыжегвардейцы с радостным хохотом и песнями жгли книги на дворе, другие хозяйничали в самой библиотеке, ломали стулья, этажерки, переворачивали столы и вырывали провода из стен. Руководил этим безобразием рыжий вихрастый человек на котурнах.

"Библиотекарям на горе,

Книги все пожжем мы вскоре", — пел он.

— Это их жоак, неудавшийся музыкант Курара, — сообщила Бому Инесса, следя расширенными глазами за разрушением вверенной ей библиотеки.

А Курара метался среди толпы, размахивая руками и выкрикивая зажигательные речи и "без-культурные" лозунги. А его рыжие молодцы распевали:

"Мы на горе всем музеям,
В галереях страх посею.
Всех Рембрандтов мы пожжем,
А Венеру — молотком..."

"Мы художникам на горе,
Все картины бросим в море.
Их самих пошлем пахать,
Или мусор убирать."

"И писателей туда же!
Пусть бумагу зря не мажут.
Мы цитатам Панчи рады,
И других нам книг не надо."

"Наплевать нам на культуру!
Мы с культуры спустим шкуру.
Ведь у нас есть "без-культура".
Остальное — на смех курам!
Ура, ура! "без-культура!"

Патлатый парень с голым торсом, расписанным аляповатыми цветочками, и в штанах с бахромай — "дитя любви", орал истошным голосом:

— Мы безмятежные художники, то есть "без-художники", порвали с проклятым прошлым буржуазного и мещанского искусства и провозглашаем безобразность принципом новой эстетики. Поэтому мы предлагаем публике пустые полотна и необработанные глыбы гранита как последнее слово "без-искусства". Таким образом мы выражаем наши мысли и чувства. Мы сознаем, что их у нас нет, и мы гордимся нашей внутренней пустотой. Да здравствует "без-образие" и "без-образное" искусство!

Толпа заорала и, улюлюкая, стала ломать дерева перед библиотекой и топтать цветы на грядках.

— Мне кажется, Джемс, что нам пора смыываться отсюда, — забеспокоилась Инесса. — Смотрите, лезут сюда, паразиты. Идите за мной. Я здесь знаю потайной выход.

Хлынувшие в главный зал рыжегвардейцы, завидя уйму книг на полках, бегущих вдоль стен до самого потолка, полезли вверх по лестницам, точно на приступ вражеской крепости.

Взглянув на Бома, Инесса так и ахнула. На голове ее спутника, откуда ни возьмись, очутился рыжий парик, а на лице его появилось зверское выражение, точь-в-точь как у молодчиков внизу.

— Джемс? Что с вами? Чего вы вдруг порыжели?

— Шшш, Инночка, не шумите, — он приложил палец к губам. — Мимикрия, чтобы провести рыжих, подбросить им Карлу Марлу и других марксо-бесов. Пусть жгут на здоровье. Давайте сюда классиков.

— С удовольствием, — взвизгнула весело Инесса, выгребая из шкафов толстые запыленные тома и сваливая их на пол. — Вот вам классики мраксизма-бесизма... мата-диамата... краткие истории... Довольно народ обдуривали. Сколько ж можно?... Все кидайте вниз, Джемсик! Пусть жгут. Не жалейте!

Перед изумленными глазами карабкавшихся по лестнице рыжих, прямо над их головами, на галерее вырос незнакомый рыжий детина и стал скидывать вниз объемистые сборники, вываливать им прямо на головы содержимое шкафов и полок. Молодежь внизу захлопала в ладоши и, не разбираясь в названиях и авторах, стала таскать сбрасываемые книги на костер.

А незнакомец бушевал на галерее, бормоча вполголоса:

— Ура! ура, без-культура! Наплевать вам на культуру?... Так получайте Карлу-Марлу!

Опомнившись, рыжегвардейцы полезли наверх такой тучей, что защитникам в конце концов пришлось ретироваться.

5. Пифагор перекраивает штаны...

Инесса схватила тайного агента за руку и потянула его в один из углов, где стоял шкаф с толстыми томами в тисненых золотом переплетах. Там она нажала кнопку в медном узорчике у замка, и дверцы шкафа сами раскрылись, полки внутри раздвинулись, открыв в задней стенке узкий темный проход.

Инесса влезла в дыру первой, вслед за ней топропливо втиснулся Бом. И как раз во время, так как взобравшиеся наверх рыжие уже бегали по галерее с неистовым гиком-криком, заглядывая во все уголки в поисках насалившей им пары.

Поэтесса нажала кнопку внутри шкафа и полки сомкнулись за ними. Они очутились в полной темноте. Было душно и пахло прелым деревом. Джемс вытянул руки, обнял свою спутницу и прижал ее к себе. В ответ она обвила его голову руками, крепко поцеловала в губы, затем легонько его оттолкнула.

— Джемс... милый, оставь эти ребячества... — томно шепнула она. — Сейчас не время. Лучше скажи, есть ли у тебя спички или фонарик? Здесь где-то должны быть ступеньки вниз.

— У меня зажигалка, — сказал тайный агент и высек огонь. В колеблющемся свете огонька зажигалки они увидели у себя под ногами узкую лестницу вниз.

— Куда ведет этот ход? — спросил он.

— В луна-парк. Там должен быть потайной выход наружу.

— Это хорошо. Я знаю там уголки, где нас никто не найдет. Например в Галерее ужасов.

— Бррр... никогда там не была. Дай мне зажигалку, Джемс. Я пойду вперед.

Осторожно ступая, они стали бесконечно долго сходить по хлипким деревянным ступенькам. Сначала было жарко и пахло пряно прелью, как на чердаке, потом стало прохладнее и запахло сыростью. В конце концов лестница кончилась, и они очутились в коридорчике с опрятно побеленными стенами.

— Далеко еще? — спросил Бом. — Боюсь, что не хватит бензину в зажигалке.

— По-моему, половину дороги мы уже отмахали. Если не ошибаюсь, мы сейчас находимся под директорским домом. Тут где-то должна быть подземная контора, где работают "люди-электронны" — живые колесики бутафорского вычислителя Панчи. Все свои исчисления производят они на обыкновенных старинных счетах. Да, это здесь. Слышите стук счетов за стеной? Джемс?

Тайный агент недоверчиво улыбнулся. Однако, из-за двери, возле которой они остановились, действительно доносилось монотонное постукивание костяшек.

Бом не удержался и приоткрыв дверь, заглянул в помещение. В комнате с низким потолком, похожей на коробку из-под сигар, сидело за столиками несколько десятков счетоводов и с невероятной быстротой, точно фокусники, шелкало на счетах.

— Да это те же самые человечки в ящике, которых мне показывал Панча через оконце в своем кабинете, — воскликнул Бом. — Мне тогда показалось, что они лилипуты и сидят в коробке из-под сигар.

— В оконце, через которое ты смотрел, вставлено уменьшительное стекло. А если отсюда смотреть, так увеличительное. Вон оно, по другой стороне комнаты. Говорят, что когда хозяин глядит в него из своего кабинета, тут кажется, что он великан. А злой! Чуть что не так, велит голову рубить.

— Да, конечно, я сразу догадался.

— Шш... — шикнула Инесса. — Кажется, они нас услышали.

Она задула огонек и оба притаились за дверью. Из комнаты счетоводов вышел один из человечков, посветил вокруг электрическим фонариком и, обнаружив парочку, равнодушно спросил:

— Что вы здесь делаете, господа?

— Ждем автобуса, — ответила Инесса, хихикнув. — А вы кто такой будете? "Человек-электрон"?

— Я их начальник, —нисколько не удивившись, уныло ответил тот. — Собственно, счетовод я никудышный и даже считать на счетах как следует не умею. Я — всего-навсего математик. Имя мое — Пифагор. Вероятно слышали?

Это был маленький бородатый человечек с печальным и умным лицом. Одет он был в белую хламиду и действительно походил на древнего философа.

— Да...а..., конечно, знаем, кто такой Пифагор, — залепетала Инесса. — В школе заучивали: "Пифагоровы штаны — на все стороны равны". Как же вы сохранились до наших дней?

Человечек грустно улынулся.

— Я такой же древний Пифагор, как то, что здесь ходят автобусы. И тем не менее, я действительно Пифагор — прямой потомок великого философа. И я задался целью перешить штаны моего предка на модный фасон.

— Гм... — глубокомысленно хмыкнул Бом. — Теорема, как будто, давно доказана.

— Доказана на земле, в нашем трёхмерном мире, — парировал тот. — Но не в четырёхмерном. Мой предок шил эти штаны, так сказать, из имеющейся под рукой, трёхмерной материи. А я задался вопросом — что если употребить в качестве материала — антиматерию? Другими словами, мне было интересно узнать, применима ли пифагорова теорема к другим мирам — антимирам? Действительна ли она там в такой же степени, как у нас на земле? Что, если формула: "Квадрат гипотенузы равен сумме квадратов катетов" не имеет никакого значения в гипотетическом антимире? Вот я и стал перекраивать теорему и так и этак, начал делать расчеты с помощью нашего компьютера. Об этом проведал, однако, директор Панча, пришел в бешенство и аподиктически объявил, что никакого антимира нет и быть не может. Это понятие, мол, буржуазное и пахнет контр-революцией; все, что безмятежному человеку полагается знать, уже изложено в "Цитатах"... А старые пифагоровы штаны, сказал он, еще не изнасились и хороши так, как есть. Так что ненужную переделку штанов прекратить, а зазнавшегося горе-математика — это меня то — сослать в подземелье простым счетоводом. Вот и вся история.

Он печально развел руками.

— Однако, вы здесь начальник, как сами сказали, — напомнила Инесса. — Все таки, как-никак положение, закрытый распределитель, ресторан первого разряда, одним словом — шарашка. Чем плохо?

— Да, но научно работать так, как хотелось бы, не могу. Должен прятаться, писать в ящик. А начальником здесь я стал лишь со вчерашнего дня, после того, как отрубили голову моему предшественнику, математику Архимеду, за то, что слишком точно высчитал время, требуемое для выполнения без-хозного плана Панчи. Теперь я на очереди. Боюсь, что не продержусь здесь и недели. Ведь не могу же я преподнести директору заведомо фальшивые данные, чтобы ему понравиться? Я способен перекраивать штаны Пифагора, но не факты. В общем считаю, что я больше не жилец...

Он опять печально развел руками.

— А вы дурака не валяйте, — сказала она. — Голова-то у вас ведь одна. Покройте душой и представьте такие цифры, чтобы ему понравились. Что вам, жалко? В "без-хозяйстве" все так делают.

— Совесть не позволяет. Noblesse oblige.

— А вы наплюйте на эту самую "nobles", — продолжала девушка. — При безмятежной системе без туфты не проживешь. Когда нужно, подтасовывайте фактики и работайте себе спокойно над своими штанами. Потрафить начальству — вот девиз новых времен.

— Это какая-то новая философия. Древность до этого не додумалась. Что ж, придется жить по-современному, — нехотя согласился математик. — Для штанов... А может, вы хотите научиться работать на счетах? — оживившись, обратился он к Бому. — Не надо никакой математики. Достаточно, гм... иметь голову на плечах. Поступайте к нам на службу, а? Хорошо платят, закрытый распределитель, шарашка и так далее. Очень легко продвигаться в начальники.

— Нет уж, благодарю покорно, — смеясь, ответил тайный агент, — голова на плечах мне дороже. Ну! Прощайте! Пошли, Инна?

— Жалко, — лицо незадачливого ученого вытянулось. — Прощайте!

— Счастливо вам оставаться! Синьор Пифагор! Смотрите, не потеряйте голову, чиня свои штаны... Р...р...р...и... — взвизгнула она с хохотом.

— До свидания, милое создание, — помахал ей рукой печальный математик. — Вы тоже, смотрите, не потеряйте чего-нибудь по дороге.

Инесса фыркнула и, чиркнув зажигалкой, быстро зашагала по коридорчику. Бом поспешил за ней.

В некоторых местах потолок был настолько низок, что им приходилось идти, согнувшись в три погибели, а кое-где даже ползти на четвереньках. В конце концов коридор расширился, и они вошли в обширный погреб. Сверху брезжил дневной свет.

— Мы находимся как раз под Галереей ужасов, — сказала поэтесса задувая огонек. — Дальше я дороги не знаю. Здесь, говорят, надо быть осторожным с огнем. Где-то здесь, будто бы, сложены динамитные шашки... Джемс?... Что с тобой, Джемс? С ума сошел? Перестань!... Не... надо... Я же сказала — осторожно с огнем...

Однако Бом ее не слушал. Он держал ее крепко в своих объятиях и целовал так, что у нее захватывало дыхание.

6. Новая краля-лолита

Разгромив в пух и прах санаторную библиотеку, и сжегши на костре кучу книг, рыжегвардейцы не угомонились, а вошли во вкус и затеяли штурм соседней лаборатории. Плотным кольцом они окружили здание и для начала стали камнями бить стекла в окнах, подбадривая себя криками и пением "безкультурных" песенок:

"Лабораториям на горе,
Все растворы выльем в море.
Нам атомщиков не надо,
Бей ученых, лупи гадов!"

Причин захватить в свои руки лабораторию у них было много. Зная о внешне корректных, а на самом деле враждебных отношениях между Альхиппи и директором, рыжегвардейцы задумали заполучить в свои руки доктора и его помощников, напаять на них шутовские колпаки, и поиздеваться над ними в без-порядке "без-культурной революции." Кроме того, в лаборатории можно было разжиться наркотиками, спрятанными в потайных шкафах, да еще пошалить с лолитами и лаборантками, только этого и ждавшими. Чесались руки поразбивать ко всем чертям мудреные аппараты и машины — некоторые более смышленные, чем сами рыжегвардейцы, — да по-выливать из реторт непотребные химические растворы, только загрязняющие атмосферу.

Как только в воздухе стало пахнуть жареным, в аудитории, где происходили опыты с волнами телевнушения, началась паника и пациенты разбежались по домам. Приведенные в легкомысленное настроение докторским аппаратом, они, напавшая антивоенные песенки и беззаботно пожимая плечами, наотрез отказались от предложения доктора защитить лабораторию. В конце концов, в здании остались только доктор, профессор, верные лаборанты и лолиты. Они забаррикадировались внутри и приготовились дать отпор хулиганам.

Побив все стекла в окнах, рыжегвардейцы начали систематическую осаду вражеской крепости. Помахивая книжечками в рыжих обложках, они притащили приставные лестницы из библиотеки и подкачали их к окнам лаборатории.

Поймав какого-то зазевавшегося лаборанта, они надели ему на голову шутовской бумажный колпак, а на грудь повесили дощечку с надписью: "Я — тунец! Бить меня надо!" Затем рыжие стали обводять беднягу вокруг здания, подгоняя его пинками.

Вожак рыжегвардейцев, незадачливый пианист Курара, неуклюже влез в своих котурнах на лестницу и, нахохрясь по-петушиному, заорал в рупор:

— ...Требуем разгона паразитов, подвизающихся в лаборатории! Лаборантов-коллоработов к стенке! Лолиты должны стать народным достоянием... Разгромим шпионское гнездо! Долой врагов Директора!

— Долой! — завывали рыжие. — Даешь лолиты!

Профессор попытался было связаться по телефону с директором, чтобы тот повлиял, на своих молодцов, но трубка упорно молчала. Диоген беспомощно развел руками.

— Панчи нет дома. Что же нам делать? Вызвать Внубез?

— Ни в коем случае, — заартачился доктор. — Того и гляди, украдут аппарат. Дудки! Мы отразим хунвейбинов своими собственными силами.

По его распоряжению сотрудники попрыгали более ценные химикалии и наркотики в сейфы и готовились к защите. Бородатые лаборанты подтащили к окнам перегонные кубы, наполненные кипятком, и вооружились пузырьками с едкой жидкостью. Заняв стратегические места у окон, они стали переругиваться с рыжемолодчиками внизу.

Еще раньше доктор Альхиппи бережно отъединил свой аппарат от мегафонов, отвинтил заветный чемодан и поставил его под свой письменный стол. А вертлявая брюнеточка Хуанита — Лолита Первая — ревниво следила за тем, чтобы никто из посторонних не приближался к его сокровищу.

Однако новоприятая буфетчица, аннамитка Анна, похожая на филигранную статуэтку, почему-то заинтересовалась чемоданом и, улучив минутку, когда Лолита Первая вышла из комнаты, умудрилась открыть его и стала любопытством рассматривать аппарат. За этим занятием ее застала Лолита Первая и с возмущением накинулась на новенькую.

— Анна! Кто тебе позволил? — закричала она. — Шпионишь!? Вот скажу доктору. Пошла вон, дура!

Анна, пятнадцатилетняя девочка, расплакалась.

— Да я только одним глазком хотела взглянуть, кто это там говорит в чемодане?

Тем временем Альхиппи, приняв решение хорошо проучить рыжих при помощи своего чудо-аппарата, велел всем защитникам надеть предохранительные наушники и выпить по чарочке противоядия.

— Буфетчица? Где буфетчица? — вопил он, бегая по залам. — Отпустить всем по стаканчику вина или рому. Где мой чемодан?

Он бросился к письменному столу, но под ним чемодана не оказалось. В шкафу? И подавно. Под диваном? Тоже ничего.

Доктор чуть было не стал вырывать себе волосы из головы, как вспомнил о спальне и кинулся туда в надежде, что злополучный чемодан каким-то образом попал туда. Так оно и было. На кровати лежал раскрытый чемодан с выглядывающими из его нутра трубками, лампочками и проводами. На полу рядом валялись чертежи аппарата. Лолита Первая ползала на коленях вокруг кровати, подбирая разлетевшиеся листы.

— Мой аппарат... мои чертежи... — крикнул доктор истощенным голосом и кинулся проверять, все ли на месте. — Почему чемодан раскрыт, Хуанита?

Та стала ему путанно рассказывать, как она еле вырвала чемодан из рук буфетчицы, а он возьми и раскройся... бумаги высыпались... она же... хлип... хлип... ни в чем не виновата.

Убедившись, что аппарат в порядке и все чертежи на месте, Альхиппи залепил своей любовнице звонкую пощечину.

— Все это вранье! Вон отсюда! Ты больше не Лолита Первая.

Злобно сверкнув глазами, бывшая Лолита выбежала из комнаты. А доктор схватил чемодан и бросился в главный зал монтировать аппарат.

— Ах, не поздно ли? — нервничал и ахал у него над головой профессор, окончательно потерявший даже видимость безмятежной уравновешенности. — Рыжие наседают... в окна лезут... А ваши лолиты что делают? Братаются с рыжегвардейцами!.. Если хотите пускать волны, доктор, так Боже упаси, чтобы не эротические, а то они там совсем взбесятся.

— Не канючите, профессор, — оборвал его Альхиппи, проверяя кнопки в аппарате. — Я уж найду на них управу... и волны, какие нужно. Так что же там вытворяют мои лолитки?

— Безобразия, вот что, — воскликнул профессор. — Сидят на подоконниках в растегнутых халатах, с растрепанными волосами, и орут пошлые песни. Содома и Гоморра! Что делать, доктор?

— Что делать? — рассмеялся тот. — Выпороть их надо, вот что. Но это потом. А сейчас давайте, выпьем за успех моей затеи. Эй, буфетчица, поди ка сюда, милая! Как тебя зовут? Анна. Ну и хорошенькая же ты мордочка. Принеси нам с профессором чего бы выпить. Чилийского шампанского, что-ли? И три бокала. Гоже выпьешь с нами. Новенькая ты? А? Раньше тебя тут не замечал. Сколько же тебе лет? Аннушка? Пятнадцать? Чуть многовато, но фигурка у тебя как у тринадцатилетней. Нимфетка, в лолиты еще годишься. Хочешь, будешь у меня кралей?!...

7. Партия "блиц" бывших вождей

Выйдя из подземного царства левшей, Нокиеро с облегчением вздохнул и побрел к себе в палату для привилегированных пациентов, куда его лишь недавно перевели по приказанию директора и где он еще не обжился как следует.

В аллеях и между домами собирались кучками не на шутку встревоженные атараксияне, со страхом поглядывая в сторону библиотеки и лаборатории, откуда доносились крики рыжей молодежи и хоровое пение их без-культурных гимнов. От разведенных там на площади костров валил в небо густой дым.

Когда Нокиеро вошел в свою палату, соседи игравшие в общем зале в шашки, бросили игру и уставились на него с любопытством. Из-за стола поднялся беззубый старичек с усиками щеточкой и свисающей на лоб прядью седых волос. Старик выкинул вперед руку и щелкнул каблуками сапог.

— Sieg Heil! — таякнул он. — Интересно узнать, каким образом вы, доллариканский поджигатель войны, попали в наше бомбоубежище для бывших мировых вождей? Надеюсь, вы — ариец?

Человек в сапогах до жути напоминал известную историческую личность. При виде ожившего вдруг призрака прошлого, доллариканцу стало не по себе.

— Hi! — ответил Нокиеро с удивлением. — Откуда вы взяли, что я поджигатель войны?

— Все вы поджигатели, — неуверенно прошамкал странный старичек. — Так и быть, живите. По всем квартирным вопросам обращайтесь ко мне. Я здесь староста. Лагерфюрер. Или проще — фюрер.

Услышав это слово, из-за стола, точно подкинутый пружиной, вскочил тщедушный человечек с шальными глазами и крикнул: "Neil Hitler!", выкидывая вперед правую руку.

— Успокойся, Иосиф, — сказал фюрер с оттенком сожаления в голосе. — Прошли времена. Так как же вас зовут? — обратился он опять к доллариканцу.

— Не знаю. Хотите, зовите меня Бомфеллер...

— Лишь бы не Розевельт, — угрюмо прошамкал старик с чубчиком. — А то быя с вами поговорил по-своему.

И он взглянул на Нокиеро с такой злобой, что у того пошла дрожь по спине.

— А теперь скажите, как вы здесь очутились? — спросил доллариканец, поборов в себе странную робость перед исторической личностью. — Ведь в газетах писали, что вы покончили жизнь самоубийством в вашем "бункере"... И, будто бы ваш труп был сожжен на костре, а найденная в пепле челюсть была послана Сталину в доказательство вашей смерти.

— Все это сушая правда, — прошамкал фюрер. — Только с той разницей, что убит был мой двойник, а не я. Для отвода глаз я ему даже подсунил мою челюсть. У меня теперь как раз не хватает тех зубов, которые находятся в Кремле, — для наглядности он осклабился, показывая дырявый рот. — Мы все уцелели тогда в Берлине, переодевшись евреями, удравшими из кацета. Так нас никто и не узнал. Потом наши друзья переправили нас сюда, в лечебницу для политически помешанных, где мы себя сразу почувствовали как дома. Впрочем, это было так давно, что я уже позабыл, кто из нас двоих был настоящий фюрер, а кто его двойник. Вполне возможно, что застрелился именно я, а мой двойник спасся. А может быть, наоборот...

Старик рассеянно провел рукой по лбу. По-видимому у него все путалось в голове.

— Брось пустые разговоры, Адольф, — нетерпеливо сказал лысый старик с выдающимся подбородком. — Лаврентий Павлович ждет не дождется, чтобы сыграть с тобой партиюку. Правда, оба вы игроки неважные. В конце концов оба проигрались в пух.

Молчаливо сидящий в сторонке приземистый человек в пенсне злобно посмотрел на него.

— Ладно, Бенито, заткнись! — недовольно сказал фюрер. — Не люблю, когда меня перебивают и торопят. Сейчас сяду, только вот узнаю, что там происходит в библиотеке. Когда мы там были, рыжие штурмовики затеяли перед окнами "Fakelzug". Любодорого смотреть... Совсем как бывало у нас. Что же они там? Уже сожгли библиотеку?

— Не знаю, — ответил Нокиеро, почувствовав отвращение. — Я там не был. Слыхал, будто бы рыжие собираются жечь книги, а затем громить лабораторию.

— Молодцы-ребята! — истошно крикнул фюрер. — Продолжают дело Герострата, священной инквизиции, моих "коричневых рубашек"... Идеи не гибнут. Смотрю на теперешнюю молодежь и радуюсь.

— Я бы их всех расстрелял, сволочей, — угрюмо пробурчал приземистый в пенсне. — В затылок. Из пистолета. Как в Катynie.

— Слишком много возни, херр Берия! Устарело. — сказал старик с одутловатым лицом, тоже в пенсне. — Я бы их сначала загнал в кадет, а потом в газовые камеры... Если, конечно, уже не изобрели чего почище, например вроде атомных сжигалок. Ведь техника, небось, шагнула вперед за это время.

— Современные бунтари и до этого думают-ся, — улыбнулся улыбкой Дракулы Берия. — Они нам достойная смена. Мы были "сами с усами," а они "сами с бородами." Однако, в наше время было все проще...

— Ах, майне херрен, как вам не надоело пережевывать прошлое, — прикрикнул фюрер. — Что и говорить, все вы опростоволосились. Давайте, лучше сыграем в поддавки. Начитай, Дуче. Ты в этом мастер.

— Брось трепаться, Адольф, — возмутился тот. — Если бы не ты и твоя бездарная война, меня не повесили бы вниз головой на площади. То есть, хотел сказать, не повесили бы моего двойника. Ха, ха! Я тебе этого никогда не забуду, синьор Гитлер!

Услышав имя своего любимого фюрера, дремавший за столом сморчок сорвался с места и, стукнув каблуками, опять гаркнул свое "Хейль!"...

Фюрер укоризненно покачал головой.

— Заткнись, Йосиф, не надоедай, — прошамкал он с досадой. — Да пойми же, телячья голова, времена уже не те. Кто хочет играть со мной "партию-блиц"?

Однако охотников не нашлось.

Когда Нокиеро вернулся в свою комнату, к нему начали стекаться жильцы общежития, главным образом пациенты третьего разряда, ничего не имеющие общего с политикой, а также люди попавшие в лечебницу по оговору и не понимающие, что здесь творится. Все они жали ему руку, улыбались и спрашивали о жизни в Доларике. Нокиеро чувствовал, что находится среди друзей, ожидающих от него совета и помощи.

— Не унывайте, господа, — сказал он им. — Вас тут эксплуатируют фанатики ради своих фантазий. Но всякому сумасшествию приходит конец. Спротивляйтесь проводимым над вами опытам, протестуйте... А когда политики перегрызутся между собой, вы все уходите отсюда прочь. Оставьте их на погильель. Чувствую я — быть сему месту пусту!

8. Штурм лаборатории

Вооруженные дубинками, велосипедными цепями, битыми бутылками и цитатниками в рыжих обложках, рыжегвардейцы окружили здание лаборатории тесным кольцом и только ждали знака, чтобы начать наступление. А тем временем орали свои песенки:

"Да! Варвары мы, гунны и вандалы!
Мы ненавидим прозябание сытое,
Потому бьем окна, гадим в залах,
Мы — Поколение немытое.

Слишком долго мы жили как люди.
Теперь давайте как звери будем!
Пускай щетиной обрастут наши лица.
Обет дадим — никогда не мыться.

Мы вверх дном

Мир перевернем

И всех заставим ходить нагишом."

Им аплодировало несколько изменниц-лаборанток, бывших холит, влезших на подоконники в расстегнутых халатиках и ожидавших лишь удобного случая, чтобы броситься на шею рыжим. Болтая ногами в воздухе, они пели в ответ свою халатную песенку:

"Бим бам бом, бим бам бом.

Все нам в мире нипочем,

Ходить будем нагишом.

Долой мыло, к черту ванна!

Эрос наш бог, а марихуана — нирвана!

Наседайте, налегайте!

Бейте в "учреждение", братья!

Разбивайте окна, двери,

Вы ж вандалы, вы же звери!"

Верные доктору лаборанты, еще не сшипившиеся окончательно, кинулись оттягивать непокорных девченок от окон, дупя их по чем попало, а те, визжа и царапаясь, стали призывать рыжих на помощь.

Видя это, Курара подал знак, и битники ринулись в атаку.

Сверху на них посыпался какой-то порошок, от которого нападавшие стали чихать, и кое кто, чихая, скатывался вниз, задерживая наступление. Затем на них полились горячие и едкие растворы. Добравшихся до окон защитники дупили по голове палками и бутылками. Рыжие срывались и падали вниз, но большинство долезало до верхних этажей и вступало в рукопашную с подвыпившими лаборантами, из которых многие носили странные наушники на голове. Штурмовики лезли наверх, точно рыжие муравьи, и казалось, что одной своей массой раздавят немногочисленных защитников, но тут стало твориться что-то непонятное.

Добравшиеся до окон лаборатории рыжемолдцы вдруг бледнели, их лоб покрывала испарина, и они судорожно хватались за живот. Только что полные воинственного пыла, они обмякали и начинали скулить по-ребячьи: "Мама... живот...", катились кубарем вниз и опрометью бросались в подворотни других домов в поисках уборных.

Потом жертвы докторских волн рассказывали, что во время штурма лаборатории в ушах у них запели вдруг птички и послышались странные голоса, будто бы настойчиво твердившие им в уши:

"Ой болит, болит живот,

Ой, все внутренности жжет."

Другие герои слышали голоса, упрекавшие их в лакомстве:

"Ах, чего это ты съел?

Что животик заболел?"

Или: "Ты объелся, ну и вот
У тебя болит живот"...

Как бы то ни было, лохматых революционеров, готовых разгромить в пух и прах все существующие в мире заведения, хватали спазмы и боли, им становилось плохо и они стали сыпаться вниз с лестниц,

как осыпаются пожелтевшие листья с дерева под дуновением осеннего вихря. Под смех и улюлюкание наглых лаборантов и изменнически хохочущих лаборанток в коротких халатиках, рыжегвардейцы бежали постыдно с поля битвы, держась за животы. А в ушах у них звучал насмешливый внутренний голос, очень похожий на докторский:

"Зарвались идиотики,
Вот и болят животики.
Не трогали б лабораторию,
Не влипли бы в историю!"
Ха ха ха!

Последние слова не были наиграны на пластинку. Их говорил в микрофон своего аппарата сам доктор Альхиппи, давась от смеха и потирая довольно руки.

А на площади агенты Внубеза ловили разбежавшихся во все стороны представителей "Немытого поколения", вели их в уборные, а затем их принудительно стригли, брили и пропускали через горячие души.

ГЛАВА ПЯТАЯ

1. Упрямый пациент

На другой день к Нокиеро зашел один из лаборантов и заявил, что доктор Альхиппи желает показать ему свою лабораторию. Затем он повел долариканца в аудиторию при лаборатории, где обыкновенно проводились опыты телевнушения, усадил его за переднюю парту и велел там сидеть сиднем, пока не явится доктор. Оставив Нокиеро одного, он удалился восвояси.

В аудитории новый пациент сидел некоторое время истуканом, затем встал и стал осматривать зал. Изрезанные ножиками студентов деревянные парты, возвышаясь друг над другом, уходили вглубь зала, чуть ли не под самый потолок. Перед ними чернела огромной глыбой профессорская кафедра, а над ней, в углу извивалась по-змеиному труба старомодного громкоговорителя.

Осмотрев аудиторию, Нокиеро от нечего делать погрузился в невеселые размышления, тщетно пытаясь вспомнить что-нибудь из своей прошлой жизни. И, как всегда, когда он начинал думать о своем прошлом, в мыслях у него образовывались провалы и он то и дело натывался на таинственную черту, переступить которую было сверх его сил.

Его беспокоило то, что память ему не возвращается и он таким образом находится на милости местных докторишек и полусумасшедших фанатиков, пытающихся по указанию Панчи промыть ему мозги и

превратить в безмятежное существо лево-правого толка. В результате всех этих процедур не станет ли он похож на большинство пациентов лечебницы, окончательно отупевших и превратившихся в живых групов? В душе у него поднялся глухой бунт.

— "А ну их!... — думал он. — Дудки! Никогда безмятежным не стану. Ни левым, ни лево-правым. Все это идиотизмы. А я не какая-нибудь заводная игрушка, которую можно завести, чтобы двигалась в заданном направлении. Нет, черта с два!"

Несмотря на запрет покидать парту, он вскочил с места и стал возбужденно ходить взад и вперед по залу. Затем взобрался на кафедру, плюхнулся в кресло и по-доларикански закинул ноги на стол.

Мегафон над кафедрой недовольно зашипел. Неодобрительно глядели на него со стен аудитории засиженные мухами портреты ученых в крахмальных воротничках. Несмотря на царившую в зале тишину, в ушах у Нокиеро запели вдруг птички, заиграла музыка и, неизвестно откуда, в голову ему полезла какая-то чепуха, вроде той, что преследовала его в парке, когда в небе вертелся вертолет. Чей-то чужой голос внутри него вкрадчиво напевал:

"Как хорошо, что мы живем
И все нам в мире нипочем.
Как хорошо, что женщин много,
Любить всех можем понемногу..."

"Лови момент, танцуй и весело живи!
Смейся, смейся, улыбнись,
С сеньоритой веселись,
Поцелуй ее, прижми!"

— А черта с два! — громко сказал долариканец, осматриваясь с изумлением по пустому залу. — Да же и не думаю танцевать или прижимать сеньорит... Все это — какое-то наваждение.

У него было такое чувство, будто у него внутри засел кто то чужой, какой-то шут гороховый, который не только поет, хихикает, отпускает шуточки, но даже пытается отстранить его самого от владения своими мыслями и заставляет буквально танцевать под его шутовскую дудку. Нокиеро разозлился: "С какой стати? Вон!" Ему пришла в голову мысль, что для преодоления соблазна лучше всего заняться каким-нибудь отвлеченным делом и не обращать внимания на воображаемые голоса.

С усилием, точно поднимая пудовую тяжесть, он взял в руку карандаш и стал сосредоточенно рисовать зайчиков на листе белой бумаги, лежавшей на столе.

"Смейся, смейся, улыбнись! Потанцуй, повеселись!..." — нашептывал тем временем шутовский голос. — "А ты вон пойдй, заткнись!" — отмахивался Нокиеро, точно от надоедливого комара. — "Вышел зайчик погулять... Не хочу я танцевать... Однако интересно было бы проверить, сумею ли я нарисовать по памяти портрет девушки-зайчика, которую вчера встретил на лестнице?"

"Как хорошо, что женщин много..." — не сдавался голос.

— "А пропади ты пропадом! — огрызнулся упрямый пациент. — А ну, попробую нарисовать ее. Попробуем, попытаем, попытаемся..." И он стал набрасывать Киттину головку, так как она ему запомнилась.

— "...Носик этакий прямехонький, почти классической формы... и несколько чудных веснушек на носике... затем щечки с ямочками...а здесь локон... кудряшки... черные-пречерные, выбиваются тут из-под шлемика с заячьими ушками. Кажется похожа, портретик вышел на славу.

— "Брось карандаш! — сказал вдруг повелительно внутренний голос, перестав петь свои песенки. — И сними ноги с кафедры!"

Нокиеро, забывший было за рисованием о внутреннем наваждении, оторопел от неожиданности и перестал рисовать, но карандаша из рук не выпустил.

— "Брось карандаш, слышишь?! Затем сойди с кафедры и сядь на прежнее место," — сердито командовал голос.

— А... кукиш! — с усилием произнес Нокиеро, боясь с силой чужого внушения. — С какой стати?

— "Сейчас же пересядь!" — настаивал голос.

— А вот и нет. Не пересяду. Вот напасть.

Однако, ноги с кафедры он снял.

Несмотря на несносный нажим изнутри, чтобы слушаться голоса, он упрямо продолжал сидеть за кафедрой и дорисовывать портретик "девушки-зайчика". Крупные капли пота выступили у него на лбу, и он еле держался на кресле от напряжения.

Закончив наконец рисунок, он полюбовался своим изображением "девушки-зайчика". Затем нарочито неспеша встал и прошелся по залу.

— Собственно чего я жду? — подумал он. — Где же доктор?

— Доктор сейчас придет, — сказала Китти выходя из-за боковой двери.

Цокая своими деревянными каблучками, она пошла к Нокиеро и приветливо улыбнулась. На голове у нее были те же наушники с торчащими вверх смешными заячьими ушами, как тогда на лестнице. Из-под шлемика у нее выбивались черные-пречерные кудряшки, точь в точь как на портретике.

— Ну и молодец же вы, Нокиеро, — сказала она с восхищением. — У вас замечательная, редкая сопротивляемость внушению. Скажите, вы сегодня пили что-нибудь?

— Пил ли я? — переспросил он озадаченно. — Как же, пил кофе, содовую воду...

Китти подавила улыбку. Она была действительно красива строгой классической красотой, хотя на ее носике сидело несколько веснушек, но они не портят ее личика, лишь придавали ему больше обаяния.

— Нет, я имею в виду напитки покрепче. Ром, вино, виски?

— Нет. Откуда же здесь взять? А почему вы меня спрашиваете? Разве я вел себя как пьяница?

— Нет, как человек с сильной волей. Очень рада, что утерли нос доктору.

— Так вы за мной наблюдали, Китти? А я удивлялся, зачем меня оставили одного в зале? Значит это был опять опыт?

— К сожалению, да. А я обязана была наблюдать и записывать ваши реакции, — сказала она оправдывающимся тоном. — Сами понимаете.

— Да, конечно. Раз такая обязанность, — ответил он уклончиво. Однако он не был восхищен тем, что она должна присутствовать при опытах над пациентами и отмечать их реакцию на внушения сомнительного характера.

— А кто же мне нашептывал на ухо всякие скабрёзности, а потом командовал куда сесть? — спросил он. — Доктор?

— Да, конечно доктор. Только он один и может это делать. Но вы молодец. Как ни в чем не бывало занялись рисованием и не обращали никакого внимания на его теле-внушения. У вас, по-видимому, есть воля и выдержка. Несколько дней назад в парке вы мне даже кулаком грозили, когда над вами летал наш вертолет. Помните? Что же вы сейчас рисовали там на кафедре, если не секрет?

— Я пытался набросать по памяти портретик одной понравившейся мне девушки. Видел ее всего-навсего один раз, но запомнил ее черты навсегда.

— Неужели? И сумели нарисовать? Можно посмотреть?

— Пожалуйста. По-моему надо еще отделать.

Поломавшись для порядку, он развернул лист и показал ей набросок.

— Так это же я! — воскликнула Китти, делая вид, что не догадывалась, кого он рисовал. — Да вы художник, Нокиеро.

— Вполне возможно, — согласился он. — Ведь я о себе ничего не знаю. Могу оказаться кем угодно. Даже до сих пор не знал, что умею рисовать. И левой и правой рукой, — добавил он, вспомнив, как хорошо у него вышел нарисованный левой рукой портретик великого мастера левшей. — Хотите, попробую написать ваш портрет маслом. У вас чудные волосы...

— Спасибо, Нокиеро. Однако возвратимся к делу. Сейчас сюда придут доктор Альхипши с профессором. Им нужны данные проведенного опыта. Так вы говорите, что ничего не пили? Извините, но я должна официально проверить. А ну-ка, дохните!

Она протянула к нему свою хорошенькую мордочку. Нокиеро вежливо подышал на нее издали.

— Да вы подойдите ближе, не бойтесь, — сказала она, — и дохните как следует, а то ничего не слышу.

Долариканец послушно приблизился почти вплотную и несколько раз дохнул ей в лицо. Затем, сам ужасаясь своей смелости, он нагнулся и поцеловал ее в сочные, пахнущие спелой вишней губы.

— Ах, Нокиеро!... Это уж чересчур близко, — шепнула она. — Вы меня не так поняли.

Однако она не оттолкнула нахала, не рассердилась, лишь взглянула на него с изумлением и восхищением. Нокиеро, почувствовав, что он пропал окончательно, обнял ее и поцеловал еще раз.

— Довольно... довольно, — вырвалась она. — Уже убедилась, что вы ничего спиртного не пили. Опыт окончен.

— Милая... дорогая, — прошептал он. — А все таки ты обманулась во мне. Моя сопротивляемость ничтожна. Я потерял голову, как только увидел тебя там, на лестнице...

— Хорошо, потом расскажете. После обеда я гуляю обыкновенно в парке за библиотекой, — проговорила она скороговоркой, отпрянув от него на приличное расстояние.

Дверь открылась, и в зал вошли профессор, Инесса и доктор Альхиппи со своим неотлучным чемоданом. На ушах у них всех чернели наушники.

До сих пор Нокиеро видал доктора лишь издали и мельком. Теперь он мог разглядеть его ближе. Это был видный мужчина лет пятидесяти, с окладистой бородой и властными гипнотизирующими глазами, похожий на индийского "guru". Профессор, несмотря на то, что был примерно такого же роста, при нем как-то ступшеывался и производил впечатление не хозяина, а бедного родственника.

— Здравствуйте, Забывайка! — сказал профессор Диоген, снимая наушники. — Мы и не знали, что вы такой твердый орешек.

— Наверно клюкнул сегодня утром, — сказал с ухмылкой Альхиппи, ставя чемодан на пол. — А ну-ка дохни, дружок!

— Я уже дышал сегодня, — возмутился доллариканец. — Довольно с меня. А пить, ничего не пил.

Не слушая его, доктор понохал воздух возле Нокиеро, причем сам выпустил в него струю винного перегара.

— Я так и знал, — отпрянул он от него, — пьян, как стелька. Вот откуда у него иммунитет.

— А мне кажется, что пьян-то не он, — предположил профессор, мягко улыбаясь. — Кстати, познакомьтесь, господа. Наш упрямый пациент, Нокиеро, страдает амнезией. Очень интересный случай. А это наши дамы: пилот вертолета + Китти и заведующая библиотекой — Инесса.

— Боюсь, что от моей библиотеки остались одни рожки да ножки, — сказала Инесса, здороваясь. — Рыс-жегвардейцы! Надеюсь, у вас в Доларике таких безобразий не бывает, мистер Нокиеро?

— Не знаю, — ответил тот неуверенно. — Новые культурные веяния распространились уже всюду.

— А мы уже знакомы, — объявила Китти, улыбаясь. — Я отмечала реакцию синьора Нокиеро на теле-внушения и нашла, что он совершенно не поддается гипнозу. К тому же непьющий. Дыхание у него чистое. Сама проверила и записала это в протокол.

— Р...р...р... и... — звонко рассмеялась Инесса. — Прррроверррилла? Когда же ты успела, Киттенька?

— А вот успела и тебя не спрашивала.

— Р...р...р...и... хотели огорошить бедного иностранца своими волнами, а он возьми и покажи вам нос, — взвизгнула опять Инесса. — Давайте, доктор, лучше пустите через ваш мегафон какое-нибудь танго-манго-закрутанго или твист-крутист. Чтобы можно было потанцевать под музыку изнутри. Это тоже стоящая идея. Р...р...р...и...

— Мой аппарат не предназначен для танцулек, — обиделся Альхиппи. — У него более высокие цели.

— Фу, какой бука! — надула губки поэтесса.

— Волны меня не огорошили, — засмеялся Нокиеро. — Зато в самом начале профессор огорошил меня своими идеями. Вернее — офасолил. Помнится, запеченая фасоль с салом, которой он меня угостил в первую ночь, больше мне пришлось по вкусу, чем вся его безмятежная философия. Надеюсь, вы на меня не в обиде за это, профессор?

— Ну, что ж... — явно смутился тот. — Вы еще не совсем оправились от шока. Проснулись в незнакомом месте, с разбитой головой, голодный. Понятно, что вам было не до философии.

— Ах, как интересно, — захлопала в ладоши поэтесса. — Наверно любовная драма?! Расскажите, миленький, обязательно расскажите, кто она такая?

— Инна, как тебе не стыдно. Оставь человека в покое, — вмешалась Китти. — Потом все узнаем. Ну, пошли домой. Вы остаетесь, Нокиеро?

— Да, — ответил за доллариканца профессор. — Доктор хочет показать ему свою лабораторию. Может быть, сообща его обломаем.

2. Не удался вам "новый человек"!

В лаборатории пахло кислотами, кофе, пудрой и дешевыми духами. Служащие в белых халатах, весело галдя, толпились возле стойки, на которой блеснул огромный никелированный кофейник "Эспрессо". Как раз был перерыв на завтрак.

— Здесь царство доктора, — говорил профессор, обводя гостя по лаборатории. — Тут он работает над своими изобретениями, и тут создал свой эпохальный аппарат теле-внушения, под действием которого вы находились в аудитории. Правда, вы не поддались внушению, но вы, по-видимому, исключение — большинство людей слушается и танцует под докторскую дудку. Этот аппарат — это настоящая атомная бомба в области пропаганды и рекламы. Перед нами открылись головокружительные перспективы. Теперь мы сможем обращать людей в нашу безмятежную веру, принудить их забыть о своих расовых, религиозных и национальных предрассудках, одним словом, сможем создать нового "безмятежного" человека.

— Понимаю, — поморщился Нокиеро. — Можете тоже диктовать другим свою волю, заставляя их голосовать за себя на выборах и вообще всех подчинить своей власти. Поздравляю!

— Вы забыли, Нокиеро, что мы тоже можем внушать публике, какие товары ей покупать, — вставил Альхиппи, смеясь в бороду. — А это пахнет миллио-нами.

— Мне лично миллионов не нужно, — недовольно сказал профессор. — Однако, теперь мы нуждаемся в аппаратах, вертолетах и средствах на их покупку. На одном аппарате и вертолете далеко не уедешь.

— Зачем вам вертолеты? Чтобы развращать побольше народа? — возмутился Нокиеро.

— А как же! — рассмеялся доктор, — массовый разврат это самый верный путь, чтобы привести людей к безмятежности и политическому подчинению. Поглядите на жителей острова. Благодаря моим волнам, они самый счастливый народ на свете и даже не думают заниматься политикой, стремятся к власти и гоняться за почестями. Максимальная реализация пансексуализма Фрейда. Другое дело жители самой Атараксии, на которых мне запрещено пускать эротические волны, кроме как на избранных подопытных пациентов. Здесь процветают интриги, политиканство и грызня за власть, и выходит совсем по Адлеру: жажда власти у человека преобладает над всеми остальными стимулами деятельности. А дайте мне волю пустить на всех этих левшей, узколобых, рыжегвардейцев и энтузиастов хорошую волну эротизма, и все бы заплясали, и сразу забыли бы о левых и лево-правых маньячествах...

— Тсс... — беспокоился профессор, приложив палец к губам. — Не так громко, доктор, стены ведь имеют уши.

— Ладно, профессор, — снизил голос доктор. — Если вы уж так боитесь ушей в своей собственной лечебнице, то я пасс. Давайте лучше поговорим о любви вообще. У меня тут царство любви.

Он ласково потрепал по щечке проходившую мимо хорошенькую лолиту-лаборантку.

— *Amor, amor!* — запел он. — Да здравствует любовь! Только, чтобы без сентиментальничаний, без ревности, клятв в вечной любви и обязательств. Любовь лучше и здоровее, чем политика. Фрейд сказал, что "война это разрядка сексуальной энергии человечества!" Но почему, спрашивается, эта разрядка должна выражаться в такой дикой форме? Не лучше ли разряжать эту самую энергию в амурах? Вот почему я против войны и за свободную любовь.

— Так-то так, — пробурчал профессор. — Однако, не слишком ли вы раздумываете эту тему? Безмятежные не должны отдаваться страстям. Даже директор Панча и тот против... Он настаивает, чтобы мы бросили передавать веселые песенки и поставили пропаганду безмятежности и его лево-правого движения на должную идеологическую высоту.

— Черта с два! — Альхиппи стукнул кулаком по столу, возле которого они проходили, так что зазвенели находящиеся на нем колбы. — У него лево-правый уклон, а у меня в сторону девочек. В каждом из нас сидит другой бесенок, однако аппарат у меня, и кроме меня никто не умеет им пользоваться. Если директору не по душе мои передачи, так я могу в любое время их прекратить, а аппарат продать доллариканцам. Посмотрим тогда, далеко ли он заедет со своими рыжими да обезьянами.

— Полезнее было бы вообще разбить вашу машину или утопить ее в море, — едко посоветовал Нокиеро. — Слишком уж опасная штука.

— Ерунду говорите, — возмутился изобретатель. — Как это так — разбить? Это же главный труд моей

жизни. Научные открытия делаются независимо от того, приносят ли они пользу или вред человечеству. Например атомная бомба.

— Вот это и плохо, — возразил доллариканец. — Без бомбы и многих других изобретений нам жилось бы гораздо спокойнее. Если бы мне в свое время попал в руки план атомной бомбы, я бы его без колебания сжег и пепел развеял.

Альхиппи пожал плечами.

— Так то атомная бомба, а это...

— А это еще хуже. Ваше телевнушение может стать средством порабощения людей.

— Господа, бросьте бесполезные споры, — вмешался профессор. — Доктор, лучше расскажите нашему гостю, над чем вы сейчас работаете.

Изобретатель оживился и стал говорить о препаратах, способных возбуждать определенные чувства. Например, эликсир, вызывающий прилив храбрости у солдат и заставляющий их драться, не щадя себя. Или другой эликсир, вызывающий страх и побуждающий их бежать, куда глаза глядят. Первое средство задумано для своих бойцов, а второе, конечно, для вражеских.

— Гм... — усомнился Нокиеро. — А как вы думаете заставить противника принимать ваши препараты? Перед едой или после?

— Это не мое дело, — огрызнулся доктор. — Я не практик. Пусть военные специалисты придумывают способы их применения. Я лишь пытаюсь изобрести кое-какие препараты, вызывающие, например, восхищение, симпатию, любовь, отвращение, негодование, ненависть, а также средства против ревности.

— Кое-кому капельки против ревности, ох, как бы пригодились, — сказал доллариканец. — Когда я очнулся в парке, какой-то пьянчужка приревновал меня к Китти, хотя я ее даже в глаза не видал.

— Вероятно, то был Педро Перез, — улыбнулся профессор. — Бывший муж нашей летчицы. Запойный пьяница и ревнивец.

— Зато нам здесь не надо никаких эликсиров против ревности, — сообщил Альхиппи. — У нас тут свободная любовная коммуна. Мои лолиты крутят романы направо и налево, а я, представьте себе, не ревную. Они тоже. Кстати, у меня новая Лолита Первая, господа. Анамитка Анна. Бывшая буфетчица. Восточная красавица. Сами увидите. Эй, Аннушка!

Он захолопал в ладоши, и в углу, где служащие пили кофе, воцарилась тишина. Лаборантки смотрели на него с подобострастием и страхом.

Из-за дальнего стола поднялась молоденькая девочка, изящная, как фарфоровая статуэтка, и с достоинством подошла к своему господину.

— Ну, как, красавица? — Альхиппи поглядел ее по черным как тропическая ночь волосам. — Все тебя тут слушают? Не обижают?

— Нет, дорогой Аль, — ответила она грудным приятным голосом. Все меня очень любят. Проси гостей к нашему столу. Я уже накрыла. Только что звонил директор и сказал, что идет сюда.

Лицо у доктора вытянулось.

Когда они подошли к хозяйскому столу, одна из лолит, брюнетка со злыми глазами, поднялась и, круто поводя бедрами, выбежала из зала.

— Это Хуанита, бывшая Первая, — жестоко рассмеялся доктор. — Злится, что она здесь больше не хозяйка.

Вскоре, ковыляя на своих высоченных котурнах, пришел Панча-Ли, окруженный Узколобыми, тоже ковыляющими на котурнах. Еле кивнув головой доктору и профессору, он стал расспрашивать Нокиеро, как ему нравится его новая комната и осмотрел ли он уже лабораторию?

Тот еле успевал отвечать на вопросы. Да, комната ему нравится, хотя соседи попались какие-то странные: то и дело щелкают каблуками и орут свое "Хейль!" А осмотреть лабораторию еще не успел.

— Если бы не мое присутствие духа, никакой лаборатории уже бы не было, — угрюмо вставил доктор. — Ваши молодчики чуть было ее не разнесли.

Лицо Панчи помрачнело.

— У них головокружение от успехов... Я уже дал хорошую взбучку, кому следует. Но забудем об этом прискорбном случае. Я пришел сюда, чтобы рассказать нашему дорогому гостю из Доларики о наших изобретениях и планах...

— Мои изобретения, ваши планы, — уточнил Аль.

— Ладно, доктор, трудитесь и дальше для партии безмятежных лево-правых.

Тот лишь пренебрежительно махнул рукой.

Выпив наскоро чашечку кофе, директор взял долариканца под руку и повел его между длинных столов, заставленных ретортами, перегонными кубами, бунсеновскими горелками, пузырьками и прочей лабораторной утварью. Рядом угрюмо шагал доктор, незаметно отодвинутый на задний план. Позади них среди Узколобых плелся профессор Диоген.

По требованию Панчи, Альхиппи открыл несгораемый шкаф в углу с множеством пронумерованных папок. Директор вытянул одну из них.

— Тут у нас есть проекты, которых мы пока не можем осуществить из-за недостатка средств, — сказал он, раскрывая папку. — Например, тут задуманы капельки, которые могли бы изменить нормальную психику взрослого человека на ребячью, инфантильную. Таким образом мы сможем превратить всякого умника в дурачка или обратить его в детство.

— А это зачем? — ужаснулся Нокиеро.

— Для его же счастья. Помните у Достоевского: "...Детское счастье слаще всякого." Оно беззаботно и безмятежно. Сколько войн и несчастий, причиненных фанатизмом взрослых, можно бы избежать, если бы мир впал в детство. Сказано же в Священном Писании: "Дети имеют чистые сердца, незапятнанные души..."

— Да, но какая польза государству от граждан с детским образом мышления? Зачем же снижать их умственный уровень?

— Чтобы поменьше рассуждали, — ответил Панча. Рядовые подданные не должны забивать себе голову

никакими проблемами, а тем более философскими и политическими. Единственные искания, какие мы можем разрешить обывателям, это поиски, где бы достать продукты и товары. Все должно поэтому находиться на одинаковом умственном детском уровне. Мышление всех безмятежных должно быть стандартизованным. Для обуздания же чересчур смысленных и пытливых одиночек у нас будет препарат, снижающий уровень интеллигенции у вредных людей. Как мечтал тот же Достоевский: "...Широкий человек, я бы его сузил". Вот мы его и сузим.

— А есть у вас средство на поднятие умственного уровня дураков? — спросил Нокиеро.

— А зачем его поднимать? — рассмеялся Панча. — Они, в основном, опора будущего безмятежного строя. Дураками легче управлять, чем умниками.

С этими словами он вынул другую папку.

— Здесь у нас проект снадобья, которое мы назвали "без-совести". Это средство будет действовать притупляюще на ту часть нашей психики, которую Фрейд называет "сверх-я", — то есть внутренний цензор, одобряющий или осуждающий наши поступки, иначе говоря — совесть. Люди с атрофированной совестью полезны государству, так как не отступят перед самыми грязными распоряжениями власти.

— Так то же преступники, и место им в тюрьме, — возмутился Нокиеро.

— Или на государственной службе, в органах, — добавил директор. — Мы должны использовать все добрые и злые силы скрытые в человеке, подобно тому, как заставляем служить себе огонь, воду, электричество... Но мы идем гораздо дальше, — хотим научно вырастить племя супер-человеко-обезьян, химически лишенных совести и элементарных человеческих чувств. Заставим их служить нам, наподобие злых сторожевых псов, научим их исполнять без колебания любые наши приказы и таким образом будем держать в повиновении и страхе всех недовольных и непокорных, буде такие окажутся среди массы безмятежных подданных.

— А не проще было бы употреблять для этих целей людей с врожденными преступными наклонностями? В наше время ими хоть пруд пруди.

— Это не так просто, как кажется, — ответил Директор снисходительно. — В этих "готовых" преступниках нельзя быть уверенным на все сто процентов. Они подвержены разным человеческим слабостям. Часто лицемерят. Почувствовав угрызения совести, они могут послушаться приказов или переметнуться во вражеский лагерь. Нет, мы не можем себе это позволить. Исполнителями наших приказов должны быть живые роботы, по возможности управляемые на расстоянии при помощи электронных аппаратов.

— Ха, ха... — рассмеялся Нокиеро. — По-моему, господа, вы ломитесь в открытые двери. Все ваши проекты разрабатываются, если уже не разработаны, долариканцами и азиопами. Почитайте газеты. Все ваши препараты, долженствующие вызывать чувства

страха, возмущения, симпатии и так далее, уже избранны. Гормоны... электроды в мозгу... наркотические средства. Куда вам тягаться!

Панча со злобной злобой захлопнул сейф.

— А я и не знал, — он гневно взглянул на Альхиппи. — Если это так, то придется таки закрыть эту лавочку. А то и отрубить голову кое-кому... Я не желаю оставаться в дураках.

Под угрожающим взглядом директора доктор побледнел и даже будто осунулся в лице.

— Вы... вы забываете, трижды товарищ Директор, об успешных опытах с аппаратом телевнушения, — пробормотал он. — И о созданных нами "торопыгах", "энтузиастах", "Павликах"... Это по-вашему, что? Фунт изюма?

Директор уже пришел в себя и улыбался.

— Да, конечно, доктор, я все помню и цену по заслугам. Я лишь пошутил, — он похлопал ученого по плечу. — Правда, эти новые типы людей вам не особенно удались.

— Нам, великий Панча-Ли, нам не удались, — поправил он. — Мы же их вместе планировали.

Время завтрака уже прошло, и молодые люди, работающие в лаборатории, давно сидели на своих местах и усиленно занимались делом или, может быть, лишь делали вид, что работают, ввиду присутствия высшего начальства. Однако все время там и сям в зале раздавался смех и хихиканье, и это корбило директора — ему казалось, что над ним издеваются.

— Я еще примусь за вашу лабораторию, — сказал он угрожающе доктору и обратился к гостю из страны долларов: — Надо вам рассказать, сеньор Нокиеро, о наших "гомункулах". В результате применения гормональных препаратов, доктор вырастил так называемых "торопыг", у которых все жизненные функции, работа мозга и сердца, а также все движения значительно ускорены. Они не ходят, а бегают, всякая работа горит у них в руках, и мы нашли, что они очень полезны в мастерских и в "без-хозе".

— Зато утомляются гораздо скорее, чем рядовые рабочие, — саркастически вставил доктор. — После короткого периода интенсивной деятельности торопыги выдыхаются и должны долго отдыхать. К тому же, их надо почти непрерывно кормить. И все равно долго не выдерживают. Их организм изнашивается чересчур быстро. Это была идея трижды товарища директора...

— Моя идея была правильная, — перебил его Панча, — а вот вы ее схалтурили, дважды товарищ! Теперь придется вам переделывать формулы. Зато гораздо удачнее у нас получились "павлики морозовы".

— Павлики морозовы действительно вышли мерзавцы на славу, — сказал доктор, закуривая. Закурил тоже и Нокиеро, никогда не отказывающийся от сигареты, тем более, что его начало поташнивать от лабораторных запахов и разговоров.

— Должен признать, что вся заслуга создания "павликов" принадлежит директору Панча-Ли, — продолжал Альхиппи. — Если бы не его настойчивость, я сам никогда бы такой мерзости не выдумал. В них

искусственно заложена потребность шпионить и доносить на всех, кто под рукой: на родителей, друзей, чужь ли не на самих себя...

— Отвратительно! — пробормотал гость, затаиваясь поглубже дымом.

— Однако без павликов, больших и малых, нам не обойтись, — вставил Панча с самодовольной усмешкой. — Иначе безмятежная власть не удержится надолго, даже среди идиотов. Кроме торопыг и павликов, у нас имеются еще "энтузиасты", усердно и без малейшей критики поддерживающие всякие мероприятия начальства. Очень полезные люди будущего...

— Кое где уже и настоящего, — буркнул доктор.

— А "смехачи" тоже полезны? — спросил гость.

— Конечно, — ответил директор. — Они напоминают рядовым безмятежным, что жить стало легче, жить стало веселее. А главное это то, что их смех нам не вреден.

Он зло покосился на хихикающих в углу лаборантов. Заметив какого-то нагло улыбающегося бородача, он показал на него глазами своей страже, и Узколобые моментально ринулись в угол, скрутили нахалу руки и вывели его вон. Все это они проделали без особого шума, чисто и профессионально. И только слышался стук их котурнов, да сопение провинившегося лаборанта.

Панча торжествующе взглянул на долариканца.

— Не терплю, когда кто-либо смеется над нашими попытками создать "нового человека", — сказал он. — Теперь вы сами видите, Нокиеро, какую интересную и важную для будущих поколений работу мы здесь ведем. На все это нужны средства...

— Вижу, превосходно вижу, — долариканец раздраженно затоптал каблукон недокурную сигарету. — Однако, даже если я действительно пропавший сын миллионера, пожертвований на ваши цели от меня не ждите. Я не согласен с вашими опытами.

Широкое монголоидальное лицо Директора расплылось в улыбке.

— Вот как? Ну, ничего. Надеюсь вас еще переубедить, сеньор Нокиеро. Да мы от вас лично ничего и не хотим. Вы наш гость. И будете им так долго, пока ваш уважаемый папаша не пришлет за вас выкуп полмиллиона. А проверкой вашего прошлого займется наша человеко-электронная вычислительная машина.

3. Как уничтожить аппарат телевнушения?

Как Нокиеро и ожидал, Китти прогуливалась после обеда в скверике возле библиотеки и, по-видимому, его поджидала. Однако, когда он появился, она встретила его сдержанно, сделав даже вид, будто ее удивила эта встреча.

В душе она не была вполне уверена, что он серьезно ею заинтересовался — а вдруг пошутил? Такой интересный молодой человек, независимый, неглупый, хотя временно и потерявший память, наверно привык ухаживать и говорить комплементы каждой смазливой девчонке. Однако при первой встрече, взглянув в его мечтательные серые глаза и увидев в них непритворное обожание, она поняла, что смешной доларикашка-забывайка влюблен в нее по уши.

Тем не менее, когда во время их первой встречи он, следуя обычаям долариканской молодежи, потянулся было сразу целоваться, она ловко выскользнула из его объятий, ссылаясь на то, что она не привыкла амурничать при чужих, в парке, где особенно много гуляющих рыжегвардейцев с завидующими глазами. Однако позже, очутившись в укромном уголке, где их никто не подсматривал, она сама протянула ему свои сочные губы, пахнущие раздавленной вишней.

Но все удовольствие ей испортила мысль, что вот они здесь целуются в кустах, точь-в-точь как туземцы, попавшие под действие эротической волны телевнушения, которых она так осуждала за бесстыдство, однако втайне им завидуя.

И она резко оттолкнула Нокиеро.

— В чем дело, дорогая? — спросил он, недоумевая. — Разве я что-нибудь сказал или сделал плохое?

— Нет, нет, — замотала она головой. — Ты хороший, Доларикано, ты славный. Но пойми, мне стыдно целоваться в кустах. Я столько насмотрелась сверху, экспериментируя с аппаратом Альхиппи, что теперь мне противно самой...

— Ах, этот проклятый аппарат!... — воскликнул он. — Зловредное изобретение. Ты не можешь как-нибудь обезвредить его? Разбить или выкинуть через окно кабины? Будто ненароком...

— Шш, ш, ш, — она закрыла его губы своей теплой ладошкой и осмотрелась. — Не говори таких вещей в парке. Могут услышать рыжие или "павлики". Эти милые ребята любят подслушивать в кустах, о чем говорят прохожие, и доносить во Внубез. Лучше выйдем на дорожку.

Они вышли на открытую аллею и уселись на свободной скамейке. Убедившись, что их никто не подслушивает, она сказала:

— Признаться, я тоже подумывала, как бы закрыть глотку аппарату или его испортить, да не тут то было. Доктор буквально сидит на чемодане с аппаратом, а в вертолете привинчивает его к полу отверткой, которую постоянно носит в кармане пиджака. Я одна ничего не поделаю.

— А ты заметила в каком кармане он ее прячет? — задумчиво спросил Нокиеро, закуривая и пуская в воздух клубы дыма.

— Кхе, в верхнем... правом, — закашлялась Китти. — Знаю наверно.

— Не нравится мне то, что здесь происходит, — сказал долариканец, задымив еще пуще. — Жаль, что рыжегвардейцы не сожгли лаборатории.

— Они и не собирались. Панча хотел лишь напугать доктора и показать свою силу, чтобы тот не

заснавался в своем гареме. Конечно, рано или поздно директор приберет к рукам лабораторию и заставит Альхиппи во всем себе подчиняться. Однако пока опыты с телевнушением не окончены, он с ним церемонится и позволяет ему некоторые вольности. Доктор этому сумасброду еще нужен. А вот бедного профессора Панча держит в черном теле.

— А... профессор, — оживился Нокиеро. — Хотя старик и выжил из ума, хотя он беспомощен и безволен, но это единственный человек в этом сумасшедшем доме, который может положить конец экспериментам над людьми и вообще разогнать эту банду.

— Если бы он хотел и мог? — вздохнула Китти.

— В нем уже зарождается бунт. Это хороший признак. Он перестает быть безмятежным. А я стараюсь вдолбить ему в башку, что лучше уничтожить сразу лечебницу, вместе с угнездившимися в ней гадюками, чем беспомощно смотреть, как они разлезаются по белу свету.

— А что ж невинные пациенты? Им погибать?

— У меня среди них много друзей. Я им всем растолковал, что Атараксия катится в пропасть, и им необходимо покинуть ее, как только здесь разгорится междупартийная драка. А то их всех переделают в бессловесных рабов или идиотиков.

— По-моему, все эти лабораторные опыты и препараты, это одна большая липа, — сказала Китти доверительным шопотом. — Доктор работает над ними лишь для отвода глаз и чтобы себе цену набить. А Панча ему верит. Вообще наш директор, хотя и начитанный и ловкий человек, но ужасно легковверен и падок на новинки. Позволяет себя обдуривать и в своих замыслах не считается с действительностью. Тип диктатора-самодура. Недаром приютил в лечебнице двойника Гитлера. — Китти оглянулась пугливо.

— А доктор? — Нокиеро задымил наново.

— Кхе... И когда ты перестанешь курить? Доктор это делец. Его главный козырь в игре это аппарат телевнушения, и на нем он хочет выскочить в люди. Собственно, ему наплевать на Панчу и профессора с его безмятежными бреднями. Он хочет продать свое изобретение за границу. Вот и все. За хорошие деньги.

— Это тоже плохо. Если аппарат попадет в руки бессловесных дельцов и политиканов запада, пиши пропало. Нельзя до этого допустить.

— Если же он изобретения не продаст, то в конце концов оно попадет в руки какой-нибудь иностранной разведки. Думаешь, уже не разнюхали, не наехали сюда разведчики?

— Эту штуку надо заблаговременно уничтожить!

— Да, но каким образом?

— Можно взорвать вертолет вместе с изобретателем и аппаратом.

— И со мной заодно? — обиделась Китти. — Благодарю покорно.

— Да нет, — стал оправдываться Нокиеро. — Я не так думал. Почему обязательно с тобой? Разве ты все время проводишь в вертолете? Неужели доктор никогда не остается там один?

— Нет, никогда. Когда я выхожу, он тотчас же отвинчивает чемодан и выскакивает вслед за мной.

Во время опытов в аудитории я тоже должна присутствовать. И всегда полно людей вокруг. Как же тут взрывать чемодан? План этот никуда не годится.

— Так что же делать? Утопить вертолет, что ли? Надеюсь, ты умеешь плавать?!

— Я-то умею, а как доктор, не знаю. Только, как же так — утопить?

— Вот что я надумал, — сказал он прикуривая новую сигарету от окурка старой. — Если не найдется другого выхода, надо, чтобы ты вылетела над морем вместе с доктором и там, как только удалитесь на приличное расстояние от берега, ты выключишь мотор, будто нет горячего, или что-то испортилось. Когда вертолет очутится в воде, ты выскочишь, а он пусть спасается, как умеет. Вертолет пойдет ко дну вместе со зловредным чемоданом, а я буду находиться вблизи в моторной лодке, чтобы подобрать вас обоих. Как тебе это нравится?

Китти замотала головой.

— Мне не нравится, что ты столько куришь, — сказала она недовольно. — Я вся прогоркла от дыма. А у тебя видно мозги затуманились. Весь твой план какой-то несерьезный, ребяческий. Надо выдумать что-нибудь другое. Что касается меня, так я от дыма не могу сейчас мыслей собрать. Тебе надо бросить курить, вот что...

— Как же так? — жалобно промямлил Нокиеро. — Я привык курить сызмала и не могу жить без сигарет.

— Как знаешь, — твердо сказала она. — Или я или сигареты! Выбирай!

— Ну, это Бог знает что такое! — воскликнул он, вскакивая с места. — Всю жизнь курил и вдруг, пожалуйста, бросай.

— А ты почему знаешь, что раньше курил? — отрезала она. — Ты же все забыл, что было раньше. До сих пор так и не знаешь, сын ли ты миллионера Бомфеллера или кто другой? Может быть, из-за тебя в Нью Йорке убивается жена и детишки плачут, а ты тут меня обвораживаешь. Что будет, когда тебе вернется память? Покинешь меня, как пить дать. — Она всхлипнула. — Нет, видно, лучше нам все таки расстаться, пока не поздно.

Она встала и сделала вид, что собирается уходить. Несколько секунд Нокиеро растерянно глядел на нее, затем швырнул сигарету на песок, затоптал ее и с виноватой улыбкой подошел к Китти.

— Хорошо, дорогая, брошу курить. Только для тебя... Я не помню своего прошлого, но уверен, что жены и детей у меня нет. Люблю я только тебя одну и никогда тебя не покину.

По дороге на службу Китти рассказала Нокиеро историю своей жизни.

По происхождению она русская, хотя и родилась на острове Таракании. Ее родители прибыли сюда как беженцы ДиПи после войны и остались здесь на постоянное жительство. Отец ее был врачом, хорошо зарабатывал, и у них был свой домик на окраине города. Со временем Китти поступила в университет в Каракасе и там, увлекшись авиацией, выдержала экзамен на пилота. После смерти родителей

она вышла сдуру замуж за красавца Педро, не зная, что он запойный пьяница. На деньги, вырученные от продажи дома, он приобрел бензо-колонку, но всю выручку пропивал. Тогда она решила бросить его и, получив развод, перебралась в Атараксию. Здесь она поступила на службу пилотом вертолета и помощницей доктора. Вот и летает теперь, как проклятая, над городом и смотрит на развращение жителей. А доктор, манипулируя своим аппаратом на заднем сиденье, потирает руки и противно сопит.

Ах, вырваться бы, вырваться отсюда!

4. Арка на Вашингтон Сквер

В том же парке возле библиотеки Нокиеро натолкнулся однажды на Инессу, гулявшую под руку с иностранцем — (дэкроновый костюм, кнопка слухового аппарата в ухе). Оба счастливо улыбались и были подозрительно взъерошены.

Джемс Бом был рад встретить земляка и покалякать с ним о бэйзболе и других доллариканских делах, но молодой турист не особенно был разговорчив, да, к тому же, все перезабыл. Тогда Бом выразил предположение, что, может быть, Нокиеро был пассажиром на том самом увеселительном пароходе "Эврика", на котором приплыл сюда и он, Джемс.

— Почему я знаю, — ответил тот уныло. — Все может быть. Теперь меня интересует лишь одно — как нам всем вырваться из этого проклятого места?

— Не унывайте, мой друг, — бодро сказал Бом, — какнибудь устроим. Только держитесь меня.

Джемс уже знал, что его земляк страдает амнезией по-настоящему и, стало быть, не является еще одним разведчиком, могущим ему помочь в его охоте за альхиппиным аппаратом. А помочь может.

Однако он не знал, что Нокиеро задался целью завладеть аппаратом не столько для наживы, сколько для того, чтобы его уничтожить.

Была как раз пора прогулок для пациентов санатория. Запахавшись, с вытянутыми шеями, мимо них пробегали торопыги с таким видом, будто гнались за автобусом, хотя, в сущности, торопиться им было некуда — они просто напросто гуляли. Размахивая в воздухе попеременно левыми и правыми кулаками, маршировали идиотики с детскими счастливыми лицами, в сопровождении Узколобых на котурнах. Печатая по-военному шаг, расхаживали рыжегвардейцы в коричневых рубашках. Шныряли лолиты в куцых халатиках под руку с лохматиками.

Разгуливающий на своих высоких котурнах горькомюзитель Курара заметил группу доллариканцев и отвесил шутовской поклон Инессе.

— Поздравляю! С империалистами разгуливаете?

— Бросьте ерунду молоть, — огрызнулась Инесса. — По крайней мере они люди приличные, не хулиганят и книг в библиотеке не жгут.

— А я профессор прогрессивного университета, — веско добавил Бом. — Вместе со студентами я громил кабинет нашего декана, представителя империалистов и поджигателей войны. За это меня сюда и сослали.

Когда Бом отбивался от заседавших рыжегвардейцев на галлерее библиотеки и лупилих по башкам толстыми томами классиков марксизма, на нем был рыжий парик и искусственный нос. Теперь же он был в своем обычном виде, и Курара его не узнал.

— Кто вас там знает, — сказал композитор траурных маршей. — Зато другой, — он кивнул в сторону Нокиеро и голос его стал визгливым. — Другой доллариканец, махровый капиталист и военный преступник. В испано-американскую войну он отличился жестокостью и лично пытал пленных.

Нокиеро расхохотался.

— Вы с ума спятили? Меня же тогда на свете не было!

— Может быть и не было, — ответил Курара. — Это не меняет сути дела. Наш великий Директор сказал в одном из своих изречений, что физическое отступление преступника на месте преступления не умаляет его субъективной вины. Так что, согласно лево-правой диалектике безмятежных, вы убийца!

Нокиеро в отчаянии бросил взгляд на Бома, ища его поддержки.

— И что с таким дураком делать? — спросил он.

— Дайте ему в морду!

Забывайка сжал кулак и по всем правилам боксерского искусства закатил Кураре такую затрещину, что тот свалился с котурнов. Собравшиеся вокруг гогочущие дружинники-рыжегвардейцы сначала опешили, затем бросились на смельчака, осыпая его нецензурной бранью. Однако дюжий доллариканец простыми приемами "каратэ" повалил нескольких из них на землю. Остальные отступили, лихорадочно листая цитатник Панча-Ли, в поисках ответа на вопрос: что им делать в данной ситуации?

Вокруг стоял крошечный гам. Курара со злобно перекошенным лицом поднялся на свои котурны, но один котурн слетел у него с ноги, и он грохнулся опять наземь. Среди публики раздался смех — симпатии толпы явно не были на его стороне.

Лежа на земле, незадачливый пианист-хулиган грозил доллариканцу кулаками:

— Народ задумал бунтовать, проклятый "гринго", шпион!" — шипел он как змея. — погоди, скоро сыграю тебе траурный марш на черных клавишах...

— Что тут происходит? — раздался властный голос позади толпы.

— Слава Великому Директору! — закричали в толпе, и все перестали шуметь и смеяться.

Толпа раздвинулась, и появился сам Панча-Ли, окруженный телохранителями и Узколобыми.

— Кому ты хочешь играть свой траурный марш? — сердито спросил директор. — Нашему дорогому гостю из Доларики? Оставь его в покое. Он под моим покровительством. Сейчас я его забираю к себе для опроса компьютером.

Тут он заметил стоящих в сторонке Инну и Бома.

— Вижу, вы здесь преуспеваете, профессор, — подмигнул он. — Перед отъездом не забудьте рассказать мне, как удалась ваша миссия.

* * *

В кабинете директора было кожано-уютно и прохладно от охладительного аппарата, установленного в огромном венецианском окне. Стены были задержаны тяжелыми портьерами рыжего цвета. В одном из углов растопырился черный проекционный аппарат в чехле.

Панча усадил гостя в мягкое кожаное кресло у письменного стола и угостил его сигарой.

— Что пьете? Вино? Виски? Сotch?

— Сotch с содой, пожалуйста, — попросил Нокиеро, недоумевая, какая может быть причина такого внимания к нему. Неужели оказалось, что он действительно сын милл...

— Нет, мы еще ничего не знаем, — сказал Панча, точно угадывая его мысли. — Но сегодня мы попытаемся узнать правду.

Он подошел к блестящему от никеля и стекла кабинетному бару в углу комнаты и плеснул в высокие стаканы из бутылки с заграничной этикеткой.

— Все, что от вас требуется, это чтобы вы понемногу сами вспомнили по мелочам свою прежнюю жизнь и таким образом восстановили картину прошлого, — говорил он, набирая шипчиками кубики льда из серебряного ведерка. Затем он не спеша напешдил шипучей воды и помешал в стаканах длинной ложечкой.

— Со своей стороны мы попытаемся помочь вашей памяти, координируя ваши воспоминания с имеющимися у нас сведениями. — Он поднес гостю готовый напиток. — Все данные, то есть наши сведения, догадки, обрывки ваших воспоминаний и газетные вырезки будут запрограммированы в нашу человеко-электронную вычислительную машину. Она должна дать нам правильный ответ.

С этими словами он отдернул занавес, и Нокиеро увидел занимающую всю стену панель компьютера с матовыми экранами и мигающими зелеными лампочками.

Панча вынул из ящика стола цветную открытку.

— А теперь скажите, узнаете ли вы это место?

Он показал гостю фотографию, утопающей в зелени, каменной арки, похожей на Триумфальную Арку в Париже, только меньше.

— Да это же Вашингтон Сквер в Нью Йорке, — обрадовался Нокиеро. — Позади нее находится большой бассейн с фонтаном. Летом там рай для ребятшек и бродяг...

Хозяин с довольным видом захлопал в ладоши. Тотчас же в дверях появилась фигурка Пе-Син-Сына. Панча сказал несколько слов на каком-то непонятном языке, и китайченок засуетился, развернул серебристый экран на стене, опустил шторы в окне и, сняв чехол с проекционного аппарата, потушил в комнате свет.

Экран осветился. Сначала на нем запрыгали пятна и тени, мелькнула какая-то фотография вверх ногами, затем появилось изображение арки, только

теперь она была гораздо меньше, чем на открытке, и пряталась внизу, среди гущи деревьев, словно снимок был сделан с птичьего полета или с крыши небоскреба.

— Всмотритесь хорошенько в арку, — сказал хозяин. — Так ли она представлялась вам из окон вашей квартиры или казалась ближе?

— Гораздо ближе. Я никогда не смотрел на нее с такой высоты.

— Я так и думал, — обрадовался Панча. — Этот снимок сделан с самого верхнего этажа той шикарной гостиницы, в которой, как мы полагаем, вы проживали. Значит, ваши апартаменты были расположены ниже. Дай-ка второй этаж, Пе-Син-Сын.

Китайченоч шелкнул аппаратом, и на экране появилась та же арка, но выросшая в объеме и занимающая больше места на фотографии.

Нокиеро опять покачал головой.

— Нет, не то, — он потер лоб в неуверенности. — Арка запомнилась мне гораздо ниже окон.

— Пятый, — крикнул директор, потирая руки.

На новом снимке арка съехала вниз, в гущу деревьев. Сейчас же позади нее светлым блином лежал бассейн с тощим фонтанчиком посередине.

— Теперь да, — обрадовался Нокиеро. — Как ни странно, но эту арку помню в таком именно виде. А все остальное забыл. Однако зачем вам все это?

Грузный хозяин ничего не ответил, лишь шелкнул пальцами. Прислужник выключил аппарат и поднял шторы. Нокиеро зажмурился от внезапно залившего комнату яркого солнечного света.

— Этот снимок будет запрограммирован в компьютер, в доказательство того, что вы действительно жили в этой гостинице, — сказал Панча и постучал в панель. — Там на пятом этаже как раз находятся апартаменты мистера Корнелиуса Бомфеллера. Это вам ничего не говорит?

Внизу панели открылась дверца, и оттуда высунулась человеческая рука. Хозяин вложил в вытянутую ладонь фотографию, и рука исчезла.

На радостях Директор глотнул виски с содой.

— Теперь, синьор Нокиеро, расскажите своими словами, что вы запомнили в связи с той квартирой, аркой, и вообще кварталом Гринич Вилледж? А ты Пе-Син-Сын, стенографируй, песин сын!

Китайченоч уселся тут же на полу с блокнотом и карандашом в руках.

Нокиеро с усилием потер лоб.

— Ничего больше не помню, — сказал он с отчаянием. — Вот еще картины запомнились... Картины на заборах, под стенами. И толпы народа.

— И вы покупали картины?

— Не помню. Скорее продавал.

— Миллионерские капризы, — сказал Панча со снисходительной улыбкой. — Живя в шикарном отеле богачей, вы, наверное, не стремились продавать полотна. Вы просто напросто разыгрывали художника. Записал, Пе-Син-Сын?

Китайченоч вырвал из блокнота листок с записью и вручил своему господину. Тот опять постучал в панель и вложил бумажку в высунувшуюся руку.

Затем доллариканцу вспомнилось, как он посещал маленькие театры в подвальных помещениях, играл в шахматы в парке, покупал пластинки и книги в магазине на восьмой улице, просиживал в баре на Пятой авеню.

Все эти обрывки воспоминаний секретарь записывал и скрупулезно высылал в преисподнюю вместе со своими записками и вырезками из газет.

Под конец заседания китаец посадил гостя перед экраном, а сам, накрыв голову черным платком, нацелился на него объективом старинного фотоаппарата и скомандовал: "улыбнитесь!"

— Итак, сеньор Нокиеро, — сказал Панча. — Надеюсь, что вскоре нам откроется ваша настоящая фамилия. Долить вам немного скача?

— Спасибо, я сам, — ответил доллариканец, наливая себе стаканчик доплна.

— Машина все рассчитает и решит, — продолжал хозяин, недовольно морщась. — Так оно будет и в будущем безмятежном обществе. Все вопросы будут решать машины, а выполнять эти решения, а также приказы начальства, будут самые бесстрастные исполнители — специально тренированные обезьяны.

— А люди? Что они будут делать? — спросил доллариканец, выпивая свой напиток и наливая опять.

— Люди будут освобождены от тягости думать и принимать решения. Их удел работать и молчать, — заявил Панча, незаметно отодвигая бутылку скача подальше от гостя.

— Значит мир унаследуют машины и обезьяны? — Нокиеро придвинул к себе бутылку поближе. — А я на это: No quiero! Энтузиасты и торопыги? Смехачи? Не хочу! No quiero! — бормотал доллариканец, дивясь, что бутылка опять убежала, точно живая, на самый конец стола. — Павлики? Бррр!... No quiero!

— Зарядили же вы пропаганду, — сладенько улыбнулся Панча. — Вам позволено. Папаша вас выкупит. А если нет, так зарубите себе на носу: кто не с нами, тот наш враг! А для наших врагов у нас имеются острые топоры, а также есть пианострел — машина для массового расстрела под музыку.

1. В вертолете над островом

Через несколько дней Китти предложила Нокиеро полетать с ней и доктором над городом.

— Посмотришь сверху остров, а заодно сообразишь, как выкрасть этот дьявольский аппарат.

— А нельзя ли мне полетать только с тобой?

— И не думай. Мне нельзя летать одной, без него. Такое условие.

— Почему? Боится, что украдешь аппарат?

— Вероятно. Он всех боится и всех подозревает в злом умысле. Охотнее всего он летал бы один, да не умеет управлять вертолетом. А меня не подпускает к аппарату даже поглядеть. Ключ же всегда у него. Мне разрешено лишь пилотировать, регистрировать реакцию публики, да менять направление волн, манипулируя мегафонами, расположенными на брюхе самолета. Вот и все.

— Удивляюсь, как ты можешь выдержать с ним наедине? — недовольно пробурчал Нокиеро. — Воображаю, какие гнусные предложения он тебе делает. Такой эротоман!

Китти рассмеялась, взяла его под руку и повела в сторону ангара.

— Не ревнуй, милый! Я ведь слишком стара для него. Мне уже двадцать четыре, а ему подавай четырнадцатилетних.

Послеполуденная жара уже спадала, но воздух всё еще был горяч и тяжел от пряных запахов близлежащих джунглей.

— Между прочим, — добавила она, — на площадке нас будет ждать Инесса со своим ухажером, потешным профессором несуществующего колледжа. Им тоже захотелось полетать.

— У него есть какая-то цель, — задумчиво сказал Нокиеро. — Не зарится ли он на аппарат?

На бетонной площадке перед ангаром стоял раскорякой санаторный вертолет. Машина была старая, и казалось, что вот-вот рассыпется. Зеленая краска, которой он когда-то был покрашен, во многих местах облупилась, и фюзеляж был весь в ржавых пятнах, из-за чего геликоптер походил на какое-то пятнистое животное. Впечатление это усугубляли черные трубы мегафонов, расположенных в два ряда под его брюхом, точно сосцы у свиноматки. Доктора еще не было видно. В кабине возилось несколько лолит с тряпками и щетками. Завидев Китти и долариканца, они бросили уборку и убежали, хихикая.

Из ангара выбежала ракрасневшаяся, возбужденная поэтесса. Вслед за ней шел Бом.

— Р...р...р...и...и..., — залилась она своим особым смехом-свистом. — Ну как, детки, летим?

Тайный агент был одет, как полагается туристу в тропиках: на нем были короткие штаны "бермуды", легкая блуза без рукавов и пробковый шлем. На шее у него болтались, стучаясь друг о друга, бинокль, фотоаппарат, магнитофон и миниатюрное радио, а из карманов выглядывали компас, спидометр, лупа, складной метр и другие мудреные приборы.

Вскоре явился Альхиппи со своим чемоданом, наспех дожевывая обед.

— Вы случайно не миллионер? — спросил доктор Бома, привинчивая чемодан к полу вертолета. — Нам до зарезу нужен новый геликоптер. Этот совсем обтрепался.

— Я не миллионер, но у меня большие связи, — веско сказал агент, усаживаясь рядом с Инессой. — Давно хотел познакомиться с вами, доктор. Ваше изобретение имеет огромное будущее и сулит принести вам мировую славу и огромные деньги. Но... — он сделал паузу. — Смотрите, чтобы аппарат не попал в руки иностранных агентов.

Альхиппи поднял перепуганные глаза на Бома.

— Что вы хотите этим сказать? Кажется, я его хорошо охраняю.

Прикрепив чемодан к полу и спрятав отвертку в карман, он сел на свое сокровище.

Китти, в зеленом комбинезоне и колпачке с заячьими ушками, уже сидела в кресле пилота и готовилась к запуску мотора, ожидая, пока механики проверят запас бензина и испробуют винты.

— Я хочу лишь сказать, что вам надо как можно скорее найти финансиста и сдать аппарат в эксплуатацию, — сказал Бом без обиняков. — И сделать это нужно без промедления, пока вашего аппарата не выкрала или не уничтожила одна из лолит.

Альхиппи всплеснул руками.

— Что вы сказки рассказываете? Я в моих лолитах уверен. Это невинные девочки.

— Р...р...р... и...и... — приснула Инесса.

— Тем не менее, среди них есть шпионки, — настаивал тайный агент. — Работают на восточные разведки.

— Не верю, — обрезал доктор. — Трогай, Китти!

— Вы завели пластинку в аппарате, доктор? — спросила девушка-пилот, вертя колесиками и кнопками управления.

— Нет. А что?

— Слышу шипение, словно аппарат стал работать.

Все притихли и прислушались, но никакого шипения не было слышно.

На всякий случай Альхиппи открыл чемодан и стал проверять соединения проводов.

Нокиеро заглянул в чемодан и вежливо спросил, не может ли он чем помочь, но доктор погнал его к черту и велел не совать нос не в свои дела. "Никакого шипения не может быть, так как провода разъединены!" — сердито пробурчал он.

— Может быть мне показалось, — сказала Китти и нажала на газ.

Приминная воздушной волной из-под винтов цветы и траву на клумбах, вертолет стал медленно подниматься в воздух. Постепенно уменьшаясь в размере, отплыли в сторону черепичные крыши лечебницы и крытые толлом флигеля. За окнами открылись новые горизонты: в северной стороне выпятились из синей дымки полукруглые горы, похожие издали на ряд женских грудей, а на юге, за серой массой городских домов, показалась голубая, искрящаяся в солнечных лучах кромка моря.

2. Электронная телепатия

Вскоре вертолет очутился над зеленоватым полукругом залива с берегами, усеянными портовыми постройками и кранами. Рядом с ними на ветру гнулись маленькие одинокие пальмочки. На пустынные пляжи накатывались белые гребни волн и медленно таяли в песке.

В порту поблизости дымили красные трубы грузовых пароходов. Белели паруса рыбачьих шхун и небольших лодочек. А дальше простирался безбрежный океан, от края до края блестя и переливаясь всеми оттенками синевы и зелени. Вдали, на горизонте белели трубы пассажирского парохода.

Внимание летевших на вертолете обратил на себя стоявший у входа в порт большой рыболовный траулер с красным флагом на мачте.

— Разведывательное судно хунхузов, — заметил вскользь Бом. — Нам бы лучше подальше... А пароход с белыми трубами, там далеко на горизонте, это "Эврика".

Описав круг над заливом, вертолет повернул на север.

Случайно Бом уронил что-то, нагнулся и обнаружил под своим сидением небольшую коробку, завернутую в половую тряпку.

— Что... что это? — побледнел Альхиши. — Сейчас же выбросьте за борт!

Однако тайный агент успел раскрыть подозрительный пакет и нашел внутри звукозаписывающий аппарат довольно старой системы с вращающимися с шипением катушками.

— Джемс! — вскрикнула Инесса. — Не держи этой штуки в руках. Это может быть замаскированная адская машина. Бомба!

С этими словами она вырвала коробку из его рук и вышвырнула ее в окно. Несколько секунд все сидели как на иголках, ожидая взрыва предполагаемой бомбы. Однако взрыва не последовало.

— Это была обыкновенная магнитофонная лента. Для подслушивания наших разговоров, — рассмеялся Бом. — Я же вас предупреждал, доктор!

Альхиши сидел без сил на своем чемодане и вытирал платком вспотевший лоб.

— Меня... меня подслушивают. За мной шпионят. И кто? Кто?

— А половая тряпка вам ничего не говорит?

— Да, да! Вы были правы, Джемс. Пусть я только дознаюсь, чья это проделка!

— Как бы то ни было, вам надо поторопиться с аппаратом, доктор, — сказал Бом. — Отдайте его в надежные руки.

— А не лучше бы вам самому повезти аппарат в Доларику? — забеспокоился Нокиеро. — Самому его там и продать?

Бом с возмущением взглянул на своего земляка. "А этот чего тут путается?"

— Господа, мой аппарат не на продажу, — вставил Альхиши без особенной уверенности. — Не забывайте, что он принадлежит лечебнице.

Это заявление было встречено вежливым молчанием.

Вертолет медленно летел над цепью холмов, покрытых густым темно-зеленым ковром джунглей.

— Господа, — заявила Китти. — Я залетела сюда, чтобы вам показать горы, в которых живут человеко-подобные гориллы, создавшие здесь первую в мире народную обезьянью демократию имени Карлы Марлы. Вооружены они чешскими винтовками. Гулять в этих лесах не рекомендуется.

— Все ясно, — добавил Нокиеро. — Бежать сюда нам нельзя.

— Китти, улетай отсюда поскорей, — взмолилась Инесса. — Еще, чего доброго, подстрелят нас из этих самых винтовок.

— Не бойся, дурочка, мы уже вылетели из опасной зоны, — успокоила ее девушка-зайчик, поворачивая на юг. — А сейчас будем пролетать над безхозами директора Панчи. Посмотрите, как работают без-хозники. Над каждым из них стоит Узколобий с ружьем и записывает выработку.

Пассажиры выглянули через окно. Под вертолетом как раз проплывали ряды темно зеленых кофейных кустов, укрытых от солнечных лучей под сенью "мадре де кафэ", то есть развесистых деревьев с кронами, обсыпанными розовыми цветочками. У кустов копошились люди в широких соломенных шляпах. Другие люди сидели и лежали под деревьями.

— Пустить бы на них ваши веселые волны, доктор? — предложила Китти. — Пусть и они потанцуют.

— Нельзя, — сказал Альхиши. — Они безхозники. Им полагается работать, а не танцевать. Если они станут плясать, завтра у нас не будет кофе на завтрак. Лети, как всегда, к парку, Китти! Там пустим волны.

Вертолет на полном газе направился в сторону парка.

— А здорово быстро летает вертолет, — восхищенно сказал Нокиеро. — И далеко он так может залететь?

— Если горючего достаточно, можно залететь в Венесуэлу, — сообщила Китти. — Да только горючего мне всегда отпускают в обрез.

— А что, если прихватить побольше бензинчику и дернуть бы в самую Доларику? — рассмеялась этесса. — Р...р...р...и... Лафа!

— Что за сумасшедшая идея?! — возмутился доктор. — Вертолет не долетит. А если бы даже долетел, как я могу покинуть лабораторию, начатую работу, опыты...

— Лолит... — ехидно встала Инесса.

— А ну их! — махнул рукой Альхиши и открыл свой чемодан. — Это все фантазии, господа!

— Я, однако, считаю, что пора сматывать удочки, доктор! — сказал Бом. — Плюньте вы на Атараксию и полу-помешанных фанатиков. В Доларике вас ждут: слава и деньги. Гарантирую вам, по крайней мере, полмиллиона за ваше изобретение.

— Мало, — буркнул Альхиппи, соединяя провода в аппарате и прикручивая винтики. — Господа, надейте предохранители. Сейчас начнем передачу.

За исключением Китти, которую предохранял от волн ее шлемик, все надели специальные наушники, висевшие возле сидений.

— Миллион, — воскликнул Бом. — И я беру на себя устройство поездки в Доларику.

— Это изобретение неопределимо, — сказал доктор, — Мой аппарат работает на таких коротких волнах, что колебания не улавливаются ухом, а действуют непосредственно на мозг, создавая впечатление, что мысли, внушенные волнами, возникли сами по себе, а не переданы с пластинки.

Инесса вытянула из сумочки тетрадку и стала записывать серебряной авторучкой.

— ...Для приведения механизма в действие, — продолжал изобретатель, — имеется особый ключ.

Он вложил в еле заметную скважину в аппарате маленький ключик и повернул его.

— Теперь аппарат действует, пластинка вертится, но голоса не слышно. Китти, дорогуша, направь пожалуйста вертолет на главную аллею. Там больше публики.

Девушка-пилот повернула, куда было велено.

Завидя вертолет, публика в парке начинала смеяться и махать ему руками. Парочки в аллеях стали обниматься и целоваться в засос. Некоторые бесились, плясали, срывали с себя одежду...

Китти сердито фыркнула и повернула вертолет в другую сторону.

— Р...р...р...и...и... — возбужденно захохотала Инесса, прижимаясь к Бому.

Затем, открыв тетрадь, она стала писать стенографическими закорючками. Бом заглянул ей через плечо, но она быстро захлопнула свою книжку.

Покружив немного над парком, Китти опять свернула в сторону океана. Альхиппи остановил пластинку и все сняли наушники.

— Итак, господа долариканцы, вы воочию убедились в эффективности волн телевнушения, — сказал он, с нежностью поглаживая свой чемодан. — Однако надо вам знать, что мое изобретение исполняет еще одну функцию: посредством этого же аппарата можно весь процесс, так сказать, повернуть в обратном направлении, то есть записать свои мысли на пластинке или передать их на расстояние другому лицу.

— Вы хотите сказать, что таким образом можно мысленно разговаривать друг с другом? — Глаза тайного агента разгорелись. — Молча? Так это же прямо чудеса в решетке. Телепатия при помощи машины.

— Электронная телепатия, — с гордостью определил Альхиппи. — Хотите испробовать?

— Конечно! Очень интересно. Это пахнет вторым миллиончиком...

Доктор вынул из чемодана две пары наушников, не похожих на прежние, и соединил их с аппаратом. Затем стал нажимать кнопки на щитке, пока не замигал зеленый глазок. Тогда он надел наушники и дал другую пару Бому.

Как только тот надел их, в голове у него сразу зашумело от странного напряжения, словно через нее пустили слабый электрический ток. Появились какие-то сумбурные расплывчатые мысли. В этом хаосе он различил лишь слова: "Слышите ли меня? Слышите, профессор?" — настойчиво повторяющиеся у него в голове. Он понял, что это переданный ему мысленно вопрос доктора.

— Слышу, доктор, — ответил он громко.

— Тссс! — зашипел тот, прикладывая палец к губам, и Бом прочел в его мыслях: "Не орите так! Отвечайте и вы мне мысленно, не говоря вслух ни слова и не шевеля губами."

— Хоро... — начал было тайный агент, но вовремя спохватился и закончил в уме: "...шо! Хорошо, доктор! Слышу ваши мысли и все понимаю".

В кабине вертолета было тихо, если не считать монотонного жужжания пропеллера. Все с интересом смотрели на мысленно разговаривающих между собой двух пассажиров в окутаных проводами наушниках. А те сидели молча, как два истукана, и лишь пристально глядели друг другу в глаза.

Инесса, нервничая, стала опять что-то записывать в своей тетради.

— "Это хорошо, что вы меня слышите и понимаете, — мысленно говорил Бому Альхиппи. — Значит, мое изобретение оправдало себя. Я нарочно демонстрирую вам этот аппарат, чтобы поговорить с вами без свидетелей насчет вашего предложения. Конечно, я хочу славы и богатства и чтобы обо мне писали в газетах дифирамбы, а девченки чтоб падали в обморок, слушая мои любовные песенки на волнах телевнушения. И чтобы мне все кланялись, вы меня понимаете... Здесь же я вечно на побегушках у узколобого партийца, которому мой аппарат нужен лишь для укрепления его власти."

Альхиппи оглянулся со страхом, не подслушивает ли кто, забыв, что его никто не может слышать, кроме Бомы.

— "Пусть это все останется между нами, — передавал дальше свои мысли доктор. — Допустим, я приму ваше предложение, но каким образом мне попасть в Доларику? Ведь рыжие меня убьют, когда узнают, что собираюсь за границу. Да еще с аппаратом. Как мне покинуть Атараксию, не возбуждая подозрений? Как избежать погони? Все это очень сложно. Имеется ли у вас какой-нибудь план?"

Пролетев над берегом, вертолет описал широкую дугу и очутился опять над заливом, блестящим как зеркало в ярких лучах южного солнца.

— План у меня, конечно, есть, — мысленно ответил тайный агент, напрягая внимание, чтобы не подумать лишнего. — Видите там далеко в океане белый пассажирский пароход?

Он повел рукой, указывая на линию горизонта.

Все направили туда свои взоры, но только Альхиппи понял, на что он показывает. Остальным пассажирам оставалось лишь догадываться.

— Там ваше спасение, ваша надежда: бесценный увеселительный пароход "Эврика", на котором я сюда приплыл из Нью Йорка. Он будет там стоять еще

несколько дней, — говорил про себя Бом. — Пассажиры парохода куда не торопятся, попивают коктейли, крутят романы и играют в рулетку. Капитан — мой друг, и мы все можем там найти пристанище и защиту. Добраться туда можно на нашем вертолете. Только надо их заранее предупредить, когда думаем вылететь. Как только очутимся на палубе, пароход снимется с якоря и поплывет на всех парах в Доларику. Я уже договорился с капитаном. Дело ведь у нас миллионное, и ему обещана доля. Теперь вам все ясно, доктор? А чтоб тебя!... Нос чешется... И что это Инна все пишет своими закорючками?

Последние слова он подумал произвольно, забыв, что его слушает Альхиппи, но тот лишь улыбнулся и радостно закивал головой.

— Ясно, все ясно, профессор, — передал он ему мысленно. — Этот план имеет шансы на успех.

— Значит, согласны?! Теперь остается лишь обсудить подробности. Однако предупреждаю: По дороге нас подстерегает траулер хунхузов. Они тоже точат зубы на ваш аппарат. У них есть пулеметы и вооруженный катер. Наверно попытаются нам помешать. А вот у Инессы юбочка слишком коротка. Извините, доктор за посторонние мысли. Сами лезут в голову.

— Это мелочь, профессор. С каждым может случиться. Люди еще не привыкли, чтобы их мысли читали посторонние... А насчет поездки мы все обсудим после. Только вот как быть с нашими друзьями? Посвятить их в наши планы? Они тоже хотят бежать.

— Обязательно сказать им. Я хочу взять с собой Инессу, а Китти не полетит без Нокиеро.

— Значит, договорились. Передача мыслей кончена, и я закрываю аппарат.

Со вздохом облегчения Бом снял наушники и передал остальным содержание разговора с Альхиппи и принятое ими решение бежать сообща из Атараксии. План его всем пришелся по душе. Всем вдруг захотелось поглазеть, хотя бы издали, на Эврику, и Китти даже было направила вертолет в сторону открытого океана, но доктор велел ей повернуть обратно в лечебницу.

— Мы должны возвратиться домой как обычно и не менять нашего образа жизни, — сказал он. — И никому ни слова.

— Что ж! Бежать, так бежать, — сказал в раздумье Нокиеро. — Все вместе. В вертолете. Это еще куда ни шло. Жалко только оставшихся пациентов. Со многими из них я сдружился. Нормальнейшие в свете люди, а посажены под предлогом помешательства. Как в Азии. Освободить бы их всех, а лечебница пусть пропадает. Вместе с левшами, рыжими, энтузиастами, смехачами... Они ведь уроды!

Альхиппи подскочил на кресле, как ужаленный.

— Нет, нет, — воскликнул он. — Вы ошибаетесь. Они не уроды, они тоже нормальные люди. Это только у левшей да Узколобых, как у всех партийцев, действительно мозги набекрень, остальные же па-

циенты нормальны, как мы с вами. Это лишь доктора и, грешным делом, мы — био-химики, по требованию Панчи, довели их своими препаратами до такого состояния. Вы сами уцелели лишь благодаря Диогену.

— А торопыги? А павлики? Ваши "хомункулы?"

— Все они временно находятся под влиянием некоторых гормонов и наркотиков. Теперь, когда мы все здесь сидим, так сказать, в одной и той же калоше, могу вам сказать правду: мы их ежедневно пичкаем лекарствами, каждого пациента другим, и таким образом на время превращаем их в смехачей, торопыги и так далее, для экспериментальных целей. Стоит мне закрыть сейф с препаратами и не выдавать им гилюль, как все они вернутся в нормальное состояние.

— Вот как? — удивился Нокиеро. — Так вот, знайте: мы с Китти не полетим, пока вы не уничтожите эти пилули. Чтобы не было больше уродов.

— Хорошо, — согласился тот. — Уничтожу.

— Вижу, Нокиеро, что ты все гнешь свое, — сказала Китти. — Ты бы еще и лабораторию разрушил.

— Конечно. Если там вырабатываются средства для порабощения людей и укрепления марксобесия, это заведение аморально, и следует взорвать такую лабораторию, да и лечебницу туда же... Пропади она пропадом, вместе с рыжими и левшами. Конечно, раньше надо увести прочь неповинных пациентов.

— Вы, Нокиеро, повидимому, обуяны бесом разрушения, — вставил Бом. — Во имя борьбы со злом вы готовы уничтожить все, что стоит на пути. Это называется выливать воду из ванны вместе с ребенком. В жизни необходимы компромиссы.

— В наш век нужны крутые меры, — ответил тот. — А у вас на уме лишь заработок, карьера, удачная торговая сделка...

— А вам какое дело, что у меня на уме? Не суйте нос, куда вам не полагается.

— Дудки! Буду совать. И посмотрим, чья возьмет.

— Господа, не ссорьтесь! — вмешался Альхиппи.

— Поговорим спокойно. Итак нас будет пять человек.

В вертолете найдется место еще для одного пассажира. Предлагаю задержать это место для профессора. Не знаю, согласится ли он бежать с нами, но сам должен понимать, что Атараксия для него потеряна. Ведь он сам развязал темные силы, с которыми ему не справиться. Так что берем Диогена?

— Обязательно берем, — сказали в один голос девушки. — Жалко оставлять старика.

— А я вам заранее говорю, что он не согласится бежать, — вставил Нокиеро. — У него другое на уме...

— Как бы то ни было, я ему предложу, — сказал Альхиппи. — Конечно, в самый последний час, чтобы не разболтал. Какой день сегодня? Воскресенье. Ладно. Назначим наш вылет на среду, после съезды. Мне нужно время, чтобы подготовиться, сжечь кое-какие бумаги, отобрать нужные формулы...

— Чертежи аппарата внушения, — забеспокоился Бом.

— Само собой разумеется, — улыбнулся доктор. — Помните, господа, ведите себя, как ни в чем не бывало, никаких сборов, чемоданов, не берите с собой ничего лишнего. И полный молчок. Слышишь, Инесса?

— Слышу, знаю, — обиделась поэтесса. — Вы уж обо мне не беспокойтесь, доктор. Я и в Долларике не пропаду. Зато вам придется там смотреть в оба, а то влипните... хи... хи...

— Не понимаю, почему?...

— А потому, что в Долларике за растение малолетних девочек сажают в тюрьму. Р...р...и...и...

* * *

Когда вертолет шел на посадку, пассажиры заметили, что возле ангара толпится необыкновенно много народа, а посадочная площадка окружена вооруженными людьми.

— Неужели вывелили? — выдавил из себя Альхиши, побледнев. — Господа, что бы ни случилось, ни в чем не признавайтесь.

Быстро отвинтив свой чемоданчик, он крепко зажал его под мышкой.

Как только вертолет приземлился, его окружили рыжие с револьверами и винтовками на изготовку.

— Руки вверх! — кричали они. — Который из вас доллариканский шпион? Выходи, проклятый "гринго"!

Когда пассажиры вышли из кабины, всех, кроме Нокиеро, пустили восвояси, а на него надели наручники и отвели в сторону.

С пеной у рта к нему подскочил Курара и закатил доллариканцу оплеуху.

— Ага, попался наконец, проклятый шпион Уолл Стрита, — кричал он, прыгая как петух на своих когтурнах. — Оказывается, ты вовсе не сын миллионера, а мошенник, самозванец. Под суд, под суд пойдешь, и наконец-то я тебе сыграю похоронный марш на одних черных клавишах.

3. Чрезвычайно эмоциональный молодой человек

Рыжие втащили Нокиеро на чердак и втолкнули его в душную каморку под самой крышей. Когда его тянули, он брыкался, ругался и пытался съездить солдафонам в зубы. В отместку те лупили его, куда попало, и напоследок трахнули так крепко по голове, что он без сознания грохнулся на пол.

Когда он пришел в себя, ему показалось, что у него не голова, а треснувший горшок. И точь-в-точь, как две недели назад, когда он очнулся в парке с разбитой макушкой, теперь у него тоже невыносимо болела башка и чудилось, будто он лежит на дне пропасти или в колоде. И снова, как тогда, ему показалось, что быстрый тихий лифт несет его наверх.

Однако была разница между тем, что было тогда и теперь. Тогда его мысли затуманило, а теперь в голове прояснилось. Тогда он все забыл, а теперь,

как будто, вспомнил... Да, да — вспомнил. Ах, какое счастье! Вспомнил сразу, кто он такой, как называется, где жил до сих пор и как попал на этот негостеприимный остров. Все вдруг стало на свое место.

А может быть ему лишь приснился кошмарный сон и он на самом деле не на острове Таракани, в тюрьме у рыжих, а у себя дома, в нью-йоркской квартире? Башка же трещит после вчерашней попойки... Если так, то сейчас придет Анэта и капризным голосом станет что-то требовать... в чем-то его упрекать... — Нокиеро поморщился недовольно.

— Да нет! — обрадовался он. — Она же ушла навсегда и еще хлопнула дверью на прощание."

Он с наслаждением стал предаваться воспоминаниям, как от него ушла невеста, хотя в свое время он из-за этого чуть не сошел с ума.

— "Теперь у меня Китти, — подумал он радостно. — А может она лишь приснилась?"

Он приоткрыл глаза и, приподнявшись на локте, осмотрелся. Стены каморки, где он лежал на полу, были сколочены из нетесаных досок, через щели которых пробивались лучи заходящего солнца. Оконце под потолком было затянута решеткой из заржавленной проволоки. Определенно — это не его квартира!

— "Слава Богу! — подумал он, — я действительно в кутузке у рыжих, и, значит, Китти существует на самом деле, находится где-то недалеко и любит... любит меня, любит..."

Сердце у него запрыгало от радости.

Несмотря на то, что в темени ныло от тупой боли и в висках стучали молоточки, на душе у него было легко и мыслям просторно, словно какая-то, заевшая было пружинка в голове стала опять действовать. До сих пор будто черная пелена окутывала ему мозг, теперь же, после удара прикладом, в голове у него разъяснилось, словно он вышел из темной комнаты на солнечный свет.

Конечно, он не миллионер — надо же такое выдумать, — а художник-портретист, к тому же довольно известный и прилично зарабатывающий, по фамилии Рольф, Роберт Рольф, и живет он, ха...ха! действительно живет он в гостинице, как раз напротив Арки, снимая там небольшой номер на пятом этаже, — в этом чудной компьютер Панчи отнюдь не ошибся.

Может быть, там и жили рядом с ним миллионеры Бомфеллеры, да он этим не интересовался.

Попытался встать на ноги, но голова так закружилась, что он опять плюхнулся на пол.

В камере совершенно не было мебели, только в углу лежала плетеная из пальмовых листьев циновка, а рядом стоял выщербленный кувшин. Боб-Нокиеро подполз к нему и напился воды. Тепловатая и мутная водица в кувшине показалась ему напитком богов.

Затем он предался воспоминаниям о своей прежней жизни, так основательно забытой после встречи с обезьяной-партизаном в парке. И зачем, собственно, его дернуло поехать на этот дурацкий остров?...

...Недели две или три назад выдался такой неудачливый день, когда показалось, что все шишки на

него валяются: В местной газете критика раздражила его картины; почему - то отказало несколько заказчиков, и в довершение всего, хлопнув дверью, ушла к другому Анэта. В тот день он не мог найти себе места, не был в состоянии ни работать, ни есть, ни пить... Впрочем, пить он мог. Расхаживая взад и вперед по ателье, он пил виски прямо из горлышка, с ненавистью поглядывая на неоконченный портрет Анэты в углу. Затем глупо, с остервенением стал пачкать красками портрет изменившей ему девушки.

Теперь он видит, что то была ребяческая выходка, но тогда уязвленное самолюбие жаждало мести.

— На! Получай, неблагодарная тварь! — кричал он в иступлении, замазывая ей волосы зеленой краской. — На! На! — хлестал он по портрету короткими ударами кисти, точно пыряя кинжалом, испещряя полотно разноцветными мазками. Напоследок, запустив ей в лицо переспелым помидором с подоконника, он бросился к выходу.

В ближайшем баре он заказал себе двойную порцию "скоча".

— "В древности, кажется, жили такие философы, стоики, которые приучали себя никогда не волноваться и наплевательски переносить неприятности, — думал он, посасывая шотландское виски. — Вот бы мне... Впрочем алкоголь тоже годится".

И он заказал второй стаканчик "дабл скоч".

Хотя вокруг кишело от наркоманов и ему ничего бы не стоило достать героина или марихуановых сигарет, он даже не допускал мысли об этом. Издавна он чувствовал отвращение к наркотикам.

Вообще он не был типом художника из богемы, — разгуливавшего в красочных отрепьях и косматого, как шавка. Он любил одеваться опрятно, даже элегантно, и походил скорее на дельца с "Мэдисон Авеню", чем на художника из "Гринич Виллэдж". Даже свою бородку клинышком он носил как дань своей профессии, чтобы хоть чем-нибудь придать себе артистический вид.

Домой в тот день он не вернулся. Всю ночь шатался по улицам, кабакам, дремал в ночных кино и заснул наконец в парке, свернувшись калачиком на скамейке, пока его не согнал полицейский. И все это он проделывал из какого-то ребяческого упрямства, словно назло судьбе и самому себе, одновременно созная в глубине души всю нелепость своего поведения. Однако, он не мог так сразу вернуться в нормальную колею жизни: с самого детства он был болезненно чувствителен ко всякого рода неудачам, долго их переживая и пережевывая.

Следующий день опять бродяжничал. Под вечер, на Таймс Сквере ему попалась на глаза афиша греческого пароходного общества. На рекламе были изображены джентльмены в белых смокингах и дамы в бальных платьях, танцующие среди пальм или играющие в рулетку за длинным столом. На афише была надпись: "Хотите забыть? Уйти от повседневных забот? Поезжайте с нами на увеселительную прогулку на роскошном пароходе "Эврика" по Караибскому морю! Игорное казино, морские развлечения,

экскурсии на берег живописного острова Таракани, где жители всегда счастливы и отплясывают эротические танцы на улицах..."

В бумажнике у него осталось всего несколько долларов, но зато там была кредитная карточка одного из банков. Взглянув на часы, прикинул, что до отплытия "Эврики" остается еще часа два. Можно успеть. Недолго думая, он зашел в первое попавшееся бюро путешествий и купил билет второго класса на экскурсию на "Эврике". Благо кто-то отказался в последнюю минуту, и для него нашлась свободная каюта.

Свистнул такси и уже через полчаса тянул виски с содой в парходном баре. Наверху редела сирена, кричали чайки, а он мрачно сосал свой "гай-бол", размышляя о непостоянстве счастья на земле, и о том, что хорошо бы вычеркнуть из памяти прежнюю жизнь, всё забыть и начать жить наново, без баласта воспоминаний...

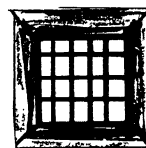
— "Эх, дурак я был... — подумал Боб, лежа пластом на полу каюти. — Подумаешь, какое несчастье! Невеста изменила... ха!... Вот и потерял память. В паценты в сумасшедшую лечебницу попал... Еще хорошо, что меня тут приняли за пропавшего миллионера, а то бы превратили меня в какого-нибудь торопыгу или смехача... Бррр... Пока я разыгрывал богатея, все за мной ухаживали. И профессор, и Панча, и Клинт... Да и Китти..."

Как только он подумал о Китти, ему показалось, что померк солнечный свет. Улыбка сошла с его лица, и он застонал, точно от сильной боли.

— "А что... если она тоже принимала меня за миллионера и потому... А теперь, когда узнает, что я лишь бедный художник, не захочет меня знать?! Нет! Нет!"

Обхватив голову обеими руками он стал кататься по полу.

— "Не может быть, чтобы все женщины были такие!... Анэта... и Китти!.. Не может этого быть!"

4. Концерт состоится при любой погоде

Общее собрание безмятежных в Атараксии должно было состояться в понедельник утром, в Большой аудитории. Председателем был назначен один из старых активистов - казуистов, по прозвищу Сатир.

Принять участие в собрании должны были все партийцы, как левые, так и лево-правые, а также сексоты и энтузиасты, окончившие курсы

без-грамоты. Многих обитателей Атараксии – рабочих, санитаров и пациентов поневоле собрание не интересовало – политика стояла им всем поперек горла. Зато для рыжегвардейцев, левшей и всевозможных дважды и трижды товарищей, а также для многих платных пациентов, помешанных на политике, общее собрание являлось важным событием их жизни, так как на нем должно было решиться, чья линия победит: Директора ли Панча-Ли или Клина?

Кроме этих двух фракций, существовали еще мелкие группировки безмятежных, именующих себя то право-левыми, то лево-право-левыми, то лево-лево-правыми, то рыжими в полоску или в клетку, однако, никто не принимал их всерьез.

В общем считалось, что победит Панча, так как в руках его узколовых бюрократов были сосредоточены все нити управления лечебницей, им подчинялись доктора, медсестры, рыжие штурмовики, в их руках находились ключи ко всем кладовкам, кассам и складам. Кроме того, в джунглях стояли наготове их воинственные союзники – обезьяны-мраксисты.

Однако и Клин со своим подземным царством левшей не мог быть сброшен со счетов. За последнее время он сумел нанять в ряды своей полиции Внубеза сотни две-три энтузиастов-левшей, вооружил их и обучил военным приемам. В результате они подняли голову, и временами казалось, что вся лечебница кишит бритыми башками и синими передниками. В пику рыжим, левши норовили вскобывать свой нос, третиговали пациентов, требуя, чтобы те утром обязательно вставали с левой ноги, за едой держали вилки и ножи в левой руке, а хирурги оперировали только левой рукой.

Неудивительно, что между левшами и рыжегвардейцами все чаще и чаще происходили столкновения, доходило до драк и даже стрельбы.

Не имея ни партбилета, ни нужных удостоверений, Инесса даже не пробовала пробраться на заседание и решила послушать, о чем там будет говорить, через магнитофонный перехватывающий аппарат, имеющийся у Бома.

Позади здания Большой аудитории простиралась площадь с театром для концертов и митингов под открытым небом. Теперь там лихорадочно шла подготовка как бы к театральной постановке. У самой стены здания рабочие строили подмости и расставляли стулья. Инесса остановилась и стала глядеть на необычайные приготовления.

Широкоплечие грузчики пыхтели над старомодным пианино, пытаясь втянуть его на эстраду.

Покрикнув и ругаясь, среди рабочих вертелся на своих котурнах рыжий пианист Курара.

Завидев проходившую мимо Инессу, он притворно залебезил:

– Мое вам низжайшее почтение, великая поэтесса! – раскланялся он с ухмылкой.

– Здравствуйте, – ответила она холодно. – Что это тут у вас за сооружение?

– Приготовления к завтрашнему процессу. Разве не знаете?

– Какой процесс? – удивилась она. – Впервые слышу.

– За саботаж и халатность будут судить бухгалтера Пифагора. Да долариканца Нокиеро. Вы, кажется, с ним знакомы?!

– За что же его? – пролепетала Инесса.

– Как за что? За шпионаж и военные преступления совершенные им во время Испанской войны в 1898-ом году. Суд у нас справедлив и без-пристрастен. Приговор тут же будет приведен в исполнение. Вон там рабочие тащут пианострел на эстраду. А я на нем сыграю осужденным похоронный марш.

Он горделиво приосанился и скривил рот в злой улыбке.

– Не забудьте передать вашей подружке Китти, что концерт состоится при любой погоде.

Он отвернулся и накинудся на грузчиков, пыхтевших над странным инструментом.

– Эй, вы, олухи безмятежные! – крикнул он испуганно. – Почему затолкали пианино в самый левый угол эстрады? Подвиньте-ка его чуть вправо, простофили! Правее, еще правее...

– А ты, рыжий, лучше заткнись со своим "правее!" – вдруг огрызнулся, сопровождавший рабочих, человек в кепке и синем переднике. – Все вправо норовишь. А должно быть "влево", понял? А то в тебя самого пулью чичас из этого пианина. Я сам настройщик и понимаю, какие клавиши к чему.

Важно надутый Курара сразу съезжился, обмяк и, пролепетав что-то неразумительное, незаметно ступешался.

Перепуганная Инесса вернулась к себе в комнату и, не застав там Китти, оставила ей записку о грозящей Нокиеро опасности. Затем побежала, что есть духу, в Галерею ужасов, где ее должен был поджидать Джемс. Она уже и так изрядно запоздала.

Возле Аудитории кишело от возбужденных политиканов, называющих себя безмятежными. Странники Клина размахивали в воздухе левыми кулаками, а приверженцы Панчи – обоими.

Махнув на них обеими руками, Инесса побежала дальше, к дальним окраинам лечебницы, где за ангаром и посадочной площадкой для вертолета виднелись очертания лунапарковых сооружений: карусели, качели, павильоны Веселого домика, Галереи ужасов и Туннеля любви... По случаю партийных собраний все эти заведения были временно закрыты для публики, и огни в них потушены.

Для того, чтобы попасть с заднего хода в Галерею ужасов, надо было нажать одну из досок в стене деревянной пристройки.

Найдя пристройку, она стала нажимать все доски поочередно, пока наконец одна из них не поддастся. В стенке открылся узкий проход. Осторожно ступая, Инесса вошла в образовавшуюся дыру, но оступилась и полетела вниз – прямо в объятия Бома.

— Вот и ты, "дарлинг"! — обрадовался он, целуя ее в губы. — Жду не дождусь.

— Р...р...р...и...и... — разразилась она счастливым смехом-свистом. — Ах, как я напугалась. Ну, покажи, Джемсик; как ты здесь устроился, в этой ужасной галерее? Правильно, что ты убрался с их глаз долой, а то, чего доброго, приняли бы тебя тоже за шпиона и поволокли на суд, как Нокиеро.

— После того, как его схватили, я больше Панче не доверяю. Здесь спокойнее. Поселился я здесь в нише, изображающей монашескую келью во время чумы. Представь себе, пью утром кофе, а вокруг полно крыс и валяются трупы зачумленных. Только ты не пугайся, то все чучело.

Тут он скорчил такую мину, что сам стал похож на восковое чучело. Инесса чуть не лопнула со смеху.

5. Не больше одной сигареты в день!..

Боб-Нокиеро провел беспокойную ночь. Его лихорадило, ныла свежая шишка на голове и мучила жажда, так как воды в кувшине не хватало надолго. Кроме того, его одолевали сомнения насчет искренности девушки-зайчика и терзала тревога за свою жизнь: а что, если его действительно расстреляют? Не хотелось погибать так рано и так глупо. И как раз теперь, когда у него появился гениальный план уничтожения не только зловредных изобретений доктора Альхиппи, но и самой Атараксии с ее опасными фанатиками-нелюдьями.

Утром в двери звякнул ключ и вошел стражник с подносом. К изумлению Боба, там оказалась яичница с ветчиной, гренки, джем и чашка кофе. Поставив поднос с завтраком на пол, стражник почему-то подмигнул. Затем, не говоря ни слова, ушел.

Первым делом Боб схватил чашку кофе и выпил ее до дна. Затем принялся за еду. Под блюдецком нашел одну сигарету и несколько спичек. Чуть не запрыгал от счастья, так как очень было похоже на то, что завтрак прислала Китти. Одна сигарета! Это значит, чтобы он не курил слишком много... Боб с наслаждением закурил эту одну единственную и начал раздумывать, почему, собственно, сторож подмигнул? Не спроста, вероятно. А вдруг где-нибудь спрятано ее письмо?!

Он внимательно осмотрел тарелки и чашку, развернул бумажную салфетку и обнаружил в ней мелко исписанный листок бумаги.

Сразу узнал милый почерк, и сердце у него забилось сильнее от радости.

"Дорогой мой, милый Нокиерчик, — писала она. — Какой злой рок тебя преследует? Мы с профессором Диогеном решили, что тебя арестовали по ошибке и пошли к директору требовать твоего освобождения. Да не тут то было. Не можешь себе представить, какая шляпа наш профессор! Было время, когда он был настоящим хозяином, а теперь его и слушать не хотят. Начать с того, что ждали мы с профессором целый час в приемной, пока наконец этот жулик, который лишь благодаря профессору стал директором Атараксии, соблаговолил нас принять. Окружен он китайчатами, Узколобыми, рыжими и подобной пакостью. Все они взбудоражены, бегают, как оглашенные, — ведь у них сегодня выборы. Панча не захотел даже слышать о том, чтобы тебя освободить, и разразился площадной руганью, заявив, что ты самый обыкновенный жулик и шпион. Оказывается, что старый Бомфеллер, получив от Панчи твою фотографию вместе со сложными вычислениями компьютера, отослал все обратно с решительным опровержением.

Так что кланялись денежки нашему самодуру. И его компьютер опять опростоволосился. Вот Панча и злится. Правду сказать, я всегда сомневалась в твоих миллионах. Скорее всего, ты тип артиста или художника. И очень впечатлительная натура. Ведь все твои поступки и намерения имеют сугубо эмоциональный характер... Чтобы тебе это в дальнейшем не повредило. Прости за откровенность, милый!

Сегодня с ужасом узнала, что завтра над тобой состоится суд за шпионаж и военные преступления, якобы совершенные тобой в Испанскую войну. Думала, что ослышалась, но оказалось, что тебя действительно обвиняют в жестокостях, совершенных почти сто лет назад. Громко протестуй, ни в чем не признавайся и отрицай свою вину. Ведь тебя тогда не было на свете. Конечно, для узколобых нелюдей это не доказательство твоей невинности, но все таки может послужить смягчающим вину обстоятельством.

Главное, не унывай, мой милый, и не забывай, что кто-то тебя любит и делает все возможное, чтобы тебя вытянуть из беды. Без тебя мы не полетим, как было наместили вчера в вертолете. Письмо сожги немедленно. Целую тебя крепко! Твоя К.

Р. S. Посылаю тебе лишь одну сигарету, чтобы ты опять не раскурился. К."

— "Значит, любит... любит", — счастливо рассмеялся Боб, прочтя письмо. — "Эка важность—суд, тюрьма, по сравнению с этим?! И даже перспектива курить всего-навсего одну сигарету в день?!"

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

1. В Галерее ужасов

Ниша в Галерее ужасов, где скрывался Джемс Бом, оказалась довольно уютной холостяцкой берлогой. На первом плане, на сцене там стоял грубо сколоченный дубовый стол, за которым сидели фигуры пирующих монахов. Позади стола, в углу раскорячился крытый козлиной шкурой топчан, служивший тайному агенту ложем. На стенах висели домо-тканые ковры. В головах топчана стоял окованный железом средневековый ларец, наполненный фруктами и закусками, заблаговременно принесенными из столовой первого класса. На колченогом музейном табурете поблескивала звездочками пузатая бутылочка коньяка, а рядом стояли две оловянные кружки, буквально оторванные от уст монахов, пирующих за столом.

На полке у изголовья скалил зубы потемневший от древности человеческий череп. Изнутри его доносился утробный голос, время от времени прерываемый непонятными окриками и свистом. Там находился электронный передатчик, соединенный с микрофонами, которые тайный агент заранее прикрепил к председателскому столу в Аудитории.

Искусно запрятанные в изломах карнизов электрические лампочки светили рассеянным светом, так что в келье царил весьма романтический полумрак. Скинув с себя одежду, Инесса и Джемс лежали на топчане, наслаждаясь только что пережитым любовным экстазом...

Собственно, вместо того, чтобы заниматься любовными делами, тайному агенту следовало бы прислушиваться к речам, произносившимся на собрании, но он целиком положился на магнитофонный записыватель и только между одним поцелуем и другим, слушал краем уха, о чем говорилось наверху.

— Ты чудесная, Инесса! — шептал он, целуя ее в губы, волосы и вообще, куда попало. — Хорошо, что ты пришла ко мне. По крайней мере здесь мы свободны от чужих взглядов. Только вот дураки наверняка бубнят. Ну их к черту!

"... Товарищи безмятежные! — нудно тянул тем временем голос из черепа. — Станем лево-правой грудью за идеи трижды товарища Панча Ли! Сомкнем ряды и могучим лево-правым шагом помаршируем в светлое безмятежное будущее!... Поклянемся лево-правой рукой в верности директору Панча-Ли!"

Голос оратора утонул в громе аплодисментов, свиста и улюлюкания аудитории.

"У...у...у", — гудели недовольные. — "Долой его, мы маршируем левым шагом..."

— А вот Диогену так и не разрешили говорить, — заметил вскользь Бом, целуя Инессу в розовое ушко. — Слово он здесь сбоку припека.

"Да здравствует трижды директор, Панча Ли! — орал другой голос в черепа. — Неутомимый борец за безмятежный упокой всех, кто с ним несогласен."

Вырвавшись из сладостного оцепенения, Инесса вынула из сумочки свою серебряную ручку и что-то записала в тетради.

Бом покосился на ее каракули, но промолчал. Тем временем в черепа заговорил сам Панча.

"В будущем мы будем расправляться с нашими противниками по-безкультурному, без жестокостей, не применяя старых варварских методов концлагерей, пыток и газовых камер, — говорил он загробным голосом. — В первую голову, после прихода к власти в любом государстве, мы, при помощи аппаратов для чтения мыслей, выявим наших врагов и всех их гуманно уничтожим. Мы же гуманисты..."

В зале опять раздались хлопки и улюлюкания.

"Перед тем, как казнить, мы их подвергнем действию расслабляющего препарата, чтобы они раскашались и сами потребовали своей казни, которая будет совершена с роскошной пышностью. В зале, декорированной цветами, при звуках музыки, они сладко уснут под действием лучей-лазеров, которые тут же их распылят в воздухе, так что не надо будет их ни хоронить, ни сжигать".

— Веселенькие перспективы! — поморщился Бом. — А что, если его самого кто-нибудь вздумает распылить в воздухе с роскошной пышностью?

— Он же нелюдь! — пожал плечами Инесса. — Я их раскусила. Все они такие. Давай, пока забудем о них!...

И она страстно прижалась к своему любовнику, но он, поласкав ее немного, опять стал слушать голос кандидата в диктаторы мира.

"Земле грозит перенаселение, — продолжал замогильный голос в черепа. — С целью избежать голодной катастрофы, мы, с одной стороны, ограничим деторождение, а, с другой, будем ускорять массовую смертность. Закроем госпитали, кроме предназначенных для начальства, упраздним большинство медицинских школ, запретим врачебную практику и сократим производство лекарств. Люди должны будут умирать сами, и то в ускоренном темпе, чтобы освободить место для следующих поколений. На дорогах пусть будет разрешена любая скорость — надо дать автомобилистам возможность разбиваться и давить

друг друга, сколько угодно. Ко всем больным и раненым будем применять эвтаназию, то есть умерщвлять их сразу без долгих разговоров. Будут поощряться самоубийства и дуэли, а наказания за совершение убийств будут упразднены. Может быть, убийцам будут даже выдаваться награды. Зато запрещено будет какое-либо милосердие, и всякая помощь ближнему будет преследоваться со всей строгостью закона."

— Там у них настоящий инкубатор ядовитых микробов, — заметил тайный агент. Не дай Бог, если эти нелюди расползутся по земле.

"Любовь к ближнему — долой!" — продолжал хрипеть череп у них над головой, точно сама смерть вошла в него и обрела дар речи. — "Социальную помощь — долой! Всякая забота о бедных, голодных и больных способствует сохранению жизни самого малоценного элемента, который должен быть стерт с лица земли..."

Когда крики улеглись, был объявлен перерыв.

— После таких речей хочется промыть уши, — заявил Бом и плеснул коньячку в оловянные кружки на табуретке. — Выпьем с горя, Инночка! К черту всех реформаторов!...

— Твое здоровье, Доларикано, "милый"! — слово "милый" она сказала по-русски. Бом ничего не понял и лишь вытаращил глаза.

Любовники выпили и закусили солеными орешками. Налили по второй.

— Р...р...р...и... — засвистела на свой лад Инесса. — Ты мировой парень, Джемс! И уголок тут шикарный. Микрофонов нет?

— Нет. Здесь нас никто не подслушает. Ни левши ни правши, ни македонские шпионы ни...азиопские.

— Вот это здорово! Теперь пошевели мозгами, мой милый, как спасти твоего соотечественника? Курара хочет его шлепнуть. А Китти в нем души не чаёт. Надо ему помочь! К тому же, Нокиеро действительно не шпион, а турист, забредший сюда совершенно случайно.

— Во-первых, если в него станут палить из пистолета, ему ничего не станется, — сказал Бом, хитро улыбаясь. — Ночью я повинымаю из пистолетов в задней стенке все патроны.

— Ишь ты! — воскликнула с восхищением Инесса и поцеловала его в губы. — Да ты гений, Джемс!

На нее явственно действовал выпитый коньяк.

— А во-вторых, откуда ты знаешь, что он не шпион? Я в этом не так уверен, — сказал Бом, хлебнув коньячку из кружки.

— Не уверен, потому что не знаешь...А я знаю... Глаз у меня наметанный. Я многое знаю...р...р...и... — рассмеялась Инесса. — Я даже знаю все о тебе.

Тайный агент поперхнулся от неожиданности.

— Да неужели? А ну, скажи!

Паясничая, поэтесса прижала рот к его уху и шепнула:

— Ты, гений... Доларикано!

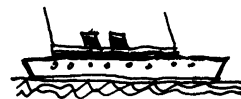
— Это я уже слышал.

— Кроме того ты... тайный агент АйАйАй.

Джемс скорчил кислую мину и с укором взглянул на свои часы с огромным циферблатом.

— Это... Потому что часы?...

— Да нет, р...р...р...и... я знаю точно: Ты начинающий детектив-любитель, поступивший в Велико-гренландскую разведку АйАйАй в поисках приключений и посланный сюда для похищения аппарата телевнушения, — выпалила она одним духом. — Вот, кто ты! Р...р...р...и...

2. Горе Гориллович — писатель из джунглей

Погруженная в невеселые мысли, Китти бежала в ангар и в одной из аллей с разбегу наскочила на стоявшую там гориллу в партизанской круглой шапке. Девушка-зайчик вскрикнула и отпрянула в перепуге. Однако человеко-обезьяна не проявляла никаких враждебных намерений. Она смотрела кротко, и в глазах ее было такое просительное выражение, что Китти остановилась. Ее поразило, что под мышкой горилла держала толстую тетрадь.

Тут Китти вспомнила, что некоторое количество обезьян из леса служило в охране лечебницы и санитарями. Они были поголовно грубые солдафоны, но никого не трогали и не вмешивались в местные дела. Слепо верили в Карлу Марлу и читали только свою "Правду Джунглей." Разговаривать с ними по-человечески было невозможно: их речь состояла из одних лишь заученных штампов и партийных лозунгов.

— Товарищ летчица, — сказала горилла мягким грудным голосом. — Вы вот счастливая!... Вы летаете всюду... Если захотите, можете даже улететь за море. А я тут прикован к джунглям, как проклятый, как раб. . . Когда полетите следующий раз, пожалуйста возьмите меня с собой. Мне так хочется узнать, что находится дальше, за островом...

Китти опешила и не знала, что ответить. До сих пор ей не приходилось разговаривать с гориллами.

— Что?... Зачем?... — залепетала она. — Я не имею права... Зачем вам лететь? Разве вам плохо в лесу?

— Плохо, товарищ летчица, — тихо сказал человек-обезьяна, оглядываясь. — Живем мы, точно в клетке. Наши политруки только и твердят: Карла Марла да Карла Марла. А ведь всем известно, что Карла Марла выдуман лишь для обезьян, и что в остальном мире обходятся без него и все живут по-человечески. И я тоже хочу пожить по-человечески. Умоляю вас: возьмите меня с собой. Зовут меня — Горе Гориллович, и я член Союза Писак Обезьяньей Народной Демократической Республики острова Таракани. Но я с ними не желаю иметь больше дела.

У человека-обезьяны глаза были грустные, с волокой. Ей стало его жалко, но как она могла ему помочь? Голова у нее была забита мыслями о том, как спасти Нокиеро и бежать с острова, а тут возись теперь с обезьяньим перебежчиком! И Китти решила дипломатически сплавить назойливого просителя.

– Дорогой Горе Гориллович, – сказала она мягко, – мне очень вас жаль, но, к сожалению, сейчас ничего не могу для вас сделать. Однако, как только представится возможность, возьму вас пролететься в вертолете.

– Спасибо, товарищ летчица! – просияла горилла. – Ловлю вас на слове. Я вам помехой не буду. Так хочется попасть в свободный мир, найти издателя для моей книжки. Я ведь написал роман... – он замаялся, – подпольный... разоблачительный... По ночам писал...

Торопливо, с лихорадочным блеском в глазах, он вытащил из-под мышки потрепанную тетрадь и стал совать Китти под нос исписанные мелким почерком листки.

– Хорошо, хорошо... – Китти решила отвязаться от новоявленного писателя из джунглей. – Хорошо, Горе Гориллыч. Я займусь и вашим романом, только не сейчас, погода. Сейчас мне некогда. Простите.

Энергично отстранив человека-обезьяну, она проскользнула мимо и побежала по своим делам.

3. Любовь не картошка...

Тайный агент печально покивал головой.

– Вот те и фунт изюма! Значит догадалась, моя ты умница, или тебе сказали? Но и я, хотя детектив-любитель, как ты говоришь, а ведь тоже докумекался, кто ты такая... Сказать?

Инесса сразу перестала смеяться и кружка дрогнула у нее в руке.

– Шутишь! Кто же я, по-твоему?

– А не будешь реветь, что я разгадал секрет?

– Нет, не буду. Только скажи, Джемсик, скажи! Посмотрю, на что способен доморощенный Шерлок Холмс из АйАйАй.

Гемс приблизил рот к ее ушку и шепнул:

– Ты тоже гений.

Затем поглядев на ее молодое упругое тело, лежащее рядом с ним, добавил:

– Гений красоты... обаяния... любви...

– Брось дурака валять, – рассердилась она. – Скажи прямо, что тебе известно обо мне.

– Если на этом настаиваешь, так уж, пожалуй, скажу. Ты, моя умница, на самом деле – хунхузский агент, младший лейтенант разведки Инна Бендер из Риги. Под видом стихов к издателю, дорогая Инночка, посылаешь своему начальству подробные отчеты обо всем, что происходит в лечебнице. Думаешь, нас в гренландской разведке не учат читать стено-записи на иностранных языках? Однако одно слово, которое ты сказала, я так и не понял.

Инна побледнела, вскочила с топчана и схватила свою сумочку.

– Куда ты, дорогуша? – удивился Бом. – Может быть, я пошутил? Ложись обратно. Разберемся.

– Хороши шутки! А знаешь ли ты, что твоя жизнь висела на волоске?

– Ну что ты? Так я тебе и поверил. Хотя, конечно, в нашей профессии надо быть готовым ко всему. С несвойственным ей каменным лицом, Инесса вынула из сумочки серебряную авторучку.

– Знешь, что это такое?

Джемс снисходительно улыбнулся.

– Еще бы. Это бесшумный пистолет хунхузского изделия. Все ваши агенты имеют такие. По этому признаку их узнают так же, как нас – по часам. А умеешь ли ты, по крайней мере, стрелять из него?

Инна без слова отвинтила предохранитель в ручке и нацелила острие пера на чучело крысы, находящееся в дальнем углу кельи.

– Смотри, Доларикано!

Она нажала кнопку в ручке. Раздался еле слышный треск и крыса исчезла, точно растворилась в воздухе. Затем клочья ваты и шерсти медленно стали оседать на пол.

– Взрывчатый воздушный патрон, – сказала она сухо. – Последнее достижение хунхузской оружейной техники. Мне было дано задание застрелить тебя из этой самой авторучки.

Бом поежился, точно на него дунуло холодом.

– Вот как?... И ты задания не выполнила. Почему же?

Инна швырнула смертоносную ручку на пол, и, закрыв лицо ладонями, расплакалась, как маленькая девочка. От крашенных ресниц у нее потекли черные слезы.

– Не могла я... Ты же... сам знаешь, Джемс... почему. Слишком тебя... Слишком к тебе привыкла... Бууу... В первое время я честно выполняла данное мне поручение – втерлась в твое доверие, узнала твои планы и... доносила им о каждом твоём шаге. Но когда мне приказали... вывести тебя в расход, я... я... почувствовала, что не могу этого сделать. Теперь моя карьера кончена. Они таких вещей не прощают. Возвратиться к ним я не могу.

Джемс осушил ей глаза платком.

– Успокойся, дарлинг! – сказал он, целуя ее в мокрые от слез щеки. – О том, чтобы возвратиться к ним, не может быть речи. Наплюй ты на своих хунхузов. Поедешь со мной в Доларикану!

— Это ты серьезно? — недоверчиво спросила она, сморкаясь в джемсин платок. — А не врешь?

— Нет, Инночка. Вполне серьезно. Я тебя здесь не оставлю.

— Р...р...р...и...и... — взвизгнула она от радости и, как была в одних лишь штанишках, пустилась в пляс перед восковыми фигурами пирующих монахов. Те продолжали сидеть безмолвно, с выпученными глазами, и только кружки дрожали в их руках, да один из них, неизвестно почему, свалился под стол.

Кончив свой победный пляс, Инна плюхнулась на топчан и отпила коньяку из кружки.

— Интересно знать, откуда ты заполучил сведения обо мне? — спросила она натягивая чулки. — Кто ты такой, я узнала по служебной линии с траулера. А какие у тебя могут быть источники информации?

— А как же. Лолиты все знают. — Он усмехнулся загадочно. — А вот кто установил подслушивающий аппарат на вертолете? Ты?

— Какое там! Это же халтура: громоздкая коробка обернутая в половую тряпку и подсунутая под сидение! Я же еще давно вмонтировала в стенку вертолета малюсенький микрофончик — его и не найдешь. А это бездарная работа лолит: Хуанита работает на эскимосскую разведку, а анамитка Анна подслана мао-цедонской. Да только молоденькие они и неопытные. Не видать им аппарата внушения, как своих ушей. Мы с тобой захватим его, Джемс. А?

— Ишь ты, какая пряткая, моя чудо-шпионочка, красотка!... — Бом поцеловал ее в засос и, почувствовав внезапный прилив страсти, принялся лихорадочно сдирать с нее то немногое, что она успела было только что на себя надеть...

Тем временем в черепа на полке улегся гул голосов, и там опять будто заквакали лягушки — это в аудитории заговорили очередные ораторы.

"Левши это соль земли, — плел вкрадчивым голосом Клин. — Все выдающиеся люди — левши. Левши всех стран соединяйтесь!"

"У...у...у... — шумели панчисты. — Долой лево-руких! К стенке их!"

"Да здравствует левшизм! — кричали приверженцы Клина. — Долой Панчу и его лево-правых предателей..."

"Выборы! Выборы! — кричали с мест. — Давайте выбирать главу безмятежных. Председатель, ставьте кандидатуры на голосование!"

Когда страсть у любовников улеглась, Бом стал раздумывать о словах Инессы.

— Слушай, Инна! — сказал он, став серьезным. — Ты только что призналась в том, что доносила хунхузам о каждом моем шаге и даже вмонтировала в стенку вертолета микрофон, перехватывающий наши разговоры. Это значит, что они уже знают о наших планах бежать в среду... и, конечно, попытаются захватить всю нашу компанию по дороге, вместе с аппаратом Альхиппи и чертежами других изобретений.

Как же мы полетим теперь? Выпороть бы тебя.

— Да... — захныкала Инна. — Ах, я дура! Что я наделала? Я лишь слепо выполняла их приказы и не думала, не гадала, что сама стану невозвращенкой.

— Какие еще инструкции тебе дали?

— Велели сначала убить тебя... — всхлинула Инна. — Затем в среду, как было запланировано доктором, я должна бежать вместе с оставшимися и, примерно на полдороге, приказать Китти под угрозой револьвера опуститься на палубу хунхузского траулера. В случае ее отказа, я должна ее убить. Внизу за нами будет следовать их вооруженный катер, чтобы выловить из воды аппарат и пассажиров. В хорошенькую кашу мы попали по моей милости! — опять захныкала она.

— В кашу мы, конечно, попали, — согласился тайный агент, почесывая затылок. — Надо как-то выпутываться.

Он бесцеремонно отодвинул Инессу, вскочил на ноги и стал ходить взад и вперед по келье, треща половицами.

— Ты только не хныкай, Инна, — остановился он перед ней. — Не понимаю, как они могли поручить это дело такой сентиментальной плаксе, как ты. Ну, ладно. Чтонибудь придумаем.

— Бууу. Значит ты не сердисься? — она вытерла платочком глаза, размазывая по щекам черные слезы. — И возьмишь меня с собой в Доларику?

— Возьму, возьму, если не попадемся хунхузам в когти.

— Р...р...р...и...и... — снова завизжала Инесса и лицо ее, как у хорошей актрисы, моментально переменяло выражение, слезы высохли и глаза заблестели. Вынув губную помаду и черный карандаш для ресниц и бровей, она стала наводить на себя красоту.

— Значит, сделаем так, Инночка, — сказал он, одеваясь. — Пока что надо их держать в неведении относительно нашего романа и твоего отказа меня укокошить. Пусть думают, что события развиваются точно по плану. Они обожают планы. Я пока буду скрываться здесь, а ты им пошлешь рапорт, что-де задание тобою выполнено, я убит, и вы все бежите на вертолете в среду, как было установлено. А на самом деле, мы вылетим на день раньше, то есть завтра. Попытаемся незаметно проскользнуть мимо траулера. Конечно, до этого нам необходимо освободить Нокиеро, а то Китти без него не полетит. Хотя чувю я, что он что-то замышляет, а что, не знаю. Как бы нам не помешал.

— Пустяки, — пренебрежительно махнула рукой Инна. — Это тип неуравновешенный, но полный благородных порывов. Задался целью освободить Атараксию от ига безмятежных. А сам попался. В общем твой план замечателен, мой "милый".

Слово "милый" она опять сказала по-русски.

— Чтобы твое начальство не заподозрило неладное, я дам тебе магнитофонную запись прений сегодняшнего собрания, и ты перешлешь ее обычным путем своему "издателю" в доказательство того, что ты не манкируешь своими обязанностями. А

скажи мне, между прочим, что это за слово, — "миллий", которое ты только что сказала?

— Это слово русское, и произносится не "миллий", а "милый". Значит оно: "дарлинг", мужского рода. Однако ты своим деревянным долариканским языком никогда его правильно не выговоришь.

— "Милый", тьфу, ну еще раз попробую: "м...и...л...и...й", "милый". Нет, кажется не так.

Тем временем из черепа долетали окрики, аплодисменты и улюлюкание безмятежных. В конце концов председатель Сатир стукнул молоточком о пюпитр и объявил результаты голосования:

— "...За директора Панча-Ли отдано э...э... сто гм... надцать голосов. За Клина же всего э...э...э... сто... надцать, при ...надцати воздержавшихся. Итак объявляю трижды товарища Панча-Ли избранным общим собранием главой всех безмятежных."

"Да здравствует Панча-Ли!" — разразилась буря аплодисментов. Одновременно другие кричали: "Надувательство!" "Председателя к стенке!"

Председатель постучал опять молоточком и противным скрипучим голосом объявил:

— "Завтра, на площади перед Аудиторией состоится открытый суд над уличенным в саботаже бухгалтером Пифагором, да над злостным долариканским шпионом Нокиеро. После суда состоится фортепианный концерт небезызвестного маэстро Курары. Объявляю собрание закрытым."

— "Мили...", нет, "миллий", — бормотал тайный агент. — Фу ты, черт. Разобрать путанную стенографическую запись — разобрал, а это слово ни в зуб ногой. Пасс, дарлинг!

4. Пир во время чумы

Того же дня вечером заговорщики должны были собраться у Бома, чтобы там, в тиши монастырской кельи, обсудить завтрашний побег и обдумать, каким образом спасти Нокиеро.

Безмятежные политики всех толков так были заняты выборами и партийной склокой, что ни полицаи Внубеза, ни рыжегвардейцы не обращали внимания на то, что происходит в павильонах луна-парка Отдыха и Без-культуры.

Днем, после обычного полета в вертолете над городом, Альхишпи занес к Бому свой чемоданчик, рассудив, что там его сокровище будет в такой же безопасности, как в сейфе, а до ангара с вертолетом оттуда всего два шага. К тому же он решил не возвращаться домой после вечернего совещания, а переночевать в Галерее, возле своего чемодана. Его начинала охватывать паника.

Для отвода глаз своих сослуживцев, он смастерил другой, точ-в-точь такой же чемодан и, наполнив его железным ломом и всякой дрянью, демонстративно запер в лабораторном сейфе. Никому и в голову не пришло, что в сейф он вложил несколько шашек динамита и соединил взрыватель с часовым механизмом с таким расчетом, чтобы адская машина взорвалась через несколько часов после его бегства. Устроил он это затем, чтобы сбить с толку шпионов, охотящихся за аппаратом: пусть думают, что его изобретение уничтожено во время взрыва...

Сдерживая обещание, данное Нокиеро, он запер в сейфе все имеющиеся у него запасы снадобий, которые способствовали превращению части пациентов в умственных уродов. Под каким-то предлогом он уже сегодня не выдал им их ежедневной дозы, и к концу дня результаты были налицо: торопыги лазали, как сонные мухи, смехачи перестали даже улыбаться, энтузиасты не проявляли никакого энтузиазма при виде начальства, а "павлики морозовы" бросили писать доносы...

Под вечер, наполнив карманы чертежами и формулами своих изобретений, он вышел из лаборатории, чтобы больше туда не возвращаться. По дороге к Бому он зашел к профессору Диогену, в его домик, построенный в виде бочки, и, трясясь как в лихорадке, вытащил старика в парк. На дворе, убедившись, что их никто не подслушивает, он заявил напрямик о своем намерении покинуть Атараксию,

Профессор подозрительно понюхал воздух.

— Вы что, доктор? Выпили лишнее? Или дела действительно так плохи?

— Плохи, профессор. После выборов положение Панчи упрочилось, и он вскоре заведет здесь диктаторские порядки. На основании расчетов своего дурацкого компьютера, он пришел к заключению, что необходимо всех левшей упечь в концлагерь в джунглях, отобрать у меня аппарат и заставить нас всех работать под присмотром Узколобых. Без его одобрения вы не сможете больше приводить в лечебницу своих пациентов. Потом он объявит, что вы впали в детство и станете пациентом в своем собственном санатории. Предлагаю вам бежать с нами, пока не поздно. Я и еще несколько человек... Китти... Бом... Инесса... вылетаем завтра. Будем пробираться в Доларику... В вертолете есть еще одно место. Ну, как, профессор?...

— А ваш аппарат? Опыты? Мечты о безмятежном мире? — насмешливо спросил профессор. — Все это псу под хвост?

— Да нет, почему же? Аппарат я беру с собой. В Доларике мы с вами могли бы продолжать опыты...

— Дудки! — ответил профессор с несвойственной ему твердостью в голосе. — Я Атараксии не покину. Я ее создал и вместе с ней погибну. А вы, доктор, если вас больше интересует слава и деньги, чем создание идеального безмятежного общества, бегите.

Крысы всегда бегут с тонущего корабля, но капитан остается. Скатертью вам дорога!

Он фыркнул возмущенно и, помахивая своим бу-тафорским фонарем, поплелся прочь.

В монастырской келье Бома, среди чучел пирующих монахов, собралась честная компания канди-датов в беглецы.

На дубовой скамье, среди средневековых глян-ных кувшинов, булькал современный электрический кофейник, из которого собравшиеся то и дело нали-вали себе кофейку в оловянные кружки монахов. Ря-дом с кофейником стояла початая бутылка коньяку. Воздух был сиз от табачного дыма.

За слюдяным оконцем в стене кельи была изо-бражена мощеная булыжниками улица средневеково-го города, с валяющимися на ней трупами людей, со-бак и крыс. Панорама зачумленного города и все куклы были отделаны с таким реализмом, что каза-лось, — вот-вот раздастся за дубовой дверью клик могильщиков: "Выносите ваших мертвецов!"

Однако собравшихся не пугали картины чумы средневековья. На них наводила ужас чума совре-менности: тоталитарный режим, от которого надо было бежать без оглядки. И пока что у них не было нужды заботиться о мертвых — их занимал лишь вопрос, как спасти живых.

— ...Ума не приложу, каким образом мы можем освободить бедного Нокиеро? — глотая слезы гово-рила Китти. — Панча заупрямился, чтобы завтра разыграть показательный процесс, и держит обоих обвиненных под сильной стражей. Не силой же нам их отбивать? Может быть обратиться к долариканскому консулу в Каракасе?

— Гиблое дело, — махнул рукой Бом. — Ведь не-известно вообще, долариканский ли подданный ваш Нокиеро? Документов у него никаких нет, настояще-го имени своего сам не помнит. Конечно, можно по-требовать вмешательства городской полиции или та-раканского министерства Дел, да только трусы они все. Сам президент на чемоданах сидит, а его ар-мия голодранцев и подавно не станет драться с ры-жегвардейцами из-за какого-то "гринго". Сами ви-новаты, доктор, да и вы, Китти. Все время пускали разлагающие волны на жителей и солдат. Теперь нас некому защищать.

Китти что-то пискнула и заплакала. А доктор стал бормотать что-то о том, что надо было бороть-ся против военщины... против продавшегося Уол-Ст-риту буржуазного правительства Таракани... за светлое будущее безмятежного мира, избавленного от старомодных мещанских учреждений... на благо человечества...

— Слизняки вы все, либеральничаящие философы и ученые! — прорвало Инну. — Без вас легче бы жи-лось на земле. Теперь пускайте обратные волны.

— Как бы то ни было, теперь поздно переливать из пустого в порожнее, господа! — воскликнула Кит-ти. — Посоветуйте конкретно, что делать? Что сооб-щить Нокиеро? Как его обнадежить? Что ему следу-ет говорить на суде?

— Пусть ни в чем не признается и разыгрывает из себя дурачка, он-де не он, ничего не знает... не ведает, — посоветовал Бом. — А вдруг, в пику Пан-че, судьбы его оправдают. Чем черт не шутит? Если же его приговорят к расстрелу из пулеметов, то как только Курара начнет играть, пусть Нокиеро ва-лится на землю и притворится мертвым, — я забла-говременно разрядил все ружья и пистолеты в зад-ней стенке пианино.

— Замечательно! — обрадовалась Китти. — Потом мы вынесем "мертвое тело" в кусты, и там оно вос-креснет. Так, что ли?

— Да. Вроде этого.

— Джемс, ты гений! Надо выпить за твое здоро-вье, р...р...р...и... — залилась Инесса, наливая себе коньяку. — Детки, а не кажется вам, что у нас се-годня тоже вроде как бы пир во время чумы? Пейте! Кто знает, будем ли мы завтра живы и свободны?

— Не каркай, Инна! — сказал Бом. — И не дуй коньяк как воду. Оставь немного другим. Так вот насчет спасения Нокиеро: если окажется, что пред-ложенный мною способ не годится, у меня есть дру-гой план, а именно — поджог склада фейерверков в Бенгальском павильоне, что возле Веселого домика.

— Что пользы от этого? — усомнился доктор.

— Откуда ты так хорошо знаешь, где находится Веселый домик? — надула губки Инесса.

— Мой план очень прост, — невозмутимо продол-жал тайный агент. — Если окажется, что дело Ноки-еро швах, я подожгу Бенгальский павильон. Начнет-ся такая пальба и переполох, что в общей кутерьме вы сможете перерезать веревки, которыми связан узник и незаметно вывести его прочь — в кусты и к вертолету. Как только посадим его в кабинку, не-медленно вылетаем. С Эврики нам навстречу выш-лют вооруженный катер для охраны от хунхузов.

— А что, если рыжегвардейцы, охраняющие узни-ков, не поддадутся панике? — покачал головой Аль-хипши. — И еще нам дадут по шее?

Бом лишь пожал плечами в ответ.

— На всякий случай я подкупил кое кого из Вну-беза, чтобы левши затеяли драку со стражей, как только вспыхнет пожар в Бенгальском павильоне и начнут взрываться ракеты. Так что помните все — как только начнется фейерверк, это сигнал. Ки-дайтесь сразу на эстраду и освобождайте Нокиеро. Конечно, не без того, чтобы кто не получил по за-грявку. Вооружитесь ножницами и вообще, чем кто может. Девушки могут тоже царапаться и кусаться.

— Инна может быть умеет это делать, — сказала Китти, просяив. — А я никогда не кусалась. Как бы то ни было, теперь у меня есть надежда на его спа-сение. Выпьем, господа, за успех!

И она подняла свою кружку с кока-колой. Ос-тальные выпили коньячку и закусили орешками.

— Жаль, что с нами не летит профессор, — заме-тила Инна. — По видимому, вы его плохо уговари-вали, доктор.

— Уговаривал я его хорошо, — ответил тот. — Да

что поделаться? Заартачился старикашка. Его вообще трудно в чем-нибудь убедить. Никого не слушает.

— Если бы к нему пошел Нокиеро, он бы профессора уговорил, — вставила Китти. — Мой жених — единственный человек в Атараксии, который оказывает некоторое влияние на Диогена. Странно, но старик во многом его слушается. А ведь это два разных человека: один безмятежный, другой мятежный...

— Выходит, что мятежный взял верх, — заметил Бом. — Значит, все согласны на мой план?

Он вопросительно обвел взглядом всех присутствующих; те одобряюще закивали головой.

— Есть только одно маленькое "но", — сказала Китти. — Не знаю, хватит ли нам бензина долететь до Эврики? Мне отпускают горючего в обрез.

— А нельзя по дороге приземлиться возле запра-вочной колонки и набрать горючего? — предложил Бом. — Вы же знаете, где находятся бензо-колонки в городе.

— Во всем городе Таракании имеется лишь одна колонка, — ответила Китти. — И та принадлежит моему бывшему мужу. Там есть, где приземлиться вертолету, да вот беда: если Педро меня увидит, вряд ли даст нам бензина...

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

1. "Электронный Инквизитор"

Во вторник, рано утром, в камеру Боба-Нокиеро вошел рыжий стражник, но не тот, который обыкновенно приносил еду и записки от Китти, а другой, со свирепым лицом.

— Вы на букву "Н"? Собирайтесь. Без вещей, — разбудил он узника пинком ноги.

— Я больше не "Н", — пробормотал долариканец заспанным голосом. — Теперь я на "Б". Убирайтесь вон! Я не я.

— Ты мне тут поговори еще, — разозлился стражник и опять пнул его. — Раз начальство сказала, что "Н", так значит "Н", и никаких разговоров. Поднимайся, сволочь! Шпионская морда! А то пулю хошь?

Он не спеша вынул из кобуры пистолет.

— Ну, ладно, только не лягайтесь, как лошадь! — Боб встал, растирая ударенное место. — А этой хлопнушкой вы меня не испугаете. Раз ведете меня на суд, вы не имеете права убивать меня сейчас, а то судьи будут лишены удовольствия судить. В случае чего, вас же посадят за превышение власти. Так что советую обходиться со мной нежно.

Стражник выругался и спрятал пистолет.

— Ступай вперед, — скомандовал он. — Шаг назад считается побегом, мать твою за нос!

Следуя команде, Боб сошел вниз по лестнице. Затем стражник повел его длинным коридором и втолкнул в просторную комнату, где за столом сидел другой рыжий и писал.

Стражник посадил узника на табуретку в углу и удалился.

Чиновник поднял узколобую голову и с презрением взглянул на сидевшего врага народа.

— Имя? Фамильё? — спросил он. — Постоянное местожительство?

Боб сообщил ему то, что сам недавно вспомнил. Наконец-то, чувствуя себя полноценным человеком, а не бездомным бродягой без роду и имени, он с наслаждением назвал себя и указал свой нью-йоркский адрес, прибавив, что он попал на остров в качестве туриста с парохода "Эврика".

Узколобый неодобрительно качал головой.

— Знаем мы таких туристов!... Теперь вы утверждаете, что вы художник, а раньше рядились в перышки случайно попавшего к нам долариканского миллионера. По-видимому, у вас было преступное намерение втереться в доверие трижды товарища Директора, выкрасть его секретные планы и передать их долариканской разведке. Не так ли?

— Чепуха! — возмутился Боб. — Мне и не снилось утверждать, что я сын миллионера. Наоборот, это ваш директор, чтоб он трижды перевернулся, вбил себе в голову эту нелепицу и чуть было меня самого в этом не убедил. Я тогда страдал амнезией и мог поверить, во что угодно.

— Ладно, будете оправдываться на суде.

С перекошенным от злобы лицом рыжий следователь стал писать, время от времени задумчиво поглядывая на потолок, словно ища там вдохновения.

Заполнив мелким почерком лист бумаги, он пододвинул его Бобу.

— Подпишите это, и мы постараемся облегчить вашу участь. Ввиду вашего чистосердечного признания, вам не отрубят голову, лишь расстреляют вас из пулюстрела.

— Лишь?!... Спасибо великому гуманисту Панче!

Боб прочел написанное следователем и с возмущением швырнул листок на стол.

— Я этого не подпишу. Это все вранье.

В протоколе допроса, сочиненном следователем, было написано, что "арестованный Роберт Рольф, он же Нокиеро, состоящий на службе долариканской разведки, сознается в попытках выкрасть у директора Панча-Ли планы человеко-электронной вычислительной машины и других изобретений, для передачи вышеупомянутых планов вышеупомянутой долариканской разведке. Кроме того, нижеподписавшийся военный преступник Рольф, он же Нокиеро, сознается в совершении жестокостей во время Испанской войны в 1898 году, а также в поощрении самоедов пожирать друг друга. Вышеупомянутый, нижеподписавшийся шпион Рольф, он же Нокиеро, подтверждает получение от Октагона задания кидать атомные бомбы на мирное население безмятежных стран..."

— Не подпишу! — повторил Боб. — Это бред сумасшедшего.

Узколобый привстал и наотмашь ударил Боба в лицо своим здоровенным кулаком. Тот охнул от боли и свалился на пол, охватив голову руками.

— Подпишешь или нет, сволочь? — Рыжий подошел к лежащему и стал его пинать, куда попало, кутурнами.

— Нет, — охнул долариканец. — Черта с два!

Дверь отворилась и в комнату вошел другой рыжий. Первый перестал лупить Боба и, подмигнув вошедшему, ушел восвояси. У нового следователя было холёное, гладко выбритое лицо, и одет он был во все рыжее. С сочувствием взглянув на Боба, корчившегося от боли на полу, он покачал головой и помог ему встать.

— Ну и зачем артачились? — сказал он мягким задушевым голосом. — Подписали бы сразу, батенька, и никто бы вас не тронул. Ладно, приходите в себя, выпейте водички, закурите, а подписать успеете потом. Это же чистая формальность. А я — человек культурный, бить вас не стану. Я уверен, что теперь мы с вами уладим все по-хорошему.

Он налил воды в стакан и предложил Бобу сигарету. Тот закурил и отпил воды, непроизвольно выбивая зубами дробь на стекле стакана. Однако стал решительно отмахиваться, когда "культурный" следователь попытался подсунуть ему бумагу для подписи.

— И чего вы запираетесь? — пожал плечами Узколобый. — Ведь у нас есть свидетель, который собственными ушами слышал, как вы рассказывали об истязании вами мирных жителей во время испано-долариканской войны.

У Боба глаза вылезли на лоб.

— Как же я мог об этом рассказывать, когда в ту войну меня даже на свете не было? — прохрипел он. — И свидетель-то ваш, видно, вымышленный.

— Да нет, — кротко улыбнулся следователь. — Самый настоящий свидетель. Сейчас его позову. Вы его знаете.

Он надавил кнопку звонка и через несколько минут в комнату ввели высокого мулата с пепельно-серым лицом и пустыми глазами.

— Узнаете Манолетто? — спросил следователь с торжествующей улыбкой. — Недели две назад вы застряли в общественной столовой, и он сидел рядом с вами. Помните? Вы тогда еще отказались голосовать на меня и ругали администрацию за жульничество, потому что, вместо "котлет де воляй", вам дали бобы. Кроме того вы рассказывали о своих "подвигах" на войне с Испанией... Он это помнит.

— Манолетто! — окликнул Боб мулата. — Как живаешь, старина? Разве я что-нибудь говорил о войне, на которой никогда не был? Да и не мог быть! Все это вы из пальца высосали. Вижу, что не только администрация столовки, но все тут жулики.

— Манолетто, — невозмутимым тоном следователь обратился к мулату. — Узнаете этого человека?

— Узнаю, — прошептал тот, даже не взглянув на Боба. — Это он долго отказывался подписать меню, а потом подстрекал нас к бунту. ..

— А что он рассказывал о войне на Кубе в конце прошлого столетия?

— Рассказывал, что сжигал напальмом детей и расстреливал из пулемета беженцев...

Манолетто говорил все это монотонным голосом, словно декламируя заученный урок.

— Ну и врет! — воскликнул Боб. — Как я мог рассказывать такой вздор, если напальм тогда не был еще известен, пулемет не изобретен, а меня и по-прежнему еще на свете не было? Сумасшедшие вы все!

— Это все формалистические крючки, отговорки, — остановил его следователь. — Продолжайте, Манолетто. Что еще говорил обвиненный?

— Дальше он открыл мне, что на остров Тараканию его заслала долариканская разведка, — не моргнув глазом врал мулат. — Пытался и меня завербовать... Затем сказал, что все здесь сплошное надувательство... и призывал сопротивляться, протестовать и всем скопом покинуть Атараксию...

— Довольно, Манолетто, — оборвал его рыжий. — Увести его.

Стражник схватил мулата за плечо и, подталкивая его сзади прикладом, вывел из комнаты. Тот шагал, как лунатик, не оглядываясь.

— Что вы на это, Боб? — спросил Узколобый, когда за мулатом закрылись двери. — Как видите, состав преступления налицо. Свидетельские показания запротokolированы. Никакое заpiresательство и крючкотворство вам не помогут. Лишь подписав признание, вы можете надеяться на смягчение наказания. Покайтесь, пока не поздно, а то скоро начнется процесс. — Он взглянул на часы. — ... И вам наверняка отрубят голову.

Боб махнул рукой.

— Пусть уж лучше отрубят без моей подписи, чем с нею. Не подпишу! No quiero!

На столе затрещал телефон. Следователь взял трубку и сразу изменился на лице: завилал, заулыбался.

— Да, трижды товарищ Директор, протокол допроса готов, — сказал он в трубку, кланяясь. — Подписать признание отказывается. Что? Да. Применить

электропитки... Слушаюсь. Времени в обрез. Да я управлюсь в три счета... Подпишет, не беспокойтесь.

Положив трубку, следователь угрюмо взглянул на арестованного и нажал кнопку звонка.

— Подать сюда "Инквизитора", — скомандовал он вбежавшим рыжегвардейцам. — Мигом. Времени в обрез. Скоро начнется суд.

Рыжие засуетились и вкатили в комнату странное сооружение, похожее на зубоорудное кресло, снабженное уймой проводов, рычагов и кнопок, с зелеными лампочками и телевизионными экранниками. Механик включил ток и лампочки загорелись.

— Садитесь, Боб! — пригласил следователь. — Сами напросились...

Ввиду того, что долариканец не двигался с места, oprичники набросились на него, силой усадили в страшном кресле и привязали его к сиденью. Затем человек в белом халате стал втыкать ему под кожу иголки с проводами.

Нокиро показалось, что ему снится шаблонный шпионский фильм. И, как полагают, он спасется...

Тем временем следователь деловито объяснял:

— Аппарат "Электронный Инквизитор" выпущен директором из Японии и является самым совершенным орудием пыток, когда-либо выдуманным человеком, почище средневекового "испанского сапога" или "железной девы". Главным образом он поражает нервную систему допрашиваемого. Причиняя ему физические страдания, он отупляет его, ослабляет его волю и расстраивает сознание.

Он любовно похлопал по спинке кресла.

— Десять минут на этом кресле измотают вас больше, чем двое суток допроса без сна и еды. Так что искренне советую вам подписать бумажку, пока не поздно.

— Нет, *no quiero!* — ответил тот слабым голосом.

Следователь пожал плечами и нажал рычаг.

Бобу показалось, что кто-то ударил его тяжелым молотом по голове и наполовину вогнал в землю, словно он был деревянным колышком. Его бросило в жар, в глубине головы появилась нестерпимая боль, и яркие красные круги стали вращаться перед глазами. Он почувствовал нечеловеческую усталость — сидеть стало не в состоянии, ах, прилечь бы! Да не тут то было: проклятые провода впелись в кожу и, точно раскаленные докрасна проволоки, жгли до костей. Ай! Раскрыл рот и стал кричать, но крика не получилось. Мысли стали путаться в голове. Как же тут сосредоточиться, сообразить, что делать?... Как быть? Одно стало ясно: все, все отдать бы, на все, все согласиться, лишь бы избавиться от этой мертвящей усталости, от этой нестерпимой боли...

Над ним нагнулся некто в рыжем.

— Подпишешь?

— Нет, — прохрипел Боб.

— Это только цветочки. Ягодки впереди, — сказал некто в рыжем. — Если согласишься, мы пустим машину обратным ходом. Дадим укол адреналина, амфетамина... боль сразу прекратится, отдохнешь...

— Нет, — прошептал Боб.

Рыжий призрак нажал какую-то кнопку, и долариканца пронзила такая боль, что у него сперло дыхание. Земля расступилась под ним, и он полетел в пропасть. Падая, он еще услышал настойчивый звон телефона на столе...

2. Шемякин суд

С самого утра народ валом валил на площадь, где должен был состояться показательный суд над двумя разоблаченными преступниками. Посередине эстрады, одним боком пристроенной к кирпичной стене Аудитории, чернело старомодное пианино со спинкой, утыканной, как щетиной, ружейными и пистолетными дулами.

Под стеной, против дул, стояли два стула для смертников. По другой стороне, на краю подмосток, растопырился стол, покрытый порывевшим сукном, предназначавшийся для прокурора и судей. На столе поблескивали граненным стеклом графины с водой, стаканы, и чернела головка микрофона.

Обращало внимание обилие среди публики левшей в синих передниках. Пружинистым шагом они прогуливались по двое и трое по площади, кучками рассаживались на скамейках, норовя занять позиции возле самой эстрады. Время от времени они трясли в воздухе кулаком левой руки и зычно рявкали: "Мастер Дезинфектор Клин, да здравствует! "Левая Сила!"... "Вся власть левшам!" и "Аннулировать обманные выборы! "Долой Панчу и лево-правых предателей!"

С пренебрежением и ненавистью глядя на них с высоты своих котурнов, Узколобые и рыжегвардейцы в свою очередь оглашали воздух выкриками: "Да здравствует трижды Директор Панча-Ли!", "Мы-Рыжая Сила!" и "Долой левшей!". При этом они трясли в воздухе книжечками в рыжих обложках.

Словно на парад, Узколобые привели пациентов-уродцев, выстроенных в пары, точно учеников. Однако на этот раз почему-то торопыги не особенно торопились занять лучшие места, энтузиасты не выкрикивали лозунгов, а смеялись, против своего обыкновения, не кривлялись и не разражались хохотом.

Правда, с развернутым рыжим знаменем маршировали, хотя и вяло, пионеры — "павлики морозовы." На знамени у них красовалась надпись: "Наша мать-Левая-правая Партия (б...), наш отец — директор Панча-Ли". Чтобы кто не подумал плохого, сбоку было написано химическим карандашом: "б... это значит — безмятежные".

Некоторые умники-перестраховщики несли плакаты, на которых огромными буквами были написаны лишь общие призывы, как ДОЛОЙ! ДАДИМ ОТПОР! или ДА ЗДРАВСТВУЕТ! После каждого такого призыва и лозунга было оставлено пустое место... Будто забыли написать в спешке.

Больше всех, конечно, шумели и вели пропаганду профессиональные и убежденные политики Атараксии – рыжегвардейцы и левши. Было известно, что после суда над преступниками новоизбранный глава безмятежных – Панча Ли произнесет программную речь, от содержания которой зависит судьба Атараксии. Левши Клины выставили ряд требований и открыто грозили стереть в порошок рыжих. Со своей стороны Узколобые подготавливали ликвидацию Внубеза и аресты видных левшей. Атмосфера накалялась.

Однако основная масса пациентов, приживал и даже уродцев с промытыми мозгами – в последнее время неожиданно возвращавшихся в нормальное состояние – оставалась в стороне от политики, хотя многие, сосланные сюда из своих стран, раньше не воображали себе жизни без нее. В Атараксии она им опротивела. Видно вылечились...

Все они жалели подсудимых. Несчастный математик Пифагор был известен как тихий и незлобивый ученый, соглашавшийся жить под каким угодно режимом, лишь бы ему позволили заниматься перекройкой теорем. Нокиеро же приобрел много друзей и приверженцев среди самых обездоленных пациентов, которых он призывал бунтовать против бесчеловечных опытов, еды по команде и насильственного обращения многих из них в умственных уродов. Он даже внушал им мысль плюнуть вообще на Атараксию, уйти всем сонмом из лечебницы и основать новую, на этот раз мятежную общину, члены которой обязывались бы бороться со злом, где бы и под каким видом оно не проявлялось. Однако все были слишком запуганы засилием полиции, сексотов и начальников разных мастей и направлений, чтобы активно поддержать мятежного доллариканца.

Тем не менее нашлась небольшая группа его последователей, разгуливающая по площади с транспарантами, на которых были выведены надписи: "Долой партийный произвол бездушных бюрократов", "Освободить Нокиеро и Пифагора", "Мы не безмятежные – мятежные" и "Не хотим попасть во власть обезьян!" Протестующие бодро шагали взад и вперед, пока не приехала полицейская машина Узколобых и не увезла их – известно куда...

Была еще одна группа, состоявшая из лохматых юнцов и босоногих девиц в без-юбках. Протестовали они, сами толком не зная против чего, – лишь бы поорать и обратить на себя внимание публики. Лица их не выражали ничего, да и в голове у них было совершенно пусто: никаких идей, ни мыслей, ни желаний. А если бы им пришлось в голову наляпать что-нибудь вроде лозунга на плакате, вряд ли бы у них это получилось, так как все они принципиально ничего не читали и разучились даже писать.

Вели они себя предельно легкомысленно, обнимались и целовались на траве, распевая под аккомпанемент гитар:

"Тра ля, тра ля, тра дя бом.
Все нам в мире нипочем.
На начальство нам плевать,
На работу начихать.
Ходить будем нагишом,

И в солдаты не пойдем!
Не хотим жить по указке,
О "культуре" слушать сказки.
Долой мыло, к черту ванна!
Эрос наш бог, а марихуана –
Нирвана!"

Когда площадь заполнилась публикой, на эстраду вкарабкался философ Сатур и уселся в председательское кресло. Затем появился мастер Клины, погрозив Сатуру кулаком левой руки, занял место по левой стороне стола. Люди в синих передниках и левши, засевшие среди публики, стали ему бешено аплодировать, зато рыжие заулюлюкали и засвистели. По очереди взошли остальные судьи, – главным образом Узколобые, – и заняли свои места за столом. Напоследок, явно рассчитывая на сценический эффект, поднялся на эстраду сам директор Панча Ли и грузно опустился в кресло рядом с председателем. И он тоже был встречен криками, свистом и аплодисментами. Затем стража привела подсудимых и посадила их на стулья за пианострелом.

Руки у несчастных были связаны за спиной, а на голове у них колыхались бумажные шутовские колпаки. На груди у них болтались дощечки с надписями. На дощечке незадачливого математика Пифагора было написано: "Я не умею считать на счетах. За обман и очковтирательство мне следует отрубить голову". Бедняга печально улыбался и время от времени махал левой рукой своим коллегам бухгалтерам в толпе.

Второй "преступник" – Нокиеро был бледен и волосы его были взлохмачены. Глаза его ввалились и в глазницах образовались черные тени. Однако вид у него был бодрый и он с издевкой глядел на судей из-под своего шутовского колпака. На дощечке у него было написано: "Я – доллариканский шпион и военный преступник. Расстреляйте меня под музыку!"

(От дальнейших мучений на кресле "Электронного Инквизитора" его спас телефонный звонок Панча-Ли, потребовавшего немедленной доставки преступника в суд. Потеряв надежду заставить его подписать сознание, рыжие кагебисты шприцами и специальными таблетками привели беднягу в христианский вид и в спешном порядке отправили на площадь).

Завидев среди публики Китти, сидящую вместе с Инессой в передних рядах, Боб улыбнулся и подмигнул: все мол о-кэй... Девушки стали подпрыгивать на своих местах, махать ему руками и кричать: "Нокиеро, держись! Мы здесь!" Кое кто из публики их подержал, но остальные зашикали.

Председатель Сатур стукнул молоточком по столу и, когда публика затихла, скрипучим голосом стал читать в микрофон обвинительный акт. Математика Пифагора он обвинял в саботаже распоряжений директора, подтасовке статистических данных, – конечно по заданию иностранной разведки, – и заодно вменил ему в вину попытку переделать "пифагоровы штаны", хотя старые еще не износились. И все это в пику директору, который ведь лучше знает...

Боба-Нокиеро он обвинил и в шпионаже в пользу доллариканцев, и в неслыханных зверствах, содеянных на войне с Испанией в 1898-ом году. Кроме того он поставил ему в вину истребление самоедов путем поощрения их самопожирания в угоду империалистам, и употребление атомной бомбы для уничтожения мирных партизан в будущей войне...

— Председатель, кажется, убежал из сумасшедшего дома, — предположила Китти. — Или шутит?

— Признаются ли подсудимые в совершении вышеупомянутых преступлений? — с самым серьезным видом спросил Сатир подсудимых.

Математик печально махнул левой рукой.

— Признаюсь, — прошептал он еле слышно. — Я действительно не умею считать, а взялся за гуж... Кроме того занимался саботажем... по наущению эскимосской разведки... Вопреки гениальным указаниям директора пытался создать антитеорему. Признаюсь во всем...

— А я ни в чем не признаюсь, — громко и уверенно заявил доллариканец. — Все ерунда, что вы там наворотили. Во время Испанской войны меня не было еще на свете, самоедов видал только на фильмах да на картинках. Что же касается атомной бомбы, то я тоже против!

— Эти доводы крайне неубедительны, — скрипучим голосом ответил ему Сатир. — В свете диалектики мраксизма-бесизма и в соответствии с нашим матерным материалистическим мировоззрением, вы, Нокиеро, являетесь загнивающим продуктом буржуазной среды и, как таковой, существуете вне времени и пространства. Стало быть, во имя борьбы со злом, как ее понимаете, вы совершали бы свои акты насилия во всякое другое время и во всяком другом месте. Ergo, живи вы в девятнадцатом столетии, вы наверное с энтузиазмом принимали бы участие в злодеяниях империалистов, а доживи вы до двадцать первого века, бросали бы атомки на население стран, живущих под диктатурой народных демократий. Вы — оголтелый империалист и потенциальный военный преступник, и несете ответственность за все возможные прошлые, настоящие и будущие злодеяния других, вам подобных преступников. А о том, что вы доллариканский шпион, говорит ваш отказ подписать сознание. Если бы вы были невиновны, вы бы подписали любую бумагу, чтобы нам облегчить работу. Поняли? А теперь слово предоставляется главному обвинителю — трижды товарищу Панча-Ли.

Захлопав в ладоши, он отвесил поклон директору.

— Какой он загнивающий продукт, мой Нокиеро? — возмутилась Китти. — Или военный преступник? Да еще оголтелый империалист!... Врет председатель!

— Это обычный жаргон нелюдей, когда хотят стереть в порошок неугодного им человека, — объяснила Инесса. — Вроде церковной анафемы в средние века или колдовского заклинания дикарей.

Тем временем директор нудным голосом "зачитывал" длинный обвинительный акт. Начал он со зверского убийства пролетария Авеля империалистом Каином, за что обвиненный художник Марк, известный под именем "Нокиеро", должен теперь понести запоздалое наказание. "Факты — упрямая вещь"

— крикнул он и стал рассказывать о злодеяниях кровавожандных предков теперешних доллариканских империалистов — торговцев рабами, траперов, эксплуататоров-фабрикантов... и, что-де подсудимый с ними одного поля ягода. Значит, к стенке его!...

— Ну и мерзавец же этот Панча! Марксобес! — сорвалась с места Китти, размахивая ножницами, которыми собиралась перерезать узы доллариканца.

Инесса удержала ее на месте.

— погоди, успокойся. Еще суд не кончился. По крайней мере, мы узнали, что он действительно художник и называется Марк. Теперь нам надо ждать сигнала от Бома.

— Ты посмотри только, сколько рыжих его стережет, — забеспокоилась Китти. — Боюсь, что нам не удастся его отбить, даже если взлетит в воздух вся Атараксия. И куда делся доктор? Он должен был находиться здесь.

— Доктор — трус. Вероятно сидит на своем чемодане в келье среди монахов и дрожит за свою шкуру. Да ты не унывай. Даже если Нокиеро проговорят к расстрелу, из дул пистолета вынуты все пули.

Среди публики появилась Лолита Первая — ананитка Анна с подружками. Они рыскали по всем углам, по-видимому высматривая своего господина.

— Не знаете, где доктор? — крикнула им Анна. — Надо больным дать лекарство, а оно у него спрятано в сейфе. Смехачи перестали смеяться... А он сам как в воду канул. Вместе с чемоданом....

— А тебе чемодан понадобился?! — насмешливо спросила Инесса. — Проехал вам мимо носа. Доложи своим хунвейбинам, что не видать им аппарата как своих ушей.

В глазах у Анны блеснуло бешенство.

— Это еще посмотрим, паршивая хунхузка! — зашипела она, любезно улыбаясь для вида.

— Доктор думает, что Анна невинная девочка, лет тринадцати, а она на самом деле старая шпионка и ей, может, все двадцать... — шепнула Инесса.

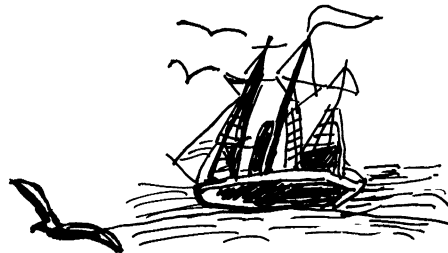
Откуда не возьмись появился пианист Курара.

— Доброе утро, сеньориты! — залебезил он. — Поглядеть пришли на преступников в последний раз? Скоро их кокнуем.

— Типун вам на язык, — отрезала Инесса, удерживая Китти, чтобы та не набросилась на нахала с когтями. — А вам не терпится сыграть на своем пианостреле?

— Еще как не терпится, — признался тот. — Ужас как хочется сыграть мое танго смерти... А знаете, чуть было все не расстроилось. Кто-то ночью повынимал все пули из моих пистолетов. Хорошо, что вовремя заметил и успел зарядить сызнова.

У Инны расширились от перепуга глаза, а Китти чуть не упала в обморок.

3. Профессор стучит кулаком

— Что же нам теперь делать? — заволновалась девушка-зайчик, когда Курара удалился. — Не видно ни доктора, ни Бома. Не бросаться же нам с голыми руками на стражников?! Кто нам поможет?

— Мы, — тихо сказал выросший перед ними человек в синем переднике. — Которая из вас тут на букву "К"? Имею послание от Мастера.

— Это тебе, Китти, — обрадовалась Инесса. — В чем дело?

— Правильно, почетный товарищ Китти, — сверил тот имя на конверте. — Это вам. Расписки не надо.

Полицай левой рукой вручил Китти письмо и пропал в толпе.

Китти развернула листок и прочла:

— "Не беспокойтесь, Китти! Мы не дадим в обиду художника Нокиеро. Он ведь тоже левша. Клин".

— Вот видишь, — весело сказала Инесса. — Есть и защитник. Надо, значит, повременить с нашим замыслом. Авось все обойдется.

— Слава Богу, — просветлела Китти. — Хоть с чертом, лишь бы спасти Нокиерчика.

Тем временем, в заключение своей речи Панч-Ли потребовал, чтобы высокий "без-суд", то есть безмятежный суд, приговорил обоих опасных преступников к высшей мере наказания через расстрел из пистолета.

Когда затихли аплодисменты и крики, неожиданно на эстраду прыгнула огромная горилла в фуражке с малиновым околышем и гулко, точно в барабан, стала колотить себя в грудь.

— Товарищи безмятежные и прочие! — хрипло зарычала она, перестав барабанить. — Наш великий дедушка, чтимый обезьянами всего мира, Карла Марла сказал, что если враг не сдается, его уничтожают. Нет, вру, это сказала другая обезьяна, но все равно, я это приспособил к тому, что у нас в лесу разоблаченных врагов и изменников родины сразу выводят в расход и шлепают на месте, а вы тут столько времени канителитесь с этими сукиными котами...

Китти и Инесса сидели ни живы ни мертвы, глядя расширенными от страха глазами на человекоподобную обезьяну в шапке с малиновым околышем.

— Неужели это тот самый зверь, который приставал ко мне сегодня утром? — недоуменно пробормотала Китти. — Нет. Кажется, другой. У той обезьяны шерсть была светлее и глаза были огромные и грустные, а у этой злющие и маленькие. Представь себе, Инночка, та горилла написала целый роман.

— Поди ж ты! — воскликнула Инесса. — Значит и у них есть писатели. Но эта на писателя не похожа.

— Нет, — покачала головой Китти. — Это солдатфон, чекист...

Тем временем горилла на подмостках рычала в микрофон на всю площадь, колотя себя в грудь:

— Расстрелять их как паршивых псов, посадить живьем в муравейник... снести голову гидре контрреволюции... Мы на горе всем буржуям, отрубить должны башку им!...

— Узнаю нелюдя, — вздохнула Инесса.

Когда обезьяний политрук кончил и, подпираясь мохнатыми руками, под хохот и рев публики слез с подмосток, председатель объявил через громкоговоритель, что слово предоставляется защитнику Клину.

Однако Великий мастер левшей не успел произнести даже одного слова, как, откуда ни возьмись, на эстраду взобрался никем не приглашенный и всеми забытый основатель и хозяин Атараксии — профессор Диоген, в своей засаленной хламиде, и с зажженным фонарем в руке. Властным жестом отстранив пытавшихся его задержать стражников, он прорвался к микрофону и стал сердито честить остолбеневших судей:

— Как вам не стыдно, несчастные шляпы, безмозглые неудачники! — начал он громким, несвойственным ему голосом. — По какому праву смее вы называть себя безмятежными? Разве подобает вам вести себя аки безумцы? Не я ли учил вас, что надо владеть собой, подавлять свои страсти и стремиться стать настоящим безмятежным — быть стойким, как стоики, и нечувствительным к житейским волнениям и политическим эмоциям...

— Позвольте, профессор, — вежливо попытался остановить его председатель. — У нас тут, видите ли, судебное разбирательство... Дайте нам кончить.

— Комедия у вас здесь, а не разбирательство, — сердито парировал профессор. — Беретесь судить невинных людей, таких же несчастных пациентов, как вы сами, и даже не таких психопатов, как вы тут. За что, например, прицепились к Пифагору? За что Панча велел отрубить голову Архимеду? Не за то ли, что эти ученые выявили его невежество?

— Позвольте, — простонал председатель, вопросительно посмотрев на Панчу. Однако тот перелистывал бумаги, делая вид, что не слушает профессора.

— "Факты — упрямая вещь", — продолжал владелец Атараксии, — Это собственные слова обвинителя. Да только он забыл оговориться, что имеет в виду лишь факты, которые ему нравятся. Если же факты идут вразрез с его желаниями, то они уже не упрямые, и их можно игнорировать. С какой стати, например, вдруг обвинили беднягу Нокиеро в шпионаже и других неправдоподобных преступлениях? Не потому ли, что он не оказался сыном миллионера и денег из него не выдавишь? Он мой ученик, и я лично привел его в Атараксию. Страдает амнезией и сам не помнит, кто он такой, как его зовут, урока не выучил и не знает, на каком свете живет.

— Уже знаю, профессор, — радостно крикнул Боб из-под своего шутовского колпака. — Все вспомнил. Называюсь Роберт Рольф и, оказывается, я художник из Нью Йорка. Так что я уже выздоравливаю.

— Вот как! — обрадовался профессор. — Рад за вас. Хотел было обратить вас в свою веру, взять к себе в помощники. Да не тут то было. Слишком твердый вы орешек. Мятежный. Так что, как видите, господа судьи, вся его вина в том, что не желает стать безмятежным. Нельзя же его за это судить. В конце концов, все вы неудавшиеся безмятежные. Знаю всех вас, как облупленных. Одни из вас прибыли в лечебницу под эскортой полиции, других я сам привел, спасая от голода и холода. Помнишь, Панча, как десять

лет назад ты убежал с каторги во французской Гвиане и на самодельном плоту приплыл на наш остров?

Профессор ткнул пальцем в грудь директора.

— Тогда ты хныкал, как мальчишка и чуть не на коленях умолял не выдавать тебя в руки французов, обещая стать моим слугой и последователем. Забыл? А теперь, когда я постарел, хочешь меня самого выжить из Атараксии.

— Вы что-то путаете, профессор, — сконфуженно пробормотал директор. — Память вам изменяет.

— А ты, "Мастер-дезинфектор," забыл, как будучи буфетчиком на пароходе, проворовался и прятался у меня перед полицией? Тогда ты плакался, что нет тебе счастья, все тобой помыкают и что ты хотел бы начать новую светлую жизнь среди безмятежных в лечебнице. Я тебя пожалел, принял на работу заведующим прачечной, а ты что? Начал политиканствовать, возомнил себя сверхчеловеком-левшей, тайную полицию организовал...

— А это потому, профессор, что мы, левши и есть сверхчеловеки, — ответил Клин, не моргнув глазом.

— Что с тобой, дураком, говорить? — сердито оборвал его Диоген. — На уме у тебя лишь левши, а у того шута лишь рыжие да Узколобые. О людях же все забыли. Всё комедия — и вчерашние выборы, и этот шемякин суд. Я протестую против нелепых обвинений Нокиеро и Пифагора. Требую их немедленно освобождения. Слышите!? Я здесь хозяин и, если захочу, так пошлю ко всем чертям Атараксию вместе с вами.

Тут профессор в сердцах стукнул кулаком по столу и, к общему удивлению, земля содрогнулась под ногами, со звоном посыпались стекла из окон, и где-то тяжело ухнуло. Все повскакали с мест, начался шум и гвалт.

— Ай да, профессор! — раздался голос. — Вот так стукнул.

— Bravo, профессор! — воскликнул Боб. — Давно бы так...

Оказалось, что по странному совпадению в тот самый момент, когда профессор стукнул в стол, в лаборатории взорвался сейф доктора Альхиппи...

Часть полицейских и Узколобых кинулись к месту взрыва. За ними ринулись любопытные из публики, но большинство осталось на площади досматривать суд.

Думая, что это сигнал от Боба, девушки хотели было броситься на эстраду развязывать Боба, но, видя сплошную стену из стражников вокруг подсудимых и вспомнив о письме Клина, они решили повременить.

Тем временем профессор, не слыша ничего и не слушая никого, с упорством стучал кулаком по столешнице. Однако, взрывов больше не последовало...

— Профессор, — жалобно заскрипел председатель. — Я у вас отбираю голос, слышите? Перестаньте барабанить по столу, а то я велю страже вывести вас силой.

— Меня? Силой? — профессор даже задохнулся от негодования. — Ладно! Я уйду, но покажу вам, что я здесь еще хозяин и судьба Атараксии в моих руках.

Высоко подняв голову, он сошел с эстрады и заковылял в сторону луна-парка. Толпа почтительно расступалась перед стариком.

А мегафоны вокруг передавали последнюю новость, что "... в результате происков иностранных разведок наступил взрыв сейфа в лаборатории, где доктор Альхиппи хранил свои секретные изобретения. Убита взрывом его помощница Анна, пытавшаяся открыть сейф запасным ключом... Ранено несколько лаборантов... Лаборатория разрушена... Сам доктор как в воду канул... Производится следствие..."

4. Долой Панчу!

Солнце начало припекать, и над публикой, сидевшей на солнечной стороне, всплыли белые зонты. Сама эстрада находилась в тени Аудитории, и судьи не торопились кончать процесс. Они курили, попивали воду с апельсиновым соком и жевали принесенные из дому бутерброды, со все возрастающим беспокойством поглядывая на тянущего нудную канитель защитника Клина и все теснее окружавших подмостки агентов Внубеза в синих передниках.

Директор и председатель тоже вначале явно волновались, но когда появился сильный отряд рыжегвардейцев с огненными шевелюрами и занял места у самой эстрады, они приободрились. Двое огненно-рыжих молодцов с пистолетами в руках, взобрались даже на подмостки и стали за спиной Панчи, всем своим видом показывая, что готовы защищать его до последней капли крови.

У директора были далеко идущие планы на сегодняшний день. Пользуясь своими правами новоизбранного главы Атараксии, он намеревался сегодня же покончить с ненавистным Внубезом левшей, убрать Клина и взять в свои руки полноту власти. С этой целью он издал секретный приказ всем рыжегвардейцам и Узколобым разоружить агентов Внубеза сейчас же, как кончится суд и когда внимание всех будет отвлечено экзекуцией преступников под музыку на эстраде. После того, как враги будут обезврежены, он объявит об упразднении Внубеза, высылке всех левшей в трудовые обезьяньи лагеря в лесу, и об учреждении Чрезвычайной Кибернетики безмятежных, сокращенно — ЧеКа /б/. Пользуясь электронными аппаратами, это заведение будет проверять мысли Атараксиан и выявлять врагов режима.

Отлично отдавая себе отчет в приблизительном равенстве сил рыжих и левшей и даже в некотором перевесе последних в военной подготовке, директор заручился помощью обезьян из леса. Вооруженные отряды горилл вскоре должны будут появиться в лечебнице, чтобы помочь рыжим обезоружить распоясавшихся левшей.

Тем временем Великий мастер Клин, по-видимому не подозревая того, что ему уготовано Панчей, нудно талдычил об исторических правах леворукых. Наконец, вспомнив о подзащитных, он вытянул из кармана лист бумаги с набросанным на нем своим портретом и показал его сначала судьям, потом публике.

— Скажите, чей это портрет, по вашему?
— Похоже, что ваш, мистер Клин,— неохотно подтвердил Сатир. Остальные судьи поддакнули. — Но я не вижу связи...

— Сейчас будет и связь. Знаете, кто это нарисовал?

Судьи пожалы плечами и принялись дожевывать свои бутерброды. Публика вопросительно молчала.

— Этот замечательный портретик набросал в течение одной минуты сидящий здесь в шутовском колпаке, подсудимый Нокиеро, то бишь, Боб. И то левой рукой.

— А... а... а... — раздалось в толпе. —левой!...

— Вот это настоящий художник, а не какой-то там безобразный патлач, — продолжал мастер дезинфектор. — А теперь скажите, разве такой талантливый художник, к тому же левша, может быть доллариканским шпионом?

— Конечно, может, — возразил Сатир.

— Нет, не может быть, — завопили левши вокруг, заглушая рыжих. — Оправдать его и счетовода. Оба ведь левши.

Среди публики поднялась буря криков и свистов.

А мастер Клин продолжал:

— Положение, при котором сажают на скамью подсудимых и казнят невинных людей, могло создаться лишь при кровавом режиме самодура Панчи... Он виноват в творящихся вокруг безобразиях... А переизбран он был обманым путем, при помощи подкупленного председателя... Да и судит он при помощи подкупленных судей...

— Долой Панчу! К стенке его! — закричали левши в толпе.

— ... Своими дурацкими экспериментами над пациентами узурпатор Панча довел экономику Атараксии до банкротства, — продолжал Клин. — Молодежь распустилась, проституция процветает... самоуправство Узколобых переходит всякие границы. Как директор полиции, ответственный за безопасность и благоустройство нашей колонии, я считаю своим долгом взять под стражу и предать суду казнокрада и мошенника Панча-Ли, а ни в чем не повинных-ученого математика и художника выпустить на волю.

После этих слов на площади началось настоящее пекло. Ошарашенные рыжегвардейцы бросились было к эстраде, но там их встретила дубинками сплошная стена полицейев в синих передниках.

— Эй Боб, эй Нокиеро, мы здесь, — крикнула Китти, смеясь и плача от радости. Размахивая ножницами, девушки стали пробираться на подмостки.

Полагаясь на мощь охраняющего его отряда рыжегвардейцев и будучи уверенным в скором сведении счетов с Клином при помощи горилл, Панча спокойно просматривал протоколы, не обращая внимания на болтовню своего врага. Однако при последних словах Клина его передернуло, и он с тоской оглянулся на своих телохранителей. А те, скинув с голов ярко-рыжие парики, набросились на него сзади и стали крутить ему руки. Он вскочил, заорал и тут увидел, что весь грозный отряд огненно-рыжих снял парики с голов и избивает Узколобых и настоящих рыжегвардейцев, находящихся на площади.

Рядом вязали Сатира. Остальные судьи перестали жевать бутерброды и замерли на своих креслах точно восковые куклы.

С руками, скрученными назад, Панча успел еще нагнуться к микрофону и взвыть о помощи:

— "Братья и сестры! — закричал он, стуча зубами от страха. — Измена! Социал-предатели левши напали на нас... Призываю вас сплотиться и дать отпор... Не унывайте! Из лесу идет подмога... Бейте врага при помощи рыжих книжечек с..."

Тут ему заткнули рот протоколом следствия и привязали к стулу.

Хотя многие уже давно предвидели столкновение двух фракций, развязка произошла так быстро и неожиданно, что публика долго не отдавала себе отчета в совершившемся перевороте. Грозные и задорные с виду, а на самом деле разнеженные и трусливые рыжегвардейцы, не могли тягаться с мускулистыми рабочими, привыкшими таскать тяжести и орудовать кирками. Видя, что их дело швах, стражники бросили сторожить подсудимых и, вместе с Узколобыми и остальными рыжими, бежали в густые заросли, примыкающие к джунглям.

Однако там и сям доходило до стычек между рыжими и левшами. Рыжегвардейцы были вооружены главным образом пистолетами и рыжими книжечками с изречениями Панчи. Эти книжечки они зачастую листали даже в пылу боя, по-видимому ища в них ответы на мучившие их вопросы — как лучше всего бить врага. В этот момент малограмотные рабочие, хохоча, брали их голыми руками, вязали и отправляли в плен, изрывая в клочки рыжие томики. Так воякам Панчи и не удалось закидать левшей его "Изречениями". Горы рыжих книжечек валялись на всех лужайках и аллеях, шуршали под ногами, а рваные страницы летали в воздухе, точно пух из вспоротых перин во время погромов.

Узколобые, ковыляя на своих котурнах, сами не лезли в бой, а держались позади, зорко следя, чтобы рядовые не убежали. Зато при встрече с врагом, они оказывались трусами и давали драла впереди всех.

Победитель Клин велел развязать Боба и Пифагора и на их места посадить Панчу и Курару. Новым подсудимым напялили на голову шутовские колпаки и на грудь нацепили дощечки с обидными надписями. Перепуганным до смерти судьям Клин велел оставаться на своих местах и, для разнообразия, судить теперь бывших начальников.

Девушки уже давно были на эстраде. Китти чуть не зацеловала насмерть обалдевшего Боба, а Инна прыгала вокруг на радостях, то и дело пытаясь клюнуть его в губы, пока ревнивая подруга ее решительно не отстранила.

— Теперь бежим, дарлинг! — лихорадочно шептала Китти. — Вертолет под парами... Лишь бы нас не задержали...

Однако новый начальник, почуяв, что доллариканец собирается сойти незамеченным со сцены, помянул его пальцем.

— Не уходите от нас, дорогой художник! — сказал он, обнимая его дружелюбно левой рукой. — Вы нам

еще понадобятся. Нам нужны люди. Левши. Предлагаю вам в новом правлении Атараксии пост моего заместителя и начальника полиции.

У Клина был подбит левый глаз, на его бритой голове распухла шишка, и у его рубахи был оторван рукав. Несмотря на это, он весь сиял от торжества.

— Очень вам благодарен, Мастер, за спасение от смерти и предложение работы у вас, — ответил Боб учтиво. — Однако должен вас разочаровать: я в равной мере не разделяю взглядов и стремлений как Панчи, так и ваших. В случае разногласий между нами, я не стану ради куска хлеба подлаживаться под ваши взгляды. Еще скажу вам по секрету: я не настаиваю левша, потому что с таким же успехом могу работать обеими руками.

Лицо Клина омрачилось, и он выпустил Боба из своих объятий.

— Значит вы могли бы с одинаковым мастерством написать мой портрет как правой, так и левой рукой?

— Да, Мастер. Совершенно свободно.

— Вы право-левый, или лево-правый?

— Ни тот, ни другой. Я сам решаю, какой рукой и что рисовать. Эту свободу ценю больше всего.

— И вы наотрез отказываетесь быть у меня начальником полиции?

— Да, Мастер. No quiero! Не люблю я тайной полиции и ее методов. Побывал в лапах "Электронного Инквизитора" и не хочу пачкаться. Но мне интересно знать, что вы с ним сделаете? Уничтожите его?

— Зачем же? Этот аппаратик и нам пригодится. Прежний специалист, обслуживающий его, убежал с рыжими, так мы назначили на его место бывшего заключенного. Тоже специалиста...

— Можете сказать, кого?

Клин посмотрел на него с подозрением,

— Зачем вам? Ну, уж ладно, скажу: Электро-Инквизитором заведует теперь некий Манолетто.

Боб печально покивал головой.

— И стоило для этого устраивать переворот? Я бы вообще разогнал тайную полицию, поразбивал бы все аппараты, выдуманные для насилия над человеком, а пациентам посоветовал бы поискать иную лечебницу, подальше от джунглей. Так или иначе, Атараксия обречена.

Мастер левшей покраснел от возмущения и стал ходить взад и вперед по эстраде, скрипя половицами. Сидящие за пианострелом двое новых подсудимых, — связанные, с кляпами во рту, в шутовских колпаках, — следили за его движениями взглядом полным ненависти.

Как только на площади началась перестрелка, часть публики разбежалась или попряталась в кустах. Теперь же, когда положение выяснилось и полицейские Внубеза вытеснили остатки рыжих из лечебницы, многие зрители вернулись на площадь, сгорая от любопытства, как будут казнить бывшего диктатора.

Однако с окраин все еще доносилось хлопанье pistolетных и ружейных выстрелов. По-видимому, борьба там продолжалась.

Новый директор остановился перед Бобом и сказал с кривой ухмылкой:

— Значит, вы не хотите мне служить. А что, если я вас за это опять посажу на скамью? На голову надену вам опять шутовской колпак и велю вас распианострелять вместе с рыжими?

Китти побледнела и шепнула по-английски:

— Соглашайся на всё. Не артачься. Лишь бы выиграть время.

— Нет, — решительно ответил Боб главе левшей. — Как хотите, но я не могу принять вашего предложения. Very sorry. No quiero.

— Ладно, — неискренне рассмеялся Клин. — Вы, как я вижу, твердый орешек. Что ж, насильно мил не будешь. Но я вас еще найду, и тогда поговорим... А пока вы здесь нужны в качестве свидетеля. Девушки тоже. Так что никуда не уходите, Нокиеро.

Китти вздохнула и многозначительно взглянула на свои часики. Было уже за полдень.

5. Убийственная цитата

Клин с беспокойством прислушался — стрельба в северных окраинах усиливалась. Видно рыжие получили подкрепления. Он велел развязать Сатира и посадить его на председательское место среди невеняемых от перепуга судей.

Дрожа от страха, тот уселся на свое прежнее кресло и сразу пришел в себя.

— Будете судить теперь главарей антипартийной шайки преступников, бешеную собаку Панча-Ли и его прихвостня Курару, — обратился к судьям Клин. — Смотрите не подведите. И не канительтесь долго. Времени мало.

— Не беспокойтесь, Мастер, — заскрипел Сатир. — Суд наш будет беспристрастный и правый.

— Черта с два, — взъерепенился Клин. — Суд над ними должен быть пристрастный и левый.

Затем он произнес короткую обвинительную речь, в которой обвинил подсудимых: 1/ в лево правом уклоне, 2/ попытке установить единоличную диктатуру в Атараксии, 3/ растрате казенных денег на дорогие стоящие эксперименты и 4/ торговле живым товаром в восемнадцатом столетии...

Слушая Клину, председатель — хамелеон угодливо кивал головой и сразу стал писать приговор — расстрелять из пианострела, распианострелять их...

Новый диктатор велел вынуть кляпы изо рта подсудимых и милостиво разрешил им сказать несколько слов в свою защиту.

Свергнутый директор сидел на стуле смертников невозмутимо и величественно, точно король на троне. Если бы не связанные за спиной руки и шутовской колпак на голове, можно было бы его принять за мастера торжества, а тощего и лысого Клина за его камердинера.

Когда ему вынули кляп изо рта, Панча стал отплевываться, затем сказал хриплым голосом:

— Что ты за ерунду намолол, Клин? Разве я жил в восемнадцатом столетии? Да еще торговал рабами?

— Да, Панча. Так же, как и я жил и принимал участие в войне девятнадцатого века, — вмешался неожиданно Боб. — В свете вашей матерной философии, мы все продукты своей среды и как потенциальные преступники существуем вне времени и пространства. Не так ли? В эпоху средневековья вы были бы бароном-грабителем, двести лет назад — пиратом или торговцем рабами, а в наше время вы партийный заправил, и ваша цель — тоталитарная власть над народом. Вы лично ответственны за прошлые, настоящие и будущие преступления таких типов-прототипов, как вы сами... за употребление аппаратов для пыток... за полицейский гнет...

— Ну, ладно, Нокиеро, хватит, — прервал его начальник левшей. — Известно... Надо их расшарашать, сволочей. Кто ж им сыграет похоронный марш? Пифагор, умеешь шпарить на пианино?

Чудом избежавший смерти незадачливый математик сидел в сторонке и попивал воду с апельсиновым соком, стуча зубами по стеклу стакана от волнения. Бедняге хотелось лишь одного — чтобы его оставили в покое.

— Нет, мастер. Боже упаси! — ответил он. — Умел играть, умел считать, да все забыл. Увольте!...

— А вы, Нокиеро? — спросил Клин художника. — Не забывайте, что Панча хотел вас укукошить.

— А я его не хочу, — замотал головой тот. — Я вообше против его расстрела.

— Как же так? — растерялся Клин. — Он же опасный зверь...

— Так вот его не надо убивать, а лучше посадить в клетку и показывать за деньги в галерее ужасов. И все время держать на привязи, чтобы ненароком не вырвался на волю. И никаких демократических поблажек для зверей.

— Дайте, я им сыграю, так их растак! — вышел из толпы человек в синем переднике. — Я, настройщик Берлиоз. Тангов играть не умею, но знаю — "раз, два, три, четыре, пять, вышел зайчик погулять." Для этих стервецов достаточно. Будут покойники, будьте покойны.

— Ладно, Берлиоз, садись, — согласился Клин. — Получишь медаль и новую рубаху за хорошую игру.

Не подававший до сих пор голоса изобретатель Курара, позеленев от страха, упал на колени перед Клином. Шутовской колпак трясся у него на голове как желе и все норовил сползти в сторону.

— Посадите меня, Мастер! — пролепетал он. — До конца моих дней буду вам служить и играть только левой рукой.

— Поздновато спохватился, рыжий прихвостень, — ответил тот. — Ты все время грозился, что расстреляешь из своего пианострела мистера Нокиеро. Так теперь проси у него прощения.

Однако сумасшедший пианист неожиданно заартачился.

— У доллариканца? Просить милости у "гринго"? Ни за что. Лучше пусть меня расстреляют.

И он отвернулся с достоинством испанского гидальго.

— Если за мной дело стало, так черт с ним, помилуйте дурака, — заступился за него Боб. — Пошлите его лучше на кофейные плантации. Туда же вышлите работать и Сатира.

Клина передернуло.

— А этого за что? Теперь он служит мне.

— Вот именно за это.

— Довольно разговоров, — крикнул мастер левша, потеряв терпение. — Пора кончать. Берлиоз, готов?

Однако перед тем, как кончить комедию суда, он не мог побороть искушения погдумиться над своим старым врагом.

— Ну и что, Панча? — помахал он левым кулаком под носом бывшего директора. — Грош цена твоим цитатам. Не спасут тебя твои рыжие книжонки с мудрыми наставлениями. Бегут твои молодцы, как зайцы, мошенник Панча!

— Еще ничего не известно, ишак Клин! — сказал бывший диктатор, с надеждой прислушиваясь к отголоскам стрельбы на окраинах Атараксии. — Я тебе могу доказать, дурак, что в моей книжечке есть, по крайней мере, одна цитата, которая тебя сразит своей неопровержимой логикой. Развяжи мне руки, и я покажу тебе эту цитату. Только ты ее и так не поймешь.

— Ерунда! — ответил уязвленный левша. — Никакая цитата меня не убедит свернуть с левого пути. Одна-ко ради интереса покажи свою цитату.

И он велел стражникам развязать руки Панче.

Тот с наслаждением пошевелил одеревеневшими пальцами и не спеша вытянул из кармана книжечку.

— Тут сказано, что каюк тебе и твоим левшам, — сказал он, нацеливая угол книжечки на улыбавшегося снисходительно Клина. — Гориллы унаследуют землю! Вот тебе цитата!

Раздался еле слышный хлопок, точно из воздушного детского пистолетика, и мастер левшей, с застывшей на лице улыбкой, стал медленно опускаться на пол, словно резиновая надувная кукла, из которой выпустили воздух.

Раздался второй хлопок, и другая резиновая кукла — Сатир — поникла головой на стол....

В возникшем замешательстве судьи, а также Нокиеро и девушки бросились на пол. В тот же момент послышались звуки "зайчика", и в такт музыке загремели выстрелы из задней стенки пианострела.

Это настройщик Берлиоз, не дождавшись команды своего мастера, стал неистово барабанить по черным клавишам, на глазах у всех скосив пулями обоих осужденных.

Изобретенный сумасшедшим композитором смертоносный инструмент работал на славу. Тявкили пистолеты, строчил пулемет... Пули шмякали в стену Аудитории, отколупывая штукатурку и кусочки кирпичика. Запахло порохом. Из задней стенки пианино валил дым. Эстраду стала окутывать розовая кирпичная пыль.

Берлиоз сам был напуган эффектом своей игры и под конец стал дубасить по клавишам как попало, без складу и ладу, и получилась у него убийственная какофония. Буквально.

Несомненно, один только Курара сумел бы сыграть на своем пианостреле как следует, но несчастному пианисту уже все на свете было трын-трава...

6. Горилла в вертолете

Вошедшего в раж настройщика силой оттянули от пианострела, стрельба утихла и дым начал рассеиваться. Однако паника среди публики не улеглась. Пациенты собирались в кучки, кричали, не зная, что делать, женщины визжали, бились в истерике, заползали под стулья. Потерявшие голову агенты Внубеза бегали взад и вперед, беспорядочно паля в воздух, пока кто-то из заместителей Клина не стал восстанавливать порядок.

Воспользовавшись замешательством, незаметно улизнули со сцены марионеточные судьи, разбежались стражники, под шумок исчез злонравный настройщик-палач Берлиоз. Уполз к себе в подземелье незадачливый математик Пифагор, чтобы без помех решать свою анти-мировую задачу перекройки "пифагоровых штанов" на новый лад.

Инесса убежала искать Боба, и на эстраде остались лишь Китти и Боб-Нокиеро.

— Боб, бежим, — толкала Китти доллариканца. — Вертолет ждет... Здесь нам нечего делать.

— Сейчас, Киттенька, сейчас, — ответил тот. — Не могу оставить друзей на произвол судьбы, не предупредив их об опасности...

Он кинулся к оставленному без присмотра микрофону на столе, и в развешенных повсюду в лечебнице громкоговорителях послышались его слова:

— Друзья пациенты! Товарищи по несчастью! — воскликнул он. — Вот и пришел конец диктаторам и самодурам в Атараксии. Вы свободны! Наконец те из вас, над кем были проделаны унижительные опыты, и кто, под влиянием медикаментов превращался

в каких-то уродов, все они обрели свое человеческое лицо. Нет больше ни смехачей, ни торопыг, ни безмозглых энтузиастов... И никто вас больше не заставит жевать по команде... Однако, если во-время не уйдете отсюда, вас ожидает новое иго. Из джунглей надвигаются полчища обезьян-мраксистов, не имеющих вообще понятия, что такое свобода. Так что уходите отсюда немедленно! Атараксия обречена... Пусть политики и хиппи остаются, так им и надо, а вы уходите и защищайте свободную часть острова перед нашествием горилл. Повторяю: Атараксия обречена. Быть сему месту пусту!..

— А теперь бежим к вертолету! — тихо сказал он, схватив Китти за руку и бросаясь к выходу. — Я их всех предупредил. Пусть теперь сами спасаются...

Однако им не дала пройти толпа улыбающихся атараксиян. Боба по-дружески хлопали по плечу, норовили пожать ему руку и благодарили за слова надежды.

— Оставайтесь с нами, будьте нашим директором, — говорили ему.

— Не могу, — отвечал он. — У меня есть еще одно важное задание.

К нему протискивались бывшие смехачи и без улыбок на лицах, но с энтузиазмом пожимали ему руку. Торопыги подходили к нему неторопливо, а энтузиасты приветствовали его, хотя и без энтузиазма, но зато радостно улыбаясь. Бывшие сексоты-павлики пристыженно жались в сторонке. И все они благодарили за освобождение от чар, которыми их опутала биохимия-алхимия доктора Альхиппи.

В толпе Боб заметил мулата Манолетто и поманил его пальцем. Тот приблизился со свешенной головой.

— Что ж это ты врал бессовестно на вчерашнем допросе? — с упреком спросил его доллариканец. — И тебе не стыдно?

— Стыдно, мистер, — признался тот. — Пытали...

— Знаю, понимаю. Но зачем же ты согласился обслуживать эту пакость после того, как рыжих погнали? Теперь хочешь пытать людей для левшей?

— Да нет, мистер долларикано, — энергично замотал головой мулат. — Я никого не хочу пытать. Я лишь обыкновенный механик и присматриваю за машиной... "Инквизитор" это такой сложный аппарат, что попади туда песчинка и все к черту...

— Так вот, если ты такой мастер, возьми миску песку и сейчас же всыпь его в аппарат... А если это не поможет, так разбей его молотком. Вдребезги... Все эти вредные изобретения надо уничтожать. Понял, Манолетто?

— Понял, мистер. Чтобы никто больше не пострадал от техники и не подвергался пыткам.

— Ну, так беги и сделай, как я сказал. А вы, друзья, — обратился он к толпе, — уходите скорее из Атараксии. И не забудьте поразбивать все аппараты в лаборатории, а то рыжие, чего доброго, вернуться и начнут опять свои опыты.

— Лаборатория разрушена взрывом, — сказали в толпе. — А то, что осталось, давно разграблено.

— Бежим отсюда, а то рыжие действительно нагрянут вместе с гориллами, — заволновались пациенты. — Говорят, что Панча жив... лишь притворился мертвым... и под шумок слез с эстрады.

Уже охваченные паникой толпы народа потоком плыли к выходу, ведущему в город. А по другой стороне, над луна-парком, взвилась ракета и погасла, оставив после себя дымный хвост в воздухе. Вслед за этим из одного из домов в луна-парке повалил густой дым. Раздались взрывы ракет, заглушая даже все усиливающуюся стрельбу на окраинах.

— Бенгальский павильон горит, — крикнула Китти. — Бом поджег павильон. Скорее туда!

Когда они прибежали в луна-парк, деревянная постройка павильона была вся охвачена пламенем. Веселый разбушевавшийся вонсю огонь выбивался наружу длинными оранжевыми языками. Шипя в воздухе, из домика взлетали вверх ракеты, огненные колеса, шутихи и рвались с треском в клубы дыма высоко над парком.

Вокруг бегали растерянные сторожа и полицейские, но никто ничего не делал, чтобы потушить пожар.

Перед запертой дверью в Галерею ужасов стояли Бом и поэтесса, переговариваясь с кем-то внутри.

— А вот и вы, р...р...р...и...и... — обрадовалась Инесса, завидев Боба с Китти. — Уговариваем тут профессора бежать с нами. Заперся и носа не кажет. Бом с отчаянием махнул рукой.

— Заартачился старикашка. А Инна мне все рассказала, что произошло на суде. Очень рад, что Нокиеро удалось выпутаться. Значит — летим. Доктор уже давно в вертолете.

Где-то вблизи застрочил пулемет.

— Гориллы наступают, — крикнула Китти. — Профессор, держитесь! Боб, скорее в ангар!

А художник подошел вплотную к запертой двери и крикнул:

— Прощайте, профессор! Спасибо за все. Значит, решили таки хлопнуть дверью на прощание?! Желаю успеха! К черту безмятежность!

— Прощайте, Нокиеро, — послышался слабый голос за дверью. — Какая великая идея пропала...

— Вот и хорошо!...

— Все в ангар! — скомандовал Бом, наблюдавший из-за угла в бинокль за наступлением горилл.

Согнувшись в три погибели, четверка беглецов вбежала в ангар.

Внутри было пусто и темно. По другой стороне ангара ворота были распахнуты и за ними, на залитой солнцем лужайке, стоял целый и невредимый — их пятнистый кузнечик-вертолет.

Выглянув через оконце, вырезанное в гофрированной жести, Бом увидел в бинокль, как со стороны джунглей двигаются гориллы в партизанских фуражках, с автоматами наперевес. Они перебежали от дерева к дереву, карабкались на сучья, перепрыгивали через заборы и канавы, стреляя в залегших в траве левшей в синих передниках. Сейчас же за партизанами, помахивая над головой книжечками в

рыжих обложках, шли скученной массой уцелевшие рыжегвардейцы, а за ними ковыляли на своих котурнах Узколобые, подгоняя отставших и мародеров.

В воздухе вокруг ангара начали свистеть пули, срезая пальмовые ветки. Ползком и на четвереньках беглецы добрались до вертолета и один за другим вползли в кабину.

Там, в самом темном углу, сидел на своем чемодане дрожавший от страха доктор Альхиппи.

Завидев долгожданных сообщников, влетающих в вертолет, он вскочил и с места в карьер напустился на них с упреками.

— Жду и жду, — заныл он. — Час, два, три — никого... Думал, случилось что, или забыли... Гляжу, а тут огромная горилла заглядывает в окна. Так я спрятался под сидение... А где вы болтались?

— Не паникуйте, доктор, — оборвала его Китти, усаживаясь в свое кресло и вертя рычагами управления. — Вам верно померещилось. Гориллы еще далеко. А если на то пошло, где мы болтались, так вам следовало быть с нами на площади, а не прятаться здесь под сидением.

— Не мог же я оставить чемодан без надзора.

— Уж мне этот чемодан... А как эта горилла выглядела? Была в фуражке с малиновым ободком? С маузером?

— Нет. Без фуражки. С папкой под мышкой.

Шальная пуля шмякнула в стенку возле головы Альхиппи, и тот со страху плюхнулся на пол.

— Скорее лети, Китти, — истерически завопил он из своего угла. — А вот и она, мерзавка! Лезет сюда... А брысь!

Прежде, чем кто-либо успел опомниться, плохо закрытая дверь распахнулась и в кабину вкарабкался перепуганный до смерти Горе Гориллович, держа под мышкой объемистую папку.

— Спасите! Помогите! — нечеловеческим голосом вопила горилла. — За мной гонится чекист. Милая летчица, вы же обещали взять меня с собой. Не гоните меня! Спрячьте, ради Бога!

— Вон отсюда! — крикнул Бом и потянулся за револьвером.

Мотор уже гудел вонсю, и лопасти пропеллера вертелись в воздухе.

— Оставьте его, — воскликнула Китти, стараясь перекричать шум мотора. — Я его знаю. Это обезьяний писатель. Перебежчик. Пусть летит вместо профессора... Захлопните двери, чтобы не влезла другая обезьяна. Та может быть опасна.

Со звоном посыпалось стекло из разбитого пулей окна.

Делая большие прыжки, по лужайке бежала к вертолету рыжая горилла в фуражке с малиновым околышем и палила в беглецов из маузера.

— Это тот самый зверь, что на меня напал в парке, — вскрикнул Боб, вспомнив вдруг свой первый вечер на острове. — Гоните его!...

Тайный агент выстрелил несколько раз в следователя. Тот перекувырнулся и отстал.

Вертолет медленно набирал высоту.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

1. Бензо-колонка сумасшедшего Педро

Кирпично-красные здания Атараксии и ее деревянные постройки, разбросанные среди зелени парка, скоро исчезли из виду, и вертолет стал приближаться к городу Сюдад Буэнэ Суэртэ.

Тайный агент щелкнул пружинкой в своих ультра-модерных часах и связался по радио-телефону с мистером Бимом, находящимся на Эврике.

Подняв руку с часами к губам, он радостно объявил своему начальнику об удачном бегстве из Атараксии вместе с ученым изобретателем аппарата телевнушения и хунхузской разведчицей, которую ему удалось переманить на свою сторону. Сам же чудо-аппарат, за которым он охотился столько времени, находится в полной сохранности вместе с ними на вертолете.

— Поздравляю! — пропищал в ухе Боба слуховой аппаратик. — Вам здорово повезло, О-Пять - Двадцать Пять! Как это вы словчились?

— Пришлось шевелить мозгами, мистер Экс! — ответил тайный агент, не особенно скромничая. — Ну, конечно, мой личный шарм... Да еще помогла одна чудная девушка, она же бывший агент хунхузской разведки и, конечно, писаная красавица, как полагается быть всем разведчицам. Сидит сейчас рядом со мной и шепчет мне "милий", что по-ихнему значит "дарлинг".

— Не милый, а милый, — поправила подслушивающая его разговор Инна. — Когда я тебя научу правильно произношению, Джемс?

— Это не всё, — захлебывался Бом. — С нами летит живая горилла, перебежавшая к нам от партизан. Говорит человеческим голосом и везет с собой ею же самой сочиненный роман... Роджер.

— Одну минуточку, Джемс, — голос Бима в аппарате дрогнул от удивления. — Вы пока погодите с роджером. Или я ослышался, или вы дернули слишком много брэнди и врите почему зря. Где вы сейчас?

— Приближаемся к городу. Затем, если хватит бензина, полетим прямо к вам. Все ли готово к нашему приезду? Нас шесть человек вместе с гориллой.

— Вы опять о горилле. Ну и здорово же вы клюнули. Ладно, выясним на месте. Однако, не советую лететь к нам прямо через залив, так как на пути там стоит на якоре хунхузский траулер. Готов подстроить вам какую-нибудь пакость. Лучше обогните залив, летите дальше на юг, потом на восток и прилетайте к Эврике со стороны океана.

— Так и сделаем. На всякий случай спустите в море спасательную шлюпку. А вдруг должны будем сесть на воду...

— Хорошо. Вышлю вам навстречу катер с пулеметом. Понимаете: катер вооруженный тяжелым пулеметом. Ну, теперь — роджер!

— Роджер, босс!

Когда Бом передал Китти совет своего начальника лететь к Эврике окружным путем, та объявила,

что бензин на исходе и необходимо пополнить запас горючего, иначе они вообще никуда не долетят.

Дороги внизу были запружены старыми фордами, ручными повозками и нагруженными доверху возами с осликами в упряжке. По обочинам двигались толпы беженцев с котомками за спиной. По-видимому, узнав о событиях в лечебнице и наступлении горилл, все они спасались бегством в порт. Они надеялись попасть там на какое-нибудь суденышко, которое бы их переправило на континент, где еще не вкусили безмятежно-мраксистской жизни.

В противоположном направлении ползли отряды солдат, призванных защищать город. Двигались они вяло и, завидя вертолет, радостно махали ему руками. Они ожидали, что, как всегда при появлении вертолета, ими овладеет легкомысленное настроение, и они разбегутся, вместе со своим начальством.

Однако не тут-то было. Сегодня веселый вертолет летел молчаливо и угрюмо, тяжело похлопывая крыльями.

А издали, от стороны Атараксии доносились пулеметные очереди, и солдатам очень хотелось повернуть обратно.

После некоторого раздумья Альхиши, достав отвертку, стал привинчивать аппарат к полу и соединять провода.

— Господа, наушники! — крикнул он, надевая себе на голову шлем, — и не забудьте об обезьяне.

— Опять волны? — спросила Китти с тоской в голосе. — Неужели эротические?

— Да нет. Хочу пустить что-нибудь патриотическое, — промямлил доктор сконфуженно. — Надо остановить бегство тараканцев. Пусть теперь дурака не валяют и защищают свой остров, а то, чего доброго, гориллы нас настигнут. Да только нет у меня ничего подходящего. Не знаю, что и сказать.

— Скажите: "Братья и сестры, спасайте! Не буду больше развратничать"... р...р...и...и... — рассмеялась Инесса, проверяя в зеркальце, к лицу ли ей наушники. — Эх вы, мягкотелые, допрыгались...

— Дайте мне микрофон, — решительно сказал Боб. — Я знаю, что им сказать.

Доктор еще раз перебрал пластинки в чемодане и не нашел ни одной подходящей — все они призывали к разврату и неповиновению. Скрепя сердце, он передал микрофон Бобу и тот начал импровизировать:

"На фронт, герои, тара-тараканцы!

С помощью машет, да с помощью вил

Гоните обратно в джунгли горилл!

А после снова будут любовь и танцы..."

Точно по шучьему велению, поток беженцев остановился, прислушиваясь к необычным словам, прозвучавшим у них в голове, затем, потоптавшись на месте, медленно повернул обратно. Впереди всех бодро маршировали колонны солдат.

А им вслед неся энергичный призыв Боба:

"Защищайтесь крепко, изо всех своих сил, Чтобы не попасть под иго горилл!"

– Невероятно, бесподобно! – воскликнул Бом. – Они подчиняются внушению как автоматы, управляемые на расстояние. А что, если им приказать сложить оружие и сдаться неприятелю?

– Они бы это сделали, – ответил Альхиппи.

– Опасное изобретение, – сказал Боб, снимая наушники. – Не дай Бог, аппарат попадет в руки преступников. Лучше, чтобы его не было совсем.

Возле единственной в городе бензо-колонки недалеко от порта машин было мало, и площадка для парковки была свободна.

Однако, когда вертолет приземлился там, беглецы увидели, что перед колонкой вытянулась длинная очередь бедно одетых людей с бидонами и ведрами в руках.

– Что за чудеса? – удивился Боб. – Машин нет, а пешеходы стоят за бензином?

– Вероятно рыбаки запасаются горючим для своих моторных лодок, – предположила Китти. – А может беженцы? Как бы то ни было, мы здесь должны достать бензину.

Когда Бом вышел из вертолета и направился в контору хозяина, из толпы послышались недружелюбные возгласы:

– Ишь ты, прилетели и сразу им бензину. А не хотите в очереди постоять, как мы все?..

– Становись за мной, господин хороший. Я последний.

– Не последний, а крайний, – поправил кто-то.

– Педро, к тебе гости с неба. Выходи-ка. Да не отпускай им товару без очереди. Пускай постоят...

Из помещения при колонке наконец вышел, пошатываясь, черноусый хозяин и уставился на вертолет, как баран на воду. Боб сразу узнал в нем болтливого пьянчужку из парка.

– Бен... бензина ннет... – пробормотал Педро заплетаясь языком. – А вы кто такие будете?

При виде своего бывшего мужа Китти съезжилась у себя на сидении и надвинула поглубже на глаза свой пилотский шлемик с торчащими вверх заячьими ушами.

– Ради Бога, Боб, Инна, станьте так, чтобы он меня не видел, – пролепетала она.

– Наполните, пожалуйста, бак в вертолете, – распорядился Бом, вынимая пачку банкнот. – Заплачу долларами... и на чай... только поскорее, сеньор, а то нам некогда.

Однако Педро не проявил никакого интереса к долларам тайного агента. В окне вертолета он заметил Боба и сразу его узнал.

– Э, да это никак вы, забывайка из Гринич Вилледжа, – обрадовался он. – Куда же вы тогда девались? Надеюсь, не ночевали в полицейском участке?

– Нет. Свет не без добрых людей, – ответил тот уклончиво, выйдя из кабины вертолета. – Долго бы рассказывать. Педро, голубчик, нам нужно бензинчику до зарезу. И то без очереди, а то нам некогда.

Педро замаялся.

– Я бы вам дал... но публика... съест меня...

Вокруг волновалась толпа покупателей.

– Ишь ты... без очереди захотели. Может быть, нам всем некогда.

– Не давай им горючего, Педро. Чем они лучше нас? – крикнул курчавый парень со злобно перекошенным лицом.

– Проходимцы! – орала рябая женщина в брюках. – Пролетимцы!

– Что с ними цацкаться? ... Отвинтить им пропеллер и все тут...

Из толпы стали раздаваться угрожающие возгласы. Кое-кто стал колотить пустыми бидонами по кузову. Казалось, еще немного и толпа разнесет вдребезги их попрыгунью-стрекозу.

Опять пассажирам пришлось надевать наушники и снова Боб стал на неслышных волнах призывать публику идти на фронт, защищать свою свободу!...

Толпа сразу утихомирилась, перестала бить бидонами по кузову вертолета и ругать "пролетимцев".

Кто-то узнал Боба и закричал истошно:

– Нокиеро!... Защитник бедных пациентов в лечебнице... Мне брат говорил... Он там за смехача...

– Ура, Нокиеро! Веди нас на горилл!

– Друзья! – крикнул им Боб из окна. – Со злом надо бороться! Бегите защищать город, задержите наступление нелюдей! А я должен сначала выполнить одну важную миссию... Потом вернусь к вам.

Охваченная вдруг патриотическим чувством, толпа, забыв о бензине и прилетевших чужаках, бросилась в сторону города.

Возле колонки остался один лишь подвыпивший хозяин, на которого ни волны, ни призывы к патриотизму не действовали.

– Вот видите, какие чудеса, Нокиеро! – пробормотал он, осовелым взглядом провожая разбегающихся покупателей. – То хотят удирать, то рвутся бить горилл. Во всем этом доктора виноваты. Это правда, что партизаны заняли Атараксию?

– Правда, – ответил Боб. – Но им там не сдобровать. Налей ка нам бензину, Педро! Нам некогда.

– Так и быть, – пробормотал тот, нехотя беря в руки шланг. – Так значит в лечебнице хозяйничают гориллы. А как же Китти – моя бывшая жена? Она там осталась? В прошлом году какой-то негодяй из лечебницы сманил ее туда и больше я ее не видал. У меня для него давно припасен острый нож. Пилотом нанялась... в вертолете, вроде как у вас...

В голове у пьянчужки мелькнула какая-то мысль, и он с подозрительностью уставился на переднее окно кабинки управления вертолетом, заметив там заячьи уши на Киттином шлемике.

Боб смущенно кашлянул, а Педро воскликнул, выпуская из рук шланг с льющимся бензином:

– Да это никак Китти! Китти, дорогая! Я так мечтал тебя опять увидеть!... – он вплотную подбежал к вертолету и театральным жестом сложив ладони, как для молитвы, заплакал пьяными слезами.

– Жить без тебя не могу... снишься мне каждую ночь, и утром подушка мокра от слез... Вернись ко мне, дорогая!

– Педро, брось дурака валять, – сердито сказала она, высовываясь в окошко. – Забудь о прошлом. Подбери лучше шланг и накачай нам бензина в бак. И расстанемся друзьями. О-кей?

— О-кей, Китти, о-кей! — пролепетал он заплетаясь языком. — Т... только скажи, кто тебя похитил? К...кто твой соблазнитель? Я должен...ему отомстить...

Случайно в этот момент Горе Гориллыч, сидевший до сих пор спокойно в углу вертолета, решил поглядеть, что делается на белом свете, и подошел к окну.

При виде косматой морды в окне рядом с Китти, Педро обомлел.

— Обезьяна! Горилла!.. — крикнул он иступленно. — Ты... с обезьяной... Ну, теперь я вам всем покажу!...

Дико блеснув глазами, он бросился в магазин.

— Боб! Джемс! Скорее в кабинку, — закричала перепуганная Китти. — Я его знаю. Он сумасшедший. Готов всех нас перестрелять или поджечь вертолет.

— Да, но мы должны достать горячего, во что бы то ни стало, — сказал Бом, вынимая револьвер из кармана. — Ведь без бензина мы далеко не улетим.

— Бог с ним, с бензином. Какнибудь долетим, — впала в панику Китти. — Садитесь скорее!

Едва Боб с Джемсом успели захлопнуть за собой дверь вертолета, как из лавки выбежал Педро с огромным мясницким ножом в одной руке и пылающим жгутом пакли в другой. Зрачки его дико вращались, изо рта текла пена как у взбесившейся собаки.

Бом выстрелил в него, но не попал, вероятно потому, что в то же мгновение Китти рванула рычаги управления и вертолет стал подниматься на воздух.

— А...а... — крикнул ревнивец и швырнул горящую паклю в лужу разлитого бензина под вертолетом.

Кверху взметнулся столб огня. Беглецов обдало жаром, как из доменной печи, и окна заволокло черным густым дымом.

Внизу бензо-колонка пылала как огромный факел, но вертолет был уже на такой высоте, что пламя его не задевало. Зато беглецам еще долго казалось, что из-под клубов дыма слышны дикие вопли несчастного безумца.

2. "Пишите мне по бродвейскому адресу!"

Вертолет мерно жужжал в знойном неподвижном воздухе, вертя своим большим пропеллером, точно обмахиваясь веером от жары. Однако пассажирам не было жарко, а у некоторых даже выступил холодный пот на лбу.

— Уф, пронесло, — сказал доктор, вытирая себе лицо платком. — Как же мы долетим без горячего?

— Еще немного осталось, — обнадежила его девушка-пилот. — Но придется лететь напрямик через залив.

— Что ж делать? Лети! Авось хунхузы нас не тронут. Ведь они нас сегодня и так не ожидают. По плану мы должны были вылететь завтра.

— В крайнем случае придется пустить и на них мои веселые волны, — заявил доктор.

— Вот это дело, — согласился Боб. — Не прячьте аппарата, доктор. Пригодится.

— А вы успеете его спасти, если бултыхнемся в воду? — забеспокоился тайный агент.

— Открутить чемодан, это плевое дело, — уверил его Альхиппи. — Раз, два и готово. Тем не менее, Джемс, свяжитесь с вашей Эврикой и попросите их выслать спасательную шлюпку нам навстречу.

Бом так и сделал. Щелкнув кнопкой в своих радио-часах, он поймал в эфире Бима и рассказал ему о происшествии на бензо-заправочной станции, и что им приходится лететь на виду у хунхузов. Начальник заверил Бима, что высылает им навстречу катер с тяжелым пулеметом и горячим кофе "Эспрессо".

Вертолет все еще летел ровно, мерно постукивая лопастями пропеллера, но пассажиры чувствовали, что он как бы отяжелел от усилия, и определенно тянет долу. Внизу расстилалась изумрудная бухта, усаянная белыми парусами и темными пятнами рыбацких шхун. Впереди расстилался открытый океан. Далеко-далеко, блистая в солнечных лучах белыми палубами, на зеленой глади океана лежал их спасительный пароход, похожий на игрушечный кораблик, брошенный на пикейное атласное одеяло.

Однако, между ним и бухтой, преграждая путь, точно притаившийся в углу черный паук, лежал огромный траулер хунхузов, окутанный как паутиной снастями и антеннами. Когда вертолет появился над заливом, на палубе тральщика замелькали цветные сигналы, ясно различимые при дневном свете.

Плюясь и ругаясь, Инна принялась расшифровывать сигнальные огни, явно направленные по ее адресу.

— Чего хотят эти бандиты? — заинтересовался тайный агент, тоже следивший за сигналами, но не понимавший их значения.

— Пошли они к чертовой бабушке! — воскликнула Инна, расшифровав запрос. — Кукиш!... Требуют от меня объяснения, почему мы вылетели раньше срока и почему я не послала отчета? Хотя знать, ликвидировала ли я тебя, и захватила ли аппарат телевидения? Требуют, чтобы я выполнила приказ и заставила пилота нашего вертолета снизиться на палубу траулера.

— Что ж ты им ответишь? Скажи, что ты выбрала свободу и знать их больше не хочешь.

— Да, да... я им сейчас покажу кукиш. Вот что.

Она действительно показала им кукиш обеими руками и театральным жестом выбросила за борт свою тетрадь с "поэмами", донесениями и шифрами, а заодно серебряную ручку со смертоносными патронами.

— Дудки! Не хочу ишачить на марксо-бесов. Надо покончить с этой бандой. Теперь у меня есть защитник — мой милый Джемсик. Ура! Р...р...р...и...

Она бросилась к одному из кресел в вертолете и, расковыряв уголок сидения, вытянула из-под кожаной обивки малюсенький микрофоник.

— Привет вам, мои бывшие начальнички, держиморды! Нелюди! — крикнула она в микрофон. — Вот вам мой ответ: Не хочу больше вам, хунхузам, служить. Дудки! Не хочу жить под вашим недреманным оком. Дудки! Пишите мне по бродвейскому адресу!

Затем она выкинула микрофоник в окно.

— И подумать, что я сама воткнула его сюда. Не знала тогда, что тебя встречу, Джемсик!

Сигнальные огни на траулере сразу погасли, и вслед за тем оттуда раздалась пулеметная очередь. По-видимому, стреляли по вертолету. Со страху беглецы попадали на пол, а Инна крикнула:

— Сволочи, спустили на воду моторку и газуют за нами. Видите катер, вон там?

Альхиппи побледнел.

— Китти, как там с горючим? Долго продержимся?

— Минут пять... может десять, — неуверенно сказала та. — Если нас раньше не подстрелят хунхузы.

— Наушники! — скомандовал доктор и, как только пассажиры надели предохранители, включил аппарат.

Из окон вертолета было видно, как сидящие в катере три матроса с автоматами в руках, вдруг бросали оружие и принялись плясать в обнимку, а само суденышко тоже заплясало на волнах, точно рулевой хватил залпом стакан водки. Командир катера стал было орать на вышедших из повиновения солдат, затем увещевать, а в конце концов сел на пол и заплакал. Вскоре моторка хунхузов стала отставать и через минуту совсем исчезла из виду.

А вертолет, скрипя и дрожа всем туловищем, продолжал лететь дальше.

3. Последнее слово профессора

Несмотря на то, что на небе не было видно ни единого облачка, океан под вертолетом вдруг потемнел, словно где-то в глубине двигалась огромная подводная туча. Спокойная до сих пор вода закипела, забурлила как в котле, поставленном на огонь.

Выскакивая там и сям на поверхность океана, в белой кипени пены извивались мириады рыб с блестящей серебристой чешуей.

— Господа, рыбы пляшут под нами, — воскликнула Китти в изумлении. — Неужели от действия веселых волн?

Все рассмеялись.

— Очень возможно, — обрадованно закивал головой доктор, выключая аппарат и разъединяя провода. — Мои волны действуют даже на животных.

— Сомневаюсь, — вмешался Боб. — Это попросту идет большой косяк рыбешек, за которыми тянут хищные рыбы. Кроме того, они ведь не понимают по-испански.

— Хунхузы в катере тоже не понимали, а поди ж ты, заплясали.

— По головке матросов за это не поглядят.

— Расстреляют их вместе с командиром, — сказала Инна. — Нелюди с людьми не церемонятся.

Тем временем туча мальков ушла дальше и поверхность океана снова стала гладкой как атласное одеяло. Вдали уже можно было различить белые палубы, облепленные пассажирами, и скошенные, обтекаемой формы трубы Эврики.

— Доктор, пора уже демонтировать аппарат, — забеспокоился тайный агент, видя, что Альхиппи, ругаясь на чем свет стоит, ползает по полу на коленях и шарит под сидениями.

— Проклятая отвертка, — сердито бормотал он, хлопая себя по карманам. — Все время была здесь в верхнем кармане и вдруг словно испарилась. Боб, вы случайно не видели моей отвертки?

Сидящий возле него художник замотал головой и почему-то покраснел. Затем для вида тоже стал шарить под креслом.

— Попробуйте отвинтить чемодан перочинным ножиком, — посоветовал Бом, кидая доктору складной нож. — И поторопитесь, а то скоро вертолет сядет на воду.

— Бак почти пустой, — объявила Китти. — Сама удивляюсь, что еще летим. Надеюсь, все вы умеете плавать. Где же этот хваленый катер с Эврики?

Ввиду предстоящей встречи с шефом Джемса, Инна решила навести на себя красоту и раскрыла было пудреницу, как вдруг всю пудру сдуло ей прямо в лицо, точно от порыва ветра, хотя на океане был мертвый штиль. Вертолет подскочил, сильно накренился и понесся куда-то в сторону, не слушая руля.

— Что это такое? — крикнула Китти в панике, еле выравнивая свой самолетик. — Воздушная волна!

Вслед за внезапным порывом ветра, вдали на острове позади них тяжело ухнуло, грохнуло, словно там взорвалась целая гора или ударил неслышанной силы гром.

— Атараксия! — крикнул Боб. — Атараксия горит.

На лице его появилась торжествующая улыбка.

Пассажиры кинулись к окнам и замерли. В северной части острова, как раз там, где находилась лечебница профессора Диогена, в небо поднимался столб густого дыма с прожилками пламени внизу.

Тайный агент снял свою панаму и склонил голову со скорбным выражением на лице.

— Профессор, — произнес он глухим голосом. — Профессор сказал свое последнее слово.

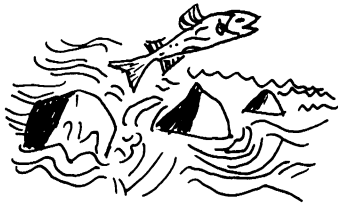
На острове раздалась новые взрывы, послабее.

— Все его покинули, все забыли, — всхлинула Инна. — Почему ты не убедил его бежать вместе с нами, Джемс?

— А ты, Боб, еще уговаривал его хлопнуть на прощание дверь, — добавила Китти, смахивая слезу. — Теперь я все понимаю.

— Для него это был самый лучший выход, — возразил Боб. — В конце концов он понял ошибку своей жизни. Безмятежность — это идея не для наших времен. Ведь если злу не сопротивляться, так оно тебе на голову сядет.

— А все таки жалко старика, — всплакнула Китти. — Был для меня как отец родной... Господа, — крикнула она. — Вертолет летит в воду. Приготовьтесь прыгать в море!

3. "Операция удалась, но пациент умер"

Мотор тяжело хрипел и фыркал, словно задыхаясь. Оба его винта — большой несущий и маленький вспомогательный — вращались безжизненно и вяло. Но самолет еще летел по инерции, бороздя водяную гладь фюзеляжем и вздымая фонтаны брызг.

— Как только вертолет плюхнется в море и станет тонуть, вы, не торопясь, прыгайте в воду и сразу старайтесь отплыть от него подальше, чтобы вас не втянуло в водоворот, — поучал своих друзей Бом, еле удерживая равновесие на качающемся полу. — Главное, не предавайтесь панике! Уже видна спасательная шлюпка под нами.

Инесса на всякий случай попудрила себе нос.

— А вода в океане теплая? — полюбопытствовала она.

Все приготовились прыгать, ожидая когда вертолет остановится на воде. Бросив на произвол судьбы не действующие больше рычаги управления, Китти схватила за руку Боба, чтобы быть вместе. А Горе Гориллович, держа под мышкой свою рукопись, аккуратно завернутую в целлофан, спокойно ожидал сигнала, чтобы спастись, отлично понимая, что без приключений тут не обойтись. Он был готов на все.

Один только Альхиппи не был готов. Он все еще пыхтел над своим чемоданом, тщетно пытаясь открутить винтики, которыми сам же прикрепил аппарат к полу вертолета. Он нервничал, торопился и никак не мог попасть кончиком ножа в шляпки винтов.

— Доктор? — с тревогой кричал тайный агент. — Что вы там возитесь? Оторвите как-нибудь чемодан от пола... Или черт с ним... с чемоданом... Выньте из него аппарат и дайте мне, а сами плывите прочь! Где нож? Может мне удастся отвинтить.

— Я сам... сейчас... сейчас... — бормотал Альхиппи, нервно вертя острием ножа в чемодане. — Фу ты, черт! Опять сорвалось... Аппарат тоже привинчен к чемодану. Каррамба! Как хотите, а без аппарата я отсюда не двинусь. Была бы отвертка...

Почувствовался сильный толчок, послышался всплеск и пассажиры очутились на полу. Обессиленный вертолет зарылся носом в воду. Вынырнув, он некоторое время двигался по инерции вперед, затем застыл на месте и стал медленно тонуть. Вода проникла в кабину через щели и стала заливать пол.

Бом выбил ногой дверцы и прыгнул в воду. Остальные стали поочередно прыгать вслед за ним.

Вертолет долго держался на поверхности, медленно наполняясь водой, словно старая проржавевшая бочка, выброшенная в море. Вокруг него барахтались беглецы, стараясь отплыть как можно дальше. Один только несчастный изобретатель застрял внутри. Вода хлестала из всех отверстий, заливая кабину, а доктор, перестав соображать, что делает, то вертел ножом в уже залитых водой винтиках, то в отчаянии тянул за ручку, пытаясь оторвать чемодан от пола.

Бом взобрался обратно в кабину и попытался помочь изобретателю, но у него тоже ничего не вышло. Чудесный аппарат был точно прикован к полу и гайки не поддавались ни на йоту.

— Черт с ним, с проклятым чемоданом, — крикнул Бом, барахтаясь по пояс в воде. — Бросьте это дело, доктор, и отплывайте как можно дальше от самолета. Сейчас он пойдет ко дну. У вас же есть с собой чертежи аппарата? Построим новый...

— Да они все в чемодане, — прохрипел Альхиппи, задыхаясь. — Я должен... должен его забрать.

— Хватит, — рявкнул Бом. — Вон отсюда!

И он силой вытолкнул доктора из кабины.

Очутившись в волнах океана, доктор все таки отказался удалиться от тонущего вертолета. Ученый тяжело дышал, и глаза его стали безумными. Улучив момент, когда его спаситель замахал подошедшему наконец катеру с Эврики, доктор, крикнув иступленно: "Должен... должен забрать." кинулся обратно к исчезавшему уже под водой вертолету и нырнул.

Тайный агент бросился было его спасать, но, к своему счастью, не успел доплыть до него, так как вертолет, вместе с изобретателем и его бесподобным изобретением, уже пошел ко дну, а на том месте, где он находился, образовалась здоровенная воронка, чуть было не втянувшая в себя разведчика.

— Ай ай ай, как нехорошо вышло, — с досадой подумал агент АйАйАй, поспешно отплывая подальше от опасной воронки. — Как это я проворонил?... Все мои труды пошли насмарку.

В спасательную шлюпку его втянули два дюжих бородача в матросках. Остальные беглецы уже сидели в лодке и жались друг к другу, как мокрые курицы, попивая горячее кофе. На носу шлюпки, возле покрытой брезентом машины, похожей на пулемет, стоял мистер Бим, в квадратных темных очках на носу и с трубкой в зубах, сокрушенно качая головой.

— Где же ваш пресловутый аппарат? Где хунхузы, пытающиеся его похитить? — спросил он Бома с оттенком иронии. — А мы тут старались, захватили даже пулемет с собой, чтобы вас защитить.

Он с нежностью погладил оружие в чехле. Оба бородача, составлявшие всю команду катера, почему-то весело расхохотались.

— Хунхузов мы отогнали при помощи этого самого аппарата, — пробормотал Бом, в изнеможении валиясь на скамейку. — А потом не могли его отвинтить... Такое невезение.

– Не отчаивайтесь, Джемс! Операцию похищения стратегически важного изобретения вы провели блестяще, а то, что вам в последнюю минуту изменило счастье, это не ваша вина.

– Как говорится: "Операция удалась, но пациент умер", – ответил Бом с горечью. – Эх, мистер Бим, не выдержал я испытания. Дайте глотнуть чего-нибудь покрепче.

– Совсем наоборот, Джемс, – сказал его шеф, протягивая ему фляжку с бранди. – Совсем наоборот. Главное, вы не допустили, чтобы аппарат попал в руки наших врагов и конкурентов. И гориллу-перебежчика прихватили. Правду сказать, я думал, что вы меня разыгрываете... Молодец! Как для разведчика-любителя, вы поработали неплохо. И никто не догадался, что молодой увалень, пробравшийся в лечебницу под видом "прогрессивного" профессора Бомма, на самом деле и есть беспутный сынок доллариканского короля туалетной бумаги, Корнелиуса Бомфеллера, убежавший из дому, чтобы тайком поступить на службу Ее Королевского Величества Великогренландии. В награду за выполнение опасной миссии вы получите орден Подтяжек, а мы заинкассируем у вашего папаши полмиллиончика за отыскание пропавшего сына. Кажется, такой был между нами уговор?

– Совершенно верно, – ответил повеселевший тайный агент. – И еще был уговор, что дадите мне новое задание, в том же духе.

– Что, понравилось? Ладно. Дадим. Пошлем опять к черту на кулички.

– Р...р...р...и...и... – взвизгнула Инна, обвивая рукой шею любовника. – А меня возьмешь с собой, "милый"? Так это ты – пропавший миллионер? Самый настоящий буржуй, капиталист. О таком я и мечтала. Скажи, Китти, был у меня нюх, или нет?

А Китти тем временем тихо разговаривала с Бобом, попивая кофе.

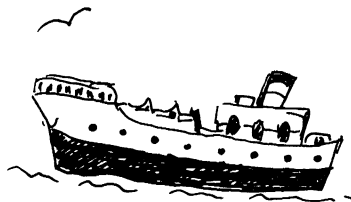
– Боб, отвертка у тебя? – шепнула она ему на ухо.

– Да, – ответил тот шепотом, хлопая себя по карману. – Хочу сохранить на память.

– Не годится. Лучше выкинь, чтобы не было никаких улик.

– Может быть, ты и права, – сказал Боб и незаметно выкинул отвертку за борт. – Скажи, Китти, разве я виноват в том, что случилось? Почему я знал, что этот сумасшедший доктор бросится в тонущий вертолет. Я хотел только утопить аппарат.

– Не ты один виноват, – шепнула она, разглаживая руками свои пышные черные локоны, чтобы их просушить. – У меня в баке оставалось достаточно горячего, чтобы долететь до Эврики...

Э П И Л О Г

Опять проблема обезьяны...

Во время разговора с Бомом его шеф то и дело с интересом посматривал на его красавицу подругу, затем еще раз поздравил своего подчиненного с прекрасной находкой.

– ...И вы говорите, что вам не повезло, Джемс! Эх вы, счастливец! Мы, конечно, все знали о ней, но я не ожидал, что она такая красотка.

Инна порозовела от удовольствия.

– Спасибо, мистер Бим, – сказала она. – Мы тоже все знали о вас, но я не ожидала от вас такой галантности. Однако интересно было бы услышать, что вам известно обо мне?

– Ишь ты, какая любопытная! – рассмеялся разведчик. – Ну ладно, вы же Инна Бендер, родом из Риги... До своего перехода на нашу сторону служили в хунхузской разведке в чине младшего лейтенанта. Ввиду того, что вы всегда восхищались всем

западным, ваше начальство не доверяло вам и послало вас в самые гиблые места, вроде Таракании. А теперь скажите вы, что известно вашей разведке?

– Нам было известно, мистер Бим, что ваша настоящая фамилия – Самуил Бимович, – сказала с улыбкой Инесса. – Вы сын портного из Минска и в двадцатых годах эмигрировали в Великогренландию, где поступили в разведку АйАйАй под кличкой "мистер Экс". Ваши позывные буквы: X7 с половиной. В настоящее время вы являетесь главой отделения АйАйАй на Вест-Индских островах, со штаб-квартирой на острове Ямайке...

– Тссс... довольно, – потрясенный разведчик закрыл ей ладонью рот. – Вы слишком много знаете, Инна. Потом поговорим о том, можете ли быть нам полезны, а пока не будем входить в подробности нашего ремесла. О-кей?

— Р...р...р...и... о-кей. Вы же наш "босс".

Поговорив с Инессой, мистер Бим удостоил своим вниманием Китти.

— А это вы, браваый пилот вертолета, — поклонился он ей. — Насколько мне известно, вас звали в лечебнице девушкой-зайчиком. Где же ваши ушки?

— Утонули вместе с вертолетом, — ответила она, улыбаясь. — В Доларике они и так ни к чему, так как заячьи уши там надевают на голову только подавальщицы в одном из ночных кабарэ, не имея на себе ничего больше, а я не желаю походить на одну из них.

— Вы правы, Китти. — согласился мистер Бим. — Зато наверно во всей Доларике не найдется женщины-пилота отважнее и прекраснее вас. Будете дальше заниматься пилотажем?

— Не думаю, — ответил за нее Боб. — Работа пилота довольно опасна, а кроме того у нас другие планы.

— Так это вы, художник Нокиеро, позабывший на острове свое прошлое? — обрадовался Бим. — Ваша настоящая фамилия — Рольф. Роберт Рольф. Да, да, я недавно узнал из нашей пароходной газеты, что на выставке в Нью Йорке художник-портретист по фамилии Роберт Рольф получил заочно первый приз за портрет девушки, облитой помидоровым соусом или что-то в этом роде... Это вы?...

Боб смутился, а Китти посмотрела на него с укором.

— Ты мне ничего не говорил, что облил какую-то девушку помидоровым соком. Это что? Новое извращение в вашей Содоме и Гоморре?

— Забыл сказать, Киттенька, — стал оправдываться Боб, не зная радоваться ли ему, или нет. — Я же много, что позабыл. Теперь помню. Это портрет Анэты... натурщицы... гм... Разозлившись, я его измазал гнилым помидором... Потом тебе расскажу... подробнее... Не ожидал, что портрет попадет на выставку в таком виде, да еще получит награду.

— Поздравляю вас, — приятно улыбнулся разведчик. — Теперь заказы на портреты вам обеспечены.

— А я по *quiero!* Мне теперь все равно. Хочу возвратиться на остров. Я ведь обещал тараканцам помочь им строить новую жизнь.

— Тараканское радио только что передавало, что вся Атараксия разрушена взрывом вместе с гориллами и враждующими между собой фракциями марксистов, — сообщил Бим. — А во-время бежавшие из лечебницы пациенты свергли шутовское правительство президента и теперь пляшут вместе с жителями города на улицах. Упиваются свободой...

— Свободой?! — забеспокоился Боб и вдруг пришел в возбуждение. — Да разве они сумеют ею пользоваться без руководителя?. Сумеют ли бороться со злоупотреблениями в своей среде?. Нет, я их так

не оставлю. Китти, при первой возможности летим назад. Надо островитянам помочь организовать новое справедливое общество... без насилия и диктаторов... — горячился он, усиленно жестикулируя.

— Ладно, Боб. — успокоительно сказала Китти. — Однако сначала нам надо добраться до Доларики.

— А пока, пожалуйста не раскачивайте лодки, — сухо предложил мистер Бим. — А то мы очутимся в воде.

— Мой жених — неисправимый фантаст, — стала оправдывать Боба девушка-зайчик. — Боюсь, что он заразился от профессора Диогена разными идеями. Например, он мечтает о создании нового идеального общества, в котором зло было бы уничтожено...

— Нет, не могу, — вспыхнула Инесса, с раздражением слушавшая их разговор. — Еще один мечтатель объявился. Развелось теперь этих фантастов, непростенных благодетелей человечества как собак нерезанных. И все они норовят переделывать мир по своему усмотрению, точно старое платье. Ведь те "благодетели", от которых я бегу, тоже как будто строят будущую светлую жизнь, сулят алмазы в небе, а людей держат взаперти, точно несмышленных цыплят в затхлой темной каморке. Все эти так называемые идеалисты на самом деле в душе бюрократы, стремящиеся к личной власти и удушению свободы ради мертвой буквы. Одна надежда, что в Доларике, куда я надеюсь попасть, таким не дают ходу и там еще можно свободно дышать.

— Зато там вечная спешка, погоня за долларом, въедливая реклама кока-колы, — сказал Боб.

— Р...р...р...и... как расчудесно! — завизжала Инна. — Зато нет въедливой пропаганды марксо-бесизма. Не хочу жить ни под диктатурой пролетариата, ни бюрократии. Хочу жить под властью желтого дьявола. Хочу гоняться за долларом и готова целыми днями слушать рекламу кока-колы... А ты как, Гориллыч? Теперь ты сможешь писать, что хочешь.

— Буду писать... — радостно закивала мохнатой головой горилла. — А то, знаете, в джунглях вечная слезка... цензура... соцреализм... У нас даже самиздата не было. Книгу свою я писал по ночам, на дереве. Вот какая была жизнь наша за пальмовым занавесом. Зато, надеюсь, в Доларике будет свобода.

— Да, свобода! — пробурчал Боб закуривая и поглядывая искоса на Китти. — Однако, мне кажется, что полной свободы и мы никогда не будем иметь.

— Боб, ты опять куришь! — воскликнула Китти, заметив у него сигарету во рту. — Пожалуйста, выкинь сейчас же. Тебе вредно.

Тот нехотя выбросил окурок за борт.

— Вот она — свобода! — буркнул он.

— Ну, кажется, опасность миновала, хунхузов не видно, — сказал мистер Бим, рассматривая океан в бинокль. — Сыграйте-ка, братцы-матросики, что-нибудь на своих пулеметах.

Веселым бородачам не надо было повторять приказа. Они моментально содрали брезентовое покрытие с сооружения на носу лодки, и все увидели, что это был не пулемет, а две большие электрические гитары, сложенные вместе таким образом, чтобы их можно было принять за какое-то орудие под чехлом.

Побренчав малость для разминки пальцев, бородачи запели, аккомпанируя себе на гитарах:

"Тра ля, тра ля, тра ля-ли —

Стоит жить лишь для любви.

Поем песенку сеньору, поем песню сеньорите —

Позабудьте все заботы, а пляшите и любите!

Днем танцуй, пируй, "мучача", ночь же отдай любви...

Что день завтрашний готовит, ты об этом не тужи!

Тра ля, тра ля, тра ля ли —

Ночку же отдай любви!"

— Эту песенку я уже слышал на острове, — заметил Боб. — Ее распевали бездельники в парке.

— О, Боже мой! Увольте! — воскликнула Китти, закрывая себе уши ладонями. — Это же из Альхиппидского репертуара...

А веселые ребята в матросках продолжали петь:

"К черту все заботы! Всё на свете ерунда!

Поцелуй "мучачу" крепко, остальное трин-гравал!

Танго-манго-ча-ча-ча!"

Катер подходил уже к Эврике, и было видно, как на палубах собралась нарядная толпа туристов, слышавших о приближении моторной лодки с бежавшими с острова экзотическими гостями. Слух о их приключениях распространился среди праздной публики, и все решили выйти на палубы, чтобы проветриться перед вечерним открытием игорных залов, да заодно поглазеть на новых пассажиров.

Горе Гориллович глядел с восхищением и страхом на огромный блестящий пароход и беззаботных

туристов, которые олицетворяли для него тот новый неизвестный ему мир, куда он стремился попасть. По мере приближения к Эврике, его стало охватывать беспокойство.

— Товарищ летчица... Мисс Китти... — обратился к девушке. — А что же со мной будет? Как меня там примут? Кто мне поможет издать роман? Вы, мистер Бим? Или вы, мистер Бом?

Он переводил свои грустные глаза с одного на другого, ища у них поддержки, обещания, ободрения. Однако оба джентльмена, точно сговорившись, избегали его взгляда.

— Господа, — вмешалась Китти, которой сделалось жалко несчастного перебежчика. — Господа, надо же помочь нашему Горе Горилловичу. У него ведь нет ни опыта жизни в свободном мире, ни связей, ни гроша за душой. А его разоблачения из жизни марксосоветов за пальмовым занавесом, несомненно, вызовут сенсацию на книжном рынке. Займитесь ним.

— Так то оно так, — неопределенно протянул великобританский начальник. — Но я считаю, что его книга имела бы больше успеха, останься ее автор в джунглях, а роман переправь за границу. Конечно, еще лучше было бы, если бы он за книгу был посажен в муравейник в обезьяньем лагере и там сидел. Вот это была бы сенсация. А так, сами посудите, что может написать перебежавший к нам неудачник, кроме охаивания своих прежних господ?

— Да, но все же надо ему помочь, — заступился за бедную гориллу тайный агент. — Сэм, устройте его где-нибудь. При ваших связях это вам ничего не стоит.

Мистер Бим широко улыбнулся и дружелюбно хлопал перебежчика по спине.

— Ладно, Гориллович, не отчаивайтесь. О-кэй! На пароходе мы вам устроим маленький допросик... Сущая формальность. А затем попрошу капитана, чтоб вас принял на работу судомойкой в кухне.

КОНЕЦ

О Г Л А В Л Е Н И Е

ПРОЛОГ	Горилла - "гэрилла" им. Карлы Марлы	5
ГЛАВА ПЕРВАЯ	1. Бим и Бом	6
	2. Нокиеро – Забывайка	8
	3. Министерские шуты гороховые	10
	4. Пьянчужка Педро	13
ГЛАВА ВТОРАЯ	1. Узколобые товарищи	15
	2. Инесса-поэтесса и девушка-зайчик	17
	3. Урок безмятежности профессора Диогена	20
	4. Живая вычислительная машина директора	23
	5. Мятёжный санаторий для безмятежных	26
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	1. Последнее слово похоронной музыки	29
	2. По команде – жуй, глотай, благодари!	31
	3. Идеальная женщина	34
	4. Богиня из киоска	37
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ	1. В подземном царстве Левшей	39
	2. Опасные волны	41
	3. Хорошо быть левшой	44
	4. Наплевать нам на культуру!	45
	5. Пифагор перекраивает штаны	46
	6. Новая краля-лолита	48
	7. Партия "блиц" бывших вождей	49
	8. Штурм лаборатории	50
ГЛАВА ПЯТАЯ	1. Упрямый пациент	51
	2. Не удался вам "Новый Человек"!	53
	3. Как уничтожить аппарат телевнушения?	56
	4. Арка на Вашингтон Сквер	58
ГЛАВА ШЕСТАЯ	1. В вертолете над островом	61
	2. Электронная телепатия	62
	3. Эмоциональный молодой человек	65
	4. Концерт состоится при любой погоде	66
	5. Не больше одной сигареты в день... ..	68
ГЛАВА СЕДЬМАЯ	1. В Галерее ужасов	69
	2. Горе Гориллович – писатель из джунглей.....	70
	3. Любовь не картошка	71
	4. Пир во время чумы	73
ГЛАВА ВОСЬМАЯ	1. "Электронный Инквизитор"	75
	2. Шемякин суд.....	77
	3. Профессор стучит кулаком.....	80
	4. Долой Панчу!	81
	5. Убийственная цитата	83
	6. Горилла в вертолете	85
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ	1. Бензо-колонка сумасшедшего Педро	87
	2. "Пишите мне по бродвейскому адресу!"	89
	3. Последнее слово профессора	90
	4. "Операция удалась, но пациент умер"	91
ЭПИЛОГ	Опять проблема обезьяны... ..	92

